ДЕ
30 Якут.
М-14 №2
Шаинов, ИН
Некоторые...
1898

ДБ 30 Якут. М14

ТРУДЫ
Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.
№ 2.

И. И. Майновъ.

Нѣкоторыя данныя
О ТУНГУСАХЪ
ЯКУТСКАГО КРАЯ.

Съ тремя таблицами, 1 фототипіей и 1 цинкографіей.

„Если тунгусы своевременно не будутъ направлены на единственный для нихъ путь спасенія,..... т. е. на занятіе скотоводствомъ,..... то они, несмотря на замѣчательныя природныя дарованія,..... обречены на погибель. Нельзя не пожелать, чтобы мѣстное начальство съумѣло справиться съ великой задачей. Еще время не ушло". **Миддендорфъ.**

ИРКУТСКЪ.
Типо-литографія П. И. Макушина.
1898.

6441

Печатано по распоряженію Восточно-Сибирскаго Отдѣла И. Р. Г. О. и подъ наблюденіемъ Редакціонной Комиссіи.

Предсѣдатель Комиссіи **В. Обручевъ.**

15-го мая 1898 г.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
5-40938

СОДЕРЖАНІЕ.

Предисловіе . . . . . стр. I—XIII

Глава I. Архивныя данныя:

Административныя попытки изслѣдованія Якутскаго края въ XVIII вѣкѣ; образецъ собранныхъ при этомъ свѣдѣній—описаніе тунгусовъ Брагатскаго рода, стр. 1—10. Измѣненія въ численности якутовъ и тунгусовъ Олекминскаго края съ 1730 по 1830 годъ и платежи тунгусовъ съ 1796 по 1835 годъ, стр. 10—19. Различія въ половомъ и возрастномъ составѣ якутскаго и тунгузскаго населенія Олекминскаго округа въ концѣ XVIII в., стр. 19—22. Главныя перемѣны въ культурѣ и въ хозяйственномъ бытѣ тунгусовъ въ продолженіе первой половины XIX в., стр. 22—34. Убыль тунгусовъ со времени ревизіи 1859 года, стр. 34—40.

Глава II. Церковныя данныя:

Общая характеристика метрическихъ книгъ Якутской епархіи, стр. 40—42. Половой и возрастный составъ тунгузскаго населенія Майскаго и Кангаласскаго вѣдомствъ по исповѣднымъ росписямъ 1895 года, стр. 42—47. Сравненіе тунгусовъ съ другими инородцами Восточной Сибири по составу населенія, стр. 47—48. Рождаемость и смертность у тунгусовъ по метрическимъ книгамъ двухъ церквей Якутскаго округа за 1881—1895 годы, стр. 45—50. Перевѣсъ рождаемости надъ смертностью; истребительная сила эпидемій и случайныя катастрофы, какъ обстоятельства, пересиливающія перевѣсъ рождаемости надъ нормальной смертностью, стр. 50—54. Попытка опредѣленія брачной плодовитости тунгусовъ путемъ посемейныхъ опросовъ; благопріятные для тунгусовъ выводы изъ собранныхъ при этомъ данныхъ, стр. 54—59. Попытка опредѣленія коэффиціента смертности тунгусовъ по церковнымъ даннымъ, стр. 59—62. Смертность отъ оспы и отъ несчастныхъ случайностей по церковнымъ даннымъ, стр. 63—64. Эмиграція тунгусовъ изъ Якутскаго края, стр. 65—66.

Глава III. Антропометрическія данныя:

а) Общія характеристики тунгузскаго типа въ литературѣ; противорѣчивость этихъ характеристикъ, стр. 66—73. Описанія тунгусовъ у Миддендорфа, стр. 74—80. Описанія тунгусовъ у Маака, стр. 80—84. Описанія тунгусовъ у Шренка, стр. 85—93. Типъ сѣверныхъ тунгусовъ по описанію В. Л. Сѣрошевскаго, стр. 93—95. Общій выводъ изъ сличенія литературныхъ показаній, стр. 96—98.

б) Условія и пріемы моихъ работъ, стр. 97—102. Данныя о ростѣ, стр. 102—104. Объемъ груди и грудной указатель, стр. 105—106. Головные діаметры и головной указатель, стр. 106—110. Преобладающіе среди тунгусовъ типы лица, стр. 110—114. Лицевые діаметры и лицевой указатель, стр. 115—116. Общій выводъ о соматическихъ особенностяхъ и расовомъ составѣ изслѣдованной части тунгусовъ, стр. 116—120.

Глава IV. Путевыя замѣтки:

а) Поѣздка на Уланахъ. Предварительныя замѣчанія, стр. 121—124. Современное состояніе охотскаго тракта, стр. 124—126. Якутскій поселокъ Чурапча; развитіе земледѣлія среди мѣстныхъ якутовъ; значеніе хлѣбопашества для мѣстнаго тойона и для зауряднаго родовича, стр. 126—130. Бывшее скопческое селеніе близь Чурапчи, стр. 130—134. Путь до Этерджяха, стр. 134—138. Географическое положеніе Уланаха, стр. 138—140. Населеніе края между рѣками Алданомъ и Аллахъ-Юной, стр. 140—142. Общій складъ быта мѣстныхъ тунгусовъ, стр. 142—147. Мѣстные олени и ихъ болѣзни, стр. 147—151. Сборы къ отъѣзду; канунъ Пасхи; пасхальная ночь, стр. 151—157.

б) Каналасская поѣздка. Берегъ Лены близь Кочекатской церкви, стр. 157—159. Путь до перваго стойбища, стр. 159—163. Обстановка современной урасы; объякучиванье кангаласцевъ, стр. 163—168. Разнородность кангаласцевъ по ихъ происхожденію; родовыя преданія и разселеніе родовъ, стр. 168—175. Захватъ якутами всѣхъ луговыхъ угодій между рѣками Леной и Амгой; безвыходное положеніе тунгусовъ, стр. 175—177. Тунгузскія дѣти, стр. 177—178. Промыслы кангаласцевъ, стр. 178—183. Молебенъ объ исцѣленіи оленей, стр. 183—184. Стойбище на урочищѣ Сатагай; административное устройство кангаласцевъ; ясакъ; недоимка, стр. 184—190. Переходъ черезъ водораздѣлъ Лены и Амги; верховья р. Тенгутти, стр. 190—192. Роздыхъ у старика Ильи; разсказъ Ильи о его злоключеніяхъ, стр. 192—195. Путь до рѣ-

ки Амги, стр. 195—199. Взглядъ мѣстныхъ инородцевъ на бракъ, стр. 199—202. Плаваніе въ веткѣ, стр. 203—204. Утесъ Суруктахъ-Хая; начертанія на скалахъ; граница якутскихъ поселеній, стр. 205—206. Путь до урочища Марылахъ; тунгусы-земледѣльцы; ихъ опасенія за будущее, стр. 207—214.

Рисунки:

Таблица I. (Фототипія). Группа тунгусовъ Киндигирскаго рода, вышедшихъ на берегъ Лены близъ русскаго селенія.

Таблица II. (Цинкографія). Группа тунгусовъ Жеюганскаго рода, сидящихъ на каменистомъ берегу Лены близъ костра, передъ которымъ пекутся лепешки.

Предисловіе.

Несмотря на громадную площадь разселенія,—отъ низовій Енисея до низовій Амура,—тунгусы донынѣ остаются однимъ изъ наименѣе изслѣдованныхъ племенъ Сибири. О многихъ народностяхъ тюркскаго и монгольскаго происхожденія въ научной литературѣ имѣются очень обстоятельныя и точныя данныя, собранныя въ продолженіи послѣднихъ десятилѣтій нѣсколькими изслѣдователями, антропологами и этнографами. О киргизахъ, напримѣръ, существуетъ уже цѣлая литература; ихъ физическій типъ опредѣляли путемъ антропометрическихъ измѣреній: Зеландъ, Уйфальви, Мацѣевскій, Поярковъ, Ивановскій; и, наконецъ, въ 1889—91 гг. появился въ печати посвященный этому племени двухъ-томный трудъ А. Харузина, подробно измѣрившаго 157 особей. Инородцевъ алтайскаго края изслѣдовалъ покойный Ядринцевъ. Среди калмыковъ производили измѣренія: Уйфальви, Поярковъ и А. А. Ивановскій. О бурятахъ въ 1894 г. появился трудъ И. И. Шендриковскаго, а въ близкомъ будущемъ можно ожидать еще болѣе подробныхъ свѣдѣній объ этомъ племени отъ г. Талько-Гринцевича. Даже якуты, отодвинутые болѣе счастливыми племенами на крайній сѣверъ, и тѣ, если не въ антропологическомъ, то въ этнографическомъ отношеніи, изслѣдованы гораздо полнѣе и разностороннѣе. Въ 1896 г. вышелъ первый томъ большого труда В. Л. Сѣрошевскаго, поставившаго своей цѣлью собрать и критически провѣрить всѣ печатные источники, чтобы затѣмъ, пополнивъ этотъ матеріалъ обширнымъ запасомъ своихъ собственныхъ наблюденій, обработать его въ видѣ монографіи, охватывающей всѣ стороны якутскаго быта.

II

Тунгусы, бродящіе немногочисленными группами по мало доступнымъ горнымъ хребтамъ и по сѣверной тундрѣ, привлекали къ себѣ гораздо меньше вниманія. Относительно ихъ физическаго типа въ литературѣ до сихъ поръ удерживаются описанія діаметрально противоположнаго характера. Въ третьей главѣ этого очерка читатель найдетъ выдержки изъ различныхъ авторовъ, пытавшихся подвести итоги тому немногому, что сообщаютъ путешественники о ростѣ, строеніи и наружности тунгусовъ. Одни отзываются о нихъ какъ о народѣ росломъ, мускулистомъ и благообразномъ, другіе,— и такихъ больше,—утверждаютъ, что тунгусы по своему росту значительно уступаютъ не только русскимъ, но и якутамъ, что они тонки, тщедушны и крайне безобразны. Домашній и хозяйственный бытъ тунгусовъ извѣстенъ до сихъ поръ преимущественно по сообщеніямъ Миддендорфа и Шренка, посѣтившихъ восточную Сибирь почти полвѣка тому назадъ. Въ глазахъ европейцевъ этотъ народъ и понынѣ остается тѣмъ-же, чѣмъ онъ былъ для Кастрена, охарактеризовавшаго его, какъ „das reinste, idealste Jägervolk, das in den Einöden Sibiriens weilt“ [1]). Болѣе или менѣе однообразны и опредѣленны только тѣ отзывы, какіе давались путешественниками о нравственныхъ качествахъ тунгусовъ, одинаково поражавшихъ всѣхъ наблюдателей своимъ прямодушіемъ, отвагой и необыкновеннымъ развитіемъ эстетическаго чувства.

Проживъ уже семь лѣтъ въ Якутской области, я лично, вплоть до начала 1894 года, зналъ тунгусовъ почти исключительно по литературнымъ отзывамъ да по устнымъ разсказамъ тѣхъ лицъ, которыя бывали въ сѣверныхъ округахъ: Верхоянскомъ и Колымскомъ. Видѣть тунгусовъ своими глазами мнѣ доводилось очень рѣдко: разъ или два въ г. Вилюйскѣ, да раза два—три въ якутскихъ наслегахъ Восточно-Кангаласскаго улуса. Скудость и противорѣчивость литературныхъ свѣдѣній, а наряду съ этимъ—

[1]) *M. Alexander Castrén's.* Ethnologische Vorlesungen über die altaische Völker. Tunguseu. 23.

единогласное восхваленіе благороднаго характера и своеобразной элегантности тунгусовъ вызвали во мнѣ большой интересъ къ этому племени. Мнѣ хотѣлось проникнуть въ тѣ дебри, по которымъ бродитъ этотъ отважный и безпечный idealste Jägervolk со стадами своихъ густорогихъ оленей, пожить тамъ подольше, и присмотрѣться своими глазами къ условіямъ, охраняющимъ въ цѣломъ племени почти первобытную свѣжесть и ясность души.

Мои желанія до нѣкоторой степени сбылись,—хотя и не въ той формѣ, о какой мечталось. Въ январѣ 1894 г. бывшій Правитель Дѣлъ Вост. Сиб. Отдѣла Имп. Рус. Географическаго Общества Д. А. Клеменцъ предложилъ мнѣ принять участіе въ трудахъ экспедиціи, которую организовалъ въ то время Отдѣлъ на средства, пожертвованныя И. М. Сибиряковымъ. Главная цѣль этой экспедиціи состояла въ изслѣдованіи якутовъ, т. к. въ населеніи Якутскаго края они составляютъ огромное большинство. Лично я взялъ на себя собираніе антропометрическихъ данныхъ въ предѣлахъ одного Якутскаго округа, причемъ предполагалось, что и мнѣ, подобно другимъ экскурсантамъ, работавшимъ въ Якутскомъ округѣ, придется сосредоточить свое вниманіе, если не исключительно, то преимущественно на якутахъ. Обстоятельства сложились однако-же настолько благопріятно, что уже вскорѣ мнѣ представилась возможность значительно расширить программу своихъ работъ. Изслѣдованіе якутовъ охотно принялъ на себя одинъ изъ моихъ товарищей—Н. Л. Геккеръ, а я задался цѣлью собрать возможно полныя антропологическія данныя о тунгусахъ и о русскихъ уроженцахъ Якутскаго края. Въ продолженіи 94 и 95 года мнѣ пришлось почти все свое время отдавать разъѣздамъ по русскимъ селеніямъ двухъ южныхъ округовъ: Якутскаго и Олекминскаго, а затѣмъ и обработкѣ получившихся данныхъ для представленія отчета г. Якутскому Губернатору. Этотъ трудъ я выполнялъ совмѣстно съ чин. особ. поруч. Г. Л. Кондаковымъ, который, какъ членъ якутской экспедиціи, неоднократно оказывалъ мнѣ содѣйствіе и въ чисто

экспедиціонныхъ работахъ, производившихся въ этотъ періодъ только урывками. Такъ въ архивѣ Олекминской Окружной Полиціи, при систематическомъ обозрѣніи дѣлъ, касающихся управленія олекминскихъ крестьянъ въ XVIII в., намъ удалось найти кое-какія данныя относительно численности и быта олекминскихъ тунгусовъ въ прошломъ столѣтіи. Эти данныя приводятся въ первой главѣ предлагаемыхъ очерковъ[1]). Тамъ-же, въ г. Олекминскѣ, въ сентябрѣ 1894 года, я могъ измѣрить 15 мужчинъ Киндигирскаго и Хахарынскаго родовъ, а Г. Л. Кондаковъ записалъ съ ихъ словъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ оленеводствѣ и болѣзняхъ, которыми всего чаще страдаютъ олени (надо замѣтить, что г. Кондаковъ по образованію—ветеринарный врачъ). Въ мартѣ 1895 г., прибывъ на Алданъ для статистическаго изслѣдованія тамошнихъ скопческихъ селеній, свѣдѣнія о которыхъ требовались для г. Губернатора, я воспользовался случаемъ и сдѣлалъ небольшой крюкъ въ сторону, чтобы посѣтить старосту 2-го Эжанскаго рода. Отъ собравшихся у старосты тунгусовъ (въ числѣ которыхъ былъ и голова Майскаго вѣдомства) я получилъ кое-какія свѣдѣнія о земледѣліи и землепользованіи у эжанцевъ и тутъ-же измѣрилъ пятерыхъ мужчинъ.

Въ началѣ 1896 г. мое время освободилось и только съ этого момента я могъ, наконецъ, предпринимать поѣздки съ исключительной цѣлью изслѣдованія тунгусовъ. Къ сожалѣнію, къ 1-му января 1896 г. въ моемъ распоряженіи не оставалось уже ни копѣйки изъ суммы, пожертвованной И. М. Сибиряковымъ. По взаимному соглашенію членовъ экспедиціи, на работы по Якутскому округу было ассигновано 3,900 р., изъ которыхъ въ мой кредитъ за два года отчислено 720 р. Указанной суммой пользовались для цѣлей экспедиціи два лица: я и Н. Л. Геккеръ,

[1]) Въ архивѣ Якутской Окружной Полиціи дѣла сохранились лишь отъ 1858 г. и далѣе; вслѣдствіе этого мой матеріалъ охватываетъ лишь населеніе Олекминскаго и частью Вилюйскаго округовъ.

успѣвшій въ продолженіи двухъ лѣтъ совершить нѣсколько поѣздокъ и измѣрить около пятисотъ якутовъ разнаго пола и возраста. Въ силу этого, при дальнѣйшихъ работахъ мнѣ приходилось разсчитывать лишь на свои собственныя, весьма скромныя средства. Изъ трехъ поѣздокъ, которыя были мною задуманы раньше, отъ одной, и притомъ наиболѣе интересной, я былъ вынужденъ совершенно отказаться. По сообщеніямъ эжанцевъ, тѣ изъ майскихъ тунгусовъ, которые не перешли отъ звѣроловства къ скотоводству, а бродятъ и по нынѣ по р. Учуру и его притокамъ, до нашего времени сохранили свою національность, т. е. свой языкъ, обычаи, пѣсни и преданія. Такъ-какъ большинство ихъ соплеменниковъ, въ другихъ мѣстностяхъ округа чаще соприкасаясь съ якутами, сильно денаціолизированы, то именно учурскіе тунгусы могли-бы доставить для этнографа или антрополога наиболѣе цѣнный матеріалъ. Однако, изъ бесѣды съ Усть-Майскимъ священникомъ о. Василіемъ Мальцевымъ для меня выяснилось, что расходы поѣздки на Учуръ, при самомъ умѣренномъ разсчетѣ (считая за пунктъ отправленія г. Якутскъ), потребуютъ около 400 рублей и самая поѣздка отниметъ не менѣе четырехъ мѣсяцевъ времени. Ни такихъ средствъ, ни такого досуга у меня не было и, какъ это ни грустно, но я долженъ былъ ограничить кругъ своихъ разъѣздовъ болѣе узкими предѣлами.

Главная трудность при изслѣдованіи тунгусовъ состоитъ въ томъ, что эти люди почти круглый годъ блуждаютъ въ разбродъ по какимъ-то невѣдомымъ дебрямъ. Гоняться за ними по тайгѣ въ надеждѣ то тамъ, то здѣсь встрѣчать человѣка по два—по три,—не имѣетъ почти никакого смысла. Считая необходимымъ для характеристики общаго типа измѣрить по крайней мѣрѣ человѣкъ сто, я долженъ былъ разузнавать: гдѣ именно и въ какіе моменты тунгусы собираются въ значительномъ числѣ? Изъ распросовъ оказалось, что мѣстомъ самаго многочисленнаго скопленія служитъ Усть-Майская ярмарка, открывающаяся въ іюнѣ мѣсяцѣ;

съ 29-го іюня по 20-е іюля на этой ярмаркѣ успѣваетъ перебывать до 200 тунгусовъ, сбывающихъ тутъ свою пушнину. Несмотря на сравнительную легкость поѣздки на Маю, я не счелъ нужнымъ отправляться туда вторично, такъ-какъ уже при первомъ проѣздѣ (въ мартѣ 1895 г.), могъ воочію убѣдиться въ томъ, что майскіе тунгусы ни въ какомъ случаѣ не могутъ служить образцомъ собственно тунгузскаго типа. Смѣшеніе съ якутами въ этой мѣстности происходило такъ давно и въ такихъ широкихъ предѣлахъ (нерѣдко случаи повторительныхъ, тройныхъ и четверныхъ помѣсей),—что нынѣ въ массѣ населенія рѣшительно преобладаютъ особи съ чисто-якутскимъ типомъ лица. У многихъ мужчинъ въ формѣ глазъ и въ очертаніяхъ нижней части лица встрѣчается, правда, нѣчто особенное, не якутское, но въ опредѣленіи такихъ тонкихъ различій, при недостаточномъ знакомствѣ съ основнымъ типомъ тунгусовъ, наблюдатель неизбѣжно внесъ-бы много субъективнаго и сбивчиваго. Въ виду этого, экскурсія, наиболѣе удобная по условіямъ пути, являлась въ моихъ глазахъ наименѣе важной по своимъ результатамъ, и я выбралъ для начала работъ совершенно другой пунктъ.

Отъ знакомыхъ коммерсантовъ мнѣ было извѣстно, что въ мартѣ мѣсяцѣ по охотскому тракту начинается движеніе грузовъ, доставляемыхъ въ Охотскъ морскимъ путемъ изъ Владивостока. Изъ Охотска вся кладь вывозится на собакахъ, но уже на первой станціи она перегружается на оленей, съ которыми слѣдуютъ возчики-тунгусы; эти возчики препровождаютъ кладь до станціи Уланахъ, находящейся приблизительно на половинѣ пути между Охотскомъ и Якутскомъ (около 600 верстъ отъ Охотска, около 500—отъ Якутска). На Уланахѣ происходитъ вторичная перегрузка товаровъ; возчики-тунгусы получаютъ разсчетъ или квитанціи и немедленно возвращаются во-свояси, кто-куда: одни подъ Охотскъ, другіе—въ верхоянскую тайгу, третьи—въ различныя мѣстности Якутскаго округа. Доставленная ими кладь

препровождается далѣе уже на коняхъ возчиками изъ окрестныхъ якутовъ.

Одна изъ наиболѣе крупныхъ фирмъ, оперировавшихъ въ этой мѣстности,—Амурское Товарищество—въ 96 году имѣла свой складъ въ пунктѣ пересѣченія р. Алдана и Охотскаго тракта,—на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда былъ воздвигнутъ недолговѣчный городъ Алданскъ; это мѣсто отстоитъ отъ Уланаха всего на 90 верстъ и туда-то я рѣшилъ отправиться, въ разсчетѣ на содѣйствіе завѣдывавшаго складомъ г. Казакевича. Пользуясь по своему положенію извѣстнымъ авторитетомъ въ глазахъ инородческаго населенія, г. Казакевичъ могъ оказать весьма важную услугу, рекомендуя меня тунгусамъ какъ совершенно частное лицо, со стороны котораго они не должны ожидать для себя ничего худого. Въ виду опасеній, постоянно возникающихъ у инородцевъ при производствѣ въ ихъ средѣ антропометрическихъ измѣреній, такая рекомендація является главнымъ условіемъ успѣха и я имѣлъ полное основаніе ожидать, что проработавъ на Уланахѣ мартъ мѣсяцъ, при рекомендаціи со стороны г. Казакевича, успѣю измѣрить отъ 50-ти до 100 человѣкъ тунгусовъ, а вмѣстѣ съ этимъ и пополню небогатый запасъ своихъ наблюденій.

Въ такой надеждѣ я выждалъ время, когда одинъ изъ служащихъ Т-ва—И. Ѳ. Тонышевъ на собственныхъ лошадяхъ отправился изъ Якутска на Алданъ, и вмѣстѣ съ нимъ добрался до Уланаха къ 16-му марта. Къ сожалѣнію, рядъ совершенно случайныхъ обстоятельствъ лишилъ эту поѣздку того значенія, которое она могла-бы имѣть при нормальныхъ условіяхъ. Прежде всего, общественное собраніе охотскихъ тунгусовъ на этотъ разъ нѣсколько затянулось благодаря тѣмъ мѣрамъ, которыя весьма благоразумно были приняты охотской администраціей именно въ этотъ моментъ для предварительнаго учета тунгусовъ въ виду предстоящей переписи. (Съ конца апрѣля и вплоть до зимы почти всѣ оленеводы откочевываютъ въ горы, охотники разбредаются на

лѣтній промыселъ, и всѣ заходятъ въ такую даль, что тамъ ихъ не сыскать никакимъ засѣдателямъ). Отправка грузовъ изъ Охотска такимъ образомъ нѣсколько замедлилась, а тутъ на горныхъ вершинахъ разгулялась пурга; небо заволокло тучами, сутокъ трое день и ночь валилъ густой снѣгъ; трудный путь черезъ хребты начисто перемело и на нѣкоторое время сообщеніе съ Охотскомъ совершенно прекратилось.... Кое-кому изъ возчиковъ удалось еще въ мартѣ, до начала вѣтровъ, пробраться на Уланахъ, но всѣмъ запоздавшимъ приходилось выжидать погоды неопредѣленное время. Могло случиться, что вѣтра прекратятся только въ концѣ апрѣля, т. е. съ наступленіемъ весенней распутицы, когда горы непролазныхъ снѣговъ превращаются въ море непроходимыхъ водъ.... Всѣ мы: трое русскихъ, забравшихся на Уланахъ, нѣсколько тунгусовъ и десятокъ якутовъ, жившихъ по сосѣдству, съ тревогой ждали вѣстей съ востока, но вѣсти доходили все худыя: въ горахъ дороги нѣтъ, тучи все надвигаются, по рѣкѣ Бѣлой выступившія незадолго передъ этимъ наледи разливаются и затопляютъ путь все глубже и шире.... Ждать дольше я не могъ, такъ-такъ, до отъѣзда изъ Якутской области, мнѣ необходимо было выполнить еще не мало работъ въ самомъ городѣ. Въ началѣ апрѣля пришлось вернуться въ Якутскъ, ограничившись измѣреніемъ 14-ти особей (въ томъ числѣ двухъ женщинъ и одного мальчика), да бѣглыми замѣтками объ оленеводствѣ сѣверныхъ тунгусовъ.

Получивъ отъ Н. Л. Геккера три листа съ измѣреніями двухъ мужчинъ и одной женщины, изслѣдованныхъ г. Геккеромъ при одной изъ его намскихъ экскурсій [1]), я теперь имѣлъ въ своемъ распоряженіи антропометрическія данныя о 37-ми особяхъ. Этого было мало. Приходилось возложить всѣ надежды на лѣтнюю поѣздку къ тунгусамъ Кангаласскаго вѣдомства.

Эта поѣздка была задумана мною давно, такъ-какъ кангаласскіе

[1]) Намскій улусъ лежитъ на лѣвомъ берегу р. Лены, въ сѣверной части Якутскаго округа.

тунгусы — очень интересное племя. Съ ними встрѣчался на своемъ пути Миддендорфъ, упоминающій о кангаласцахъ, заходившихъ въ предѣлы тогдашняго Китая, т. е. на южные скаты Станового хребта, въ ущелья рѣкъ, впадающихъ въ Амуръ. Площадь ихъ скитаній громадна. Къ югу она простирается: съ западной стороны до Байкала и съ восточной до верховій рр. Амги и Алдана, къ сѣверу — до мѣстностей лишь на сто верстъ недостигающихъ Якутска и Амгинской слободы. Въ силу такого протяженія своей территоріи, кангаласцы должны являться связующимъ звеномъ между близко имъ родственными тунгузскими племенами Амурскаго края: Бирарами, Манегирцами и частью — Негидальцами съ одной стороны, и тунгусами дальняго сѣвера — съ другой. На востокѣ р. Алданъ отдѣляетъ ихъ отъ соплеменниковъ Майскаго вѣдомства, тогда-какъ на западѣ Нюрьмаганскій родъ кангаласцевъ разселился по тайгѣ, примыкающей къ Вилюйскому округу. Такимъ образомъ кангаласцы оказываются почти въ центрѣ нѣсколькихъ обширныхъ районовъ съ тугузскимъ населеніемъ.

Разбредаясь въ обыкновенное время по безчисленнымъ рѣчкамъ и глухимъ чащамъ Богъ-вѣсть на какомъ пространствѣ и въ какихъ краяхъ, дважды въ годъ многіе изъ кангаласцевъ выходятъ на опредѣленныя урочища, гдѣ временно возникаютъ небольшія стойбища. На пустынномъ рѣчномъ берегу или на лѣсной полянѣ устанавливаются двѣ-три урасы, раскидывается нѣсколько шатровъ изъ грубаго холста, а подчасъ и просто зеленыхъ шалашей, годныхъ много на недѣлю. Десятокъ-другой тунгусовъ сходится на такомъ стойбищѣ въ ожиданіи священника. Время приходитъ — „агабытъ“ [1]) появляется. Если дѣло происходитъ лѣтомъ, то священникъ объѣзжаетъ свою бродячую паству верхомъ; зимою онъ странствуетъ въ нартѣ, на оленяхъ, закутанный въ доху. Походный храмъ воздвигается у тунгусовъ легко: полукругъ свѣже-

[1]) Агабытъ — якутское слово, усвоенное тунгусами; въ буквальномъ переводѣ оно означаетъ „нашъ отецъ“, т. е. русское — батюшка.

срубленныхъ лиственицъ или самая просторная ураса замѣняетъ алтарь; принадлежности богослуженія бывалый псаломщикъ привычной рукой, не мѣшкая, извлекаетъ изъ переметныхъ сумъ и раскладываетъ на маленькомъ столикѣ; священникъ, почти не отдохнувъ послѣ утомительнаго переѣзда, начинаетъ молитвословіе, а на слѣдующій день внуки язычниковъ, крестившихся лишь въ началѣ этого вѣка, уже каются въ своихъ полусознательныхъ грѣхахъ, получаютъ отпущеніе и пріобщаются Св. Таинъ какъ и всѣ православные христіане... Уѣзжаетъ священникъ, — люди вновь разбредаются врозь, а мѣсто стойбища пустѣетъ на весь годъ, не сохраняя почти никакихъ признаковъ своего назначенія.

Въ семидесятыхъ годахъ якутскій миссіонеръ о. Александръ Преловскій совершалъ такіе объѣзды въ два года разъ, такъ-какъ ему приходилось переваливать черезъ Становой хребетъ и спускаться въ долину Зеи. Денегъ (сколько мнѣ помнится: по 400 р. въ годъ, т. е. по 800 р. на поѣздку) ему, разумѣется, не хватало; случалось, что закупленные подъ Якутскомъ олени издыхали отъ изнеможенія или отъ болѣзней, съѣстные припасы истощались, проводники выбивались изъ силъ и маленькая экспедиція стояла буквально на волоскѣ отъ гибели... Спасеніе приходило въ такихъ случаяхъ отъ зейскихъ тунгусовъ. Павшіе олени, при ихъ помощи, замѣнялись свѣжими, опустѣлыя переметныя сумы пополнялись новымъ запасомъ сушенаго мяса сохатыхъ, копченными оленьими языками и прочею снѣдью, какую можно достать въ тайгѣ. Хотя не безъ трудовъ и не безъ опасностей, но все-же о. Преловскій въ концѣ-концовъ возвращался въ Якутскъ живъ и здравъ. Вознаградить своихъ спутниковъ за ихъ трудъ и расходы, которыхъ требовало снаряженіе такой дальней поѣздки, онъ, однако, при всемъ своемъ желаніи, не могъ ничѣмъ, такъ какъ никакихъ средствъ для этого у него не было[1]). Въ восьмидесятыхъ годахъ

[1]) *Миддендорфъ* отмѣчаетъ нѣкоторыя черты такихъ поѣздокъ въ примѣчаніи къ стр. 655, отдѣла VI, второй части своего труда (русскій переводъ) *„Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибири“*.

(или въ концѣ семидесятыхъ) зейскіе тунгусы были отчислены отъ Якутской епархіи и священникъ Походной Благовѣщенской церкви могъ измѣнить свой прежній маршрутъ. Въ настоящее время объѣзды совершаются дважды въ годъ. Зимній путь имѣетъ конечнымъ пунктомъ верховья р. Алдана. Священникъ и псаломщикъ выѣзжаютъ изъ Якутска на оленяхъ и первыя 200 верстъ подвигаются прямо на западъ по Вилюйскому тракту, а затѣмъ поворачиваютъ на юго-западъ и ѣдутъ безъ всякихъ дорогъ верстъ 300 почти параллельно теченію Лены; приблизительно отъ верховій р. Чины они круто поворачиваютъ на востокъ и выѣзжаютъ на Лену близъ станціи Крестяхъ; оттуда около 150 верстъ ихъ путь идетъ почтовымъ трактомъ до станціи Саныяхтахъ; съ Саныяхтаха ѣхать приходится на другой берегъ Лены къ устьямъ р. Талбы, гдѣ нѣсколько тунгусовъ живутъ осѣдло, а съ Талбы, опять лѣсной цѣлиной, путь ведетъ уже прямо къ Алдану, откуда выѣзжаютъ прямымъ путемъ на Саныяхтахъ. Ночевать въ дымной тунгузской урасѣ при этомъ объѣздѣ путникамъ случается далеко не всегда. Не одну ночь имъ приходится провести подъ открытымъ небомъ, раскладывая свою походную постель, разумѣется—мѣховую, прямо на снѣгу. Заниматься антропометрическими измѣреніями при такихъ условіяхъ, само-собою, немыслимо. Зимняя поѣздка была-бы очень интересна лишь для изученія быта тунгусовъ западной и южной части Кангаласскаго края, но для моихъ цѣлей удобнѣе было-бы сопутствовать священнику въ его лѣтней поѣздкѣ къ среднему теченію р. Амги.

Эта поѣздка отнимаетъ менѣе мѣсяца и совершается частью верхомъ, а частью на плоту или въ тунгузской веткѣ (ветка—небольшая лодочка, сшитая изъ пластовъ бересты). Весь лѣтній путь составляетъ кругомъ одну тысячу верстъ. На юго-востокѣ крайнимъ пунктомъ пути является та часть р. Амги, гдѣ въ нее впадаетъ рѣчка Улькань. Оттуда приходится уже плыть по те-

ченію почти прямо на сѣверъ, встрѣчая стойбища тамъ и сямъ на берегу Амги.

Священникъ Походной церкви о. Іоаннъ Поповъ,—тоже членъ экспедиціи, очень сочувственно относился къ моимъ попыткамъ изслѣдованія тунгусовъ. Онъ охотно предложилъ мнѣ свое содѣйствіе, и 16-го іюня я выѣхалъ изъ Якутска, условившись встрѣтиться съ о. Іоанномъ въ долинѣ рѣки Монды[1]), верстъ за полтораста отъ города.

Эта поѣздка оказалась вполнѣ удачной. О. Іоаннъ своимъ знаніемъ края и людей, своимъ нравственнымъ вліяніемъ на прихожанъ, наконецъ—своимъ неустаннымъ трудомъ при распросахъ и записываніи данныхъ былъ для меня незамѣнимымъ сотрудникомъ. Безъ него я, конечно, не могъ-бы собрать и половины тѣхъ свѣдѣній, какія доставила кангалласская экскурсія.

Результатъ ея выразился въ подробномъ измѣреніи 43-хъ мужчинъ 2-го Беллетскаго рода („Бѣльоты“ Миддендорфа), 10-ти мужчинъ Булгирскаго рода („Боятры“ М.) и 12-ти мужчинъ 3-го Беллетскаго, Никагирскаго и 1-го Шелогонскаго родовъ. Кромѣ того измѣрено 7 женщинъ и 3 мальчика. Путемъ тщательнаго опроса для 37-ми семей установлено время вступленія въ реальный бракъ (у тунгусовъ предшествующій церковному), возрастъ супруговъ, все число, полъ и время рожденія дѣтей, число и возрастъ дѣтей умиравшихъ какъ послѣ, такъ и до крещенія. Послѣднее обстоятельство особенно важно, такъ-какъ дѣти, умирающія у инородцевъ до крещенія, обыкновенно совершенно ускользаютъ отъ регистраціи. Присоединяя къ этимъ свѣдѣніямъ подобныя-же записи, составленныя по моей просьбѣ Усть-Майскимъ священникомъ о. Василіемъ Мальцевымъ относительно 16-ти семей, включающихъ въ своемъ составѣ 33 супружескихъ пары майскихъ тун-

[1]) По якутскому произношенію въ обоихъ слогахъ этого слова гласная выговаривается какъ *а*, но я усвоилъ русскую транскрипцію, принятую мѣстнымъ Статистическимъ Комитетомъ.

гусовъ, я располагаю нѣкоторымъ матеріаломъ для сужденія о плодовитости тунгусовъ. Матеріалъ этотъ не обширенъ, но за то безусловно надеженъ, чего никакъ нельзя сказать о метрическихъ книгахъ.

Въ предлагаемыхъ очеркахъ распредѣленіе всего матеріала по главамъ поставлено въ зависимость отъ различія въ самомъ характерѣ собранныхъ данныхъ, а порядокъ слѣдованія главъ обусловленъ общимъ ходомъ разсужденія. Отправнымъ пунктомъ для меня является фактъ убыли тунгузскаго населенія со времени послѣдней ревизіи (1859 г.) и главная цѣль моей работы сводится къ тому, чтобы выяснить характеристическія черты и ближайшія причины этого явленія. Собственно антропометрическія данныя, въ силу такого опредѣленія задачи, приводятся здѣсь не въ полномъ объемѣ собраннаго матеріала, а лишь частью,—поскольку мнѣ это казалось необходимымъ для выясненія наиболѣе существенныхъ отличій изслѣдованныхъ мною тунгусовъ отъ якутовъ, измѣренныхъ Н. Л. Геккеромъ.

Прилагаемыя къ тексту этой книжки 2 таблицы (фототипія и цинкографія)[1]) представляютъ собою копіи съ фотографическихъ снимковъ, доставленныхъ мнѣ владѣльцемъ существующей въ г. Якутскѣ фотографіи В. С. Келлерманомъ, совершившимъ нѣсколько поѣздокъ съ цѣлью съемки мѣстныхъ видовъ и типовъ.

Съ теченіемъ времени, разработавъ весь имѣющійся у меня антропометрическій матеріалъ и ознакомившись съ матеріалами колымскихъ экскурсантовъ—гг. Іохельсона и Богораза, а на ряду съ этимъ—воспользовавшись данными послѣдней переписи населенія Якутской области (о чемъ мною возбуждено ходатайство), я надѣюсь съ большей подробностью разсмотрѣть вопросы, намѣчаемые въ настоящихъ очеркахъ кратко и нѣсколько отрывочно.

Иркутскъ.
15-го сентября 1897 г.

И. Майновъ.

[1]) Исполнены въ художественной фототипіи и цинкографіи А. И. Вильборга въ С.-Петербургѣ.

Нѣкоторыя данныя о Тунгусахъ Якутскаго края.

I.

Архивныя данныя.

Въ Олекминскомъ[1]) архивѣ сохранились нѣкоторыя дѣла отъ послѣдней четверти прошлаго столѣтія. Въ самомъ старомъ изъ нихъ говорится о томъ церемоніалѣ, которымъ сопровождалось введеніе въ городѣ провинціальныхъ учрежденій соотвѣтственно указу 7-го ноября 1775 года. Въ Олекминскѣ исполненіе этого указа послѣдовало лишь въ сентябрѣ 84 г., когда во главѣ мѣстной администраціи стоялъ „благородный и почтенный капитанъ и города Олёкминска Нижняго Земскаго Суда исправникъ“ князь Целымскій, а городничимъ былъ нѣкій Дувингъ.

Изъ дѣлъ архива видно, что въ концѣ прошлаго вѣка, не довольствуясь богатыми результатами академическихъ экспедицій, правительство пыталось собрать полныя и всесторонніе свѣдѣнія о сибирскихъ инородцахъ силами мѣстной администраціи. 23-го ноября 1784 г. (№ 6498) Иркутское Намѣстническое Правленіе затребовало отъ кн. Целымскаго сообщенія „о вѣрѣ иновѣрцевъ разныхъ племенъ“, т. к. Императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ благоугодно имѣть подробныя свѣдѣнія „о началѣ и происхожденіи иновѣрцевъ разныхъ племенъ, а такъ-же о достопамятныхъ между ними происшествіяхъ, равномѣрно о законѣ ихъ, о сохранившихся между ними преданіяхъ и т. д.“. Въ Якутскомъ округѣ исполненіе этого запроса

[1]) Городъ Олекминскъ основанъ енисейскими казаками въ 1635 г.; въ 1775 г. было утверждено олекминское комиссарство; въ 1783 г. Олекминскъ назначенъ уѣзднымъ городомъ Якутской области, а въ 1822 г. переименованъ въ окружной. *Щегловъ. Хронологическій перечень важнѣйшихъ данныхъ изъ исторіи Сибири*, стр. 89.

было поручено асессору Совѣстнаго Суда Матушевичу и лекарю Плевецкому, которые,—какъ сказано въ бумагѣ,—извлекли требуемыя свѣдѣнія „изъ дѣла Провинціальной Канцеляріи 1767 г. (не изъ дѣлъ-ли Ясачной комиссіи?).

Общая сводка всѣхъ свѣдѣній, какія предполагалось собрать такимъ путемъ, была возложена на иркутскихъ чиновниковъ: переводчика Іогана Эриха, предсѣдателя Верхней Расправы Ланганса и завѣдывавшаго архивными работами—Лобусевича. Кн. Пелымскій отписался на запросъ начальства, что ему „за сгорѣніемъ всѣхъ принятыхъ отъ бывшаго комиссарства дѣлъ, учинить вѣрное описаніе.... не почему и были-ли таковыя,—не извѣстно“, „отъ самихъ иновѣрцевъ, сколько я ни любопытствовалъ,—не знаютъ“.[1]).

Въ 1794 г., по новому требованію изъ Иркутска, Олекминскимъ администраторамъ вновь пришлось отписываться передъ властями, на этотъ разъ уже болѣе подробно чѣмъ прежде. Программа вопросовъ, на которые требовались отвѣты, далеко выходила за предѣлы непосредственной цѣли предпріятія—топографическаго описанія края. Послѣдній вопросъ поставленъ такъ: „не имѣютъ-ли чего отмѣннаго жители той округи въ своихъ нравахъ, обычаяхъ, образѣ жизни, въ строеніи и одеждахъ своихъ, нарѣчіе языка и чѣмъ отличаются отъ обыкновеннаго произношенія“?

Свѣдѣнія предполагалось доставить въ Иркутскъ для обработки землемѣру Ѳедорову, которымъ, повидимому, была составлена и самая программа.

Комиссаръ Измайловъ обратился къ чиновникамъ Соллогубу и Будищеву, слывшимъ за хорошихъ знатоковъ края, и отъ второго дѣйствительно полу́чилъ вѣдомости о вилюйскихъ якутахъ и тунгусахъ. Подобныя-же вѣдомости, но только еще болѣе краткія, были доставлены отъ имени якутскихъ князцовъ и по Олекминскому

[1]) Какъ въ этомъ случаѣ, такъ и во всѣхъ послѣдующихъ, я не измѣняю ни одного слова въ текстѣ бумагъ, но орѳографію исправляю, т. к. текстъ слишкомъ испещренъ грубыми ошибками писцовъ.

округу. Всѣ эти описанія касаются почти исключительно топографіи края. Но даже и такихъ несовершенныхъ данныхъ Ѳедорову было доставлено слишкомъ мало. Въ 1797 г., а затѣмъ и въ 1798 г., Иркутское Губернское Правленіе вновь, и притомъ весьма настоятельно, требовало „безъ всякаго упущенія“ доставить свѣдѣнія о краѣ, т. к. „изъ многихъ городовъ ихъ вовсѣ неполучено“, а имѣющіяся данныя таковы, что по нимъ „совершить помянутаго описанія нѣтъ возможности“.

Измайловъ на это отвѣтилъ, что и онъ, по обширности края, не можетъ исполнить этого требованія, „ежели-же слѣлать требуемое описаніе по однимъ предсказываніямъ тунгусовъ и якутовъ, то такъ-же кажется, по несовершенному ихъ разумѣнію вещей, едвали будетъ соотвѣтствовать той справедливости, каковая должна быть въ натурѣ“.

Заслуживаетъ вниманія тотъ фактъ, что, взамѣнъ этнографическаго изслѣдованія, Измайловъ предлагалъ „узнать.... горы и мѣста по рѣкамъ Олекмѣ и Витиму“, т. к. „по доказываніямъ“ считалъ вѣроятнымъ „будто-бы.... по онымъ рѣкамъ примѣчанія достойныя горы и по онымъ породы камней“.

Какъ ни жалки были результаты этой послѣдней попытки изученія края, но кое-какіе слѣды отъ нея все-таки остались. Въ Олекминскомъ архивѣ сохранились черновики описаній якутскихъ наслеговъ Вилюйскаго и Олекминскаго округовъ и Брагатскаго рода вилюйскихъ тунгусовъ (1794 г. Дѣло о топографическомъ описаніи округа). Хотя собственно объ инородцахъ въ этихъ описаніяхъ упоминается вскользь, я все-же считаю не безъинтереснымъ привести здѣсь одно изъ нихъ, какъ образецъ всѣхъ прочихъ[1]).

---

[1]) Значительная часть архивныхъ выборокъ, которыя приводятся въ этой главѣ, выполнена Т. Л. Кондаковымъ. Ему-же принадлежитъ списокъ излагаемаго документа. Оговариваюсь объ участіи т. Кондакова въ общей формѣ, т. к. иначе пришлось-бы слишкомъ часто дѣлать выноски съ упоминаніемъ его имени.

Описаніе Брагацкаго рода тунгузскаго князца Степана Винокурова.

1. Олекминская и Киренская граница содержатъ рѣчку Чону, которая устьемъ пала въ рѣку Вилюй, широта ея составляетъ въ устьѣ сажень стаполтора; въ вешнее время легкія суда—лодки и плоты ходить могутъ; вершина ея простирается въ полуденную сторону и сходится съ вершиной Хатунги рѣки и Киренги, и недоходя верстъ за тридцать, кончается тундрами и болотными мѣстами и болѣе уже ея хребетъ не пропущаетъ. По ней есть множество озеръ съ обыкновенными рыбами, какъ-то: караси и мундушки изобильно; равно и сѣнными покосами. Олекминскаго округа тонгусы[1]) и якуты доходятъ отъ устья по Чонѣ вверхъ верстъ двѣсти и менѣе; а съ Хатунги, Киренскаго уѣзда, Киндягатскаго и Мамагатскаго роду тонгусы; и сію границу ни съ которой стороны уже не переходятъ, и по обѣ стороны гориста и камениста, рыба-же обыкновенная; рѣдкостей, стоящихъ вниманія, никакихъ нѣтъ. Съ наслегу Нерюктейскаго, съ урочища Хохуны до рѣчки Чоны примѣрно положенное разстояніе 627 верстъ.

2. Вершина рѣки Вилюйской проходитъ въ сѣверную страну, смежность она имѣетъ съ Хатунской и Оленской рѣками, проистекающими и соединяющимися отъ нихъ тундроватыми и болотистыми рѣчками содѣлываетъ превеличайшее озеро, именуемое Шуригда, а по якутскому названію Мальгастахъ, а по переводу—Сиговка, каменистое и вокругъ изобильно покосами и въ смежности обширными частыми полями и лугами; лѣса по ней весьма мелкіе, какъ-то: березнякъ, лиственъ и пихта. Промыслы имѣютъ тамъ Брагацкаго рода тунгусы: оленей, сахатыхъ, лисицъ, горностаи, соболи, волки, бѣлки, медвѣди, россомахи, зайцы, въ рѣдкость

[1]) Я сохраняю подлинное правописаніе этого слова, какъ оно встрѣчается въ актахъ XVIII в., —то черезъ „у“, то черезъ „о“. Въ настоящее время русскіе якутяне по большей части произносятъ слово тунгусъ съ удареніемъ на первомъ слогѣ: тунгусъ.

случаются и рыси. Разстояніе-же по рѣкѣ Вилюю вверхъ до онаго озера безъ яснаго и личнаго описанія примѣрно положить не можно, а проѣзжаютъ съ урочища Хохуны по оной въ описаныя вершины на оленяхъ мѣсяца въ три, и каждый день не болѣе проѣздъ имѣютъ верстъ двадцать и тридцать, а прямымъ трактомъ мѣсяца два съ половиною.

3. А Туруханская съ Жиганами и Олекминская съ западной стороны граница по Оленкѣ рѣкѣ, именуемой Арга-Сола; и сія Арга-Сола именуется отъ Оленека раздѣлясь, таковая-жь на двое проходитъ къ западу; то на оную доходятъ и обитаніе имѣютъ туруханскіе тунгусы въ ру... (не разобрано), а жиганскіе далѣе не проходятъ черезъ ту границу; туда доходятъ олекминскіе и оленскіе тонгусы и якуты и въ смежности имѣютъ промыслы и дружество.

4. Отъ рѣчки Чоны внизъ по рѣкѣ Вилюю по примѣру полагается полтораста верстъ до рѣчки-жь Артарагды, которая съ западной стороны пала устьемъ въ рѣку Вилюй; ширина ея составляетъ у устья саженъ триста, а по теченію мѣстами саженъ по сту и болѣе и отходитъ въ западную сторону и продолжается верстъ со сто сорокъ; пресильными съ обѣихъ сторонъ дикими и крутыми каменьями завалена, превысокими и не проходимыми горами, при самой-же высотѣ оные горы и утесы отъ завалу каменьевъ стѣснились, и въ разсужденіи онаго не только въ лодкахъ, но и пѣшимъ людямъ проходить содѣлываетъ опасность; и такъ окончивъ утесы выше описанное продолженіе и имѣвъ свое обыкновенное существо, по теченію своему раздѣляется на четыре части. 1-я именуется рѣчка Аяннахъ и отходитъ между востокомъ и сѣверомъ, вершина ея сплетается съ рѣчкою Ыгеттою и съ Мархою, исходящею изъ Оленской округи.

5. 2-я рѣчка по названію Сохсолохъ—Артарагда, которая отходитъ вершиной въ сѣверную сторону въ рядъ съ рѣкою Вилюемъ.

6. 3-я называется Билирь; оттоль раздѣляется Олъ-Тундаръ-

Артарагда и проходитъ оная вершиной на рѣчку Эгасъ-Ябитъ въ западную сторону, которая съ вершины Вилюя теченіе имѣетъ отъ тундренныхъ и болотныхъ мѣстъ.

7. 4-я Налмажанъ, которая также продолжаетъ теченіе свое съ Омуйдахомъ въ рядъ къ западу, достигаетъ вершину-же Вилюйскую и кончается болотными и тундреными мѣстами и небольшими, отъ источниковъ происходящими, озерами. По ней имѣется отъ Билиря за 7 верстъ прозрачный алебастръ и всякаго рода сердолики. Сіи-же всѣ рѣчки обширностію въ равномъ положеніи и такъ одинъ противъ другого ни болѣе и ни менѣе и всѣ каменисты и гористы. Есть по нимъ рыбы: линьки, щуки, сиги, окуни, ельцы и налимы. Звѣри-же по ней разнаго рода обыкновенные.

8. Отъ устья-же Артарагды внизъ по рѣкѣ Вилюю черезъ 17 верстъ есть гора высокая, по теченію по лѣву руку надъ рѣкой, именуется Полковничья гора, гдѣ и имѣются самограные каменья, какъ-то: зеленые, желтые, темно-зеленые и черные (не раз....), родящіяся въ горѣ Сок, (не раз....), а оттоль за 25 верстъ вновь пространная гора называемая Попокъ-Дабанъ, гдѣ имѣются аметисты фіолетоваго цвѣта и земля въ разномъ родѣ цвѣтовъ кусками, а оная самой вершины гора имѣетъ ровъ, а по лѣвую руку имѣется (не раз....) Эрь-Боюнь-Холбологa.

9. Отъ Эрь-Боюнь-Холбологa верстъ за 15 по правую руку по теченію внизъ рѣки Вилюя выпала съ полуденной стороны рѣчка Улаханъ-Ботобья, вершина ея простираясь по обѣ стороны гористыми и луговыми мѣстами, а слетается съ выходящею отъ Лены рѣки рѣчкою Нюею и Мурбари.

10. Отъ Ботобьи рѣчки внизъ по Вилюю за 13 верстъ есть сильнѣйшій порогъ, называется Улаханъ-Хана, бьющая волнами съ великимъ шумомъ отъ тѣсненія съ обѣихъ сторонъ каменистыхъ утесовъ и отъ завалу дикихъ и круглыхъ величайшихъ и несчетнаго множества каменьевъ; и такъ до устья Артарагды малыхъ одинадцать пороговъ.

11. Отъ большой-же Ханы внизъ по Вилюю за 30 верстъ есть три острова, называются Юсь-Юсь, изъ коихъ среди рѣки островъ 1-й песчаный и каменистый ровнаго положенія; 2-й небольшой, вышедшій горою съ ельничнымъ лѣсомъ, и травянистъ; 3-й островъ травянистый, пологій и каменистый. Рѣка-же Вилюй по симъ островамъ раздѣляется на три части, потомъ принимаетъ свое существо въ одинаковое теченіе, какъ острова величиной малы.

12. Отъ Юсь-Юся за 65 верстъ внизъ по Вилюю есть порогъ, называемый Кутчугуй-Хана; такъ-же съ обѣихъ сторонъ стѣснили каменистыми утесами и заваленъ дикими каменьями и имѣетъ отъ біенія волнами и быстротою воды чрезвычайный шумъ; широты рѣки Вилюя тутъ не болѣе какъ саженъ сто; подъ тѣмъ-же порогомъ яма преглубокая и настоящая матерія широты рѣки, глубины-же саженъ 14; въ длину по рѣкѣ внизъ та яма лежитъ версты три, и черезъ пороги никакая рыба въ лѣтнее время проходить не можетъ, вешнее-же время въ великое наводненіе рыба всякаго рода, окромѣ нельмы, проходить можетъ; и подъ тѣмъ порогомъ зимуютъ отъ рыбъ: нельма, стерлядь, таймень, щуки, линьки, налимы, муксуны, чиры, сиги, окуни, и всякая мелочная рыба. Случается и то, что подходящую къ тому порогу всякую рыбу, не пропущая волнами, ударяя о камень, убиваетъ и отъ того питаются звѣри: медвѣди, волки, лисицы, россомахи, горностаи, ласки, хорьки, и мыши. А острогой и сѣтьми,—подъ онымъ порогомъ имѣется яма и никакой быстроты нѣтъ,—во оной промышляютъ тонгусы всякаго рода рыбу.

13. И отъ того порогу внизъ по Вилюю за 2 версты съ полуденной стороны выпала устьемъ въ Вилюй рѣку рѣчка Кутчугуй-Ботобья, широта ея устья саженъ полтораста, а по ней мѣстами саженъ сто и менѣе, вершина-же ея сплетается съ входящею отъ рѣки Лены съ рѣчкою Нюею; разстояніе той рѣки отъ устья до вершины полагается примѣрно ста три вестъ, которая гориста и камениста.

14. Отъ Кутчугуй-Ботобыи по лѣвую руку, внизъ по Вилюю черезъ 25 верстъ, въ рѣку Вилюй выпала рѣчка Сунжукаръ, которая вершиной прошла къ сѣверу и истекаетъ отъ тундроватыхъ и болотныхъ мѣстъ отъ нѣдръ земли происходящихъ источниковъ, въ ширину устья 90 саженъ, а по теченію мѣстами саженъ 30 и 25; камениста и тундровата, и по обѣ стороны проходятъ высокія горы; рыба-же по ней: таймени, щуки, налимы, линьки, окуни и прочая мелкая рыба.

15. Отъ Сукжукару за 75 верстъ внизъ по Вилюю, съ сѣверной стороны, въ рѣку Вилюй выпала рѣчка Колымалахъ, гориста по обѣ стороны, равно и камениста; теченіе ея съ вершины простирается не болѣе верстъ 70, и сплетается впадающею въ Артарагду съ вершиною рѣчкой Сукжукаромъ; ширина ея устья саженъ сто, мѣстами по теченію саженъ 30 и 20. Рыба въ ней обыкновенная, какъ у прочихъ рѣчекъ, и содѣлывается отъ источниковъ тундроватыхъ и болотныхъ мѣстъ.

16. Отъ Колымалаха за 60 верстъ внизъ по Вилюю, съ сѣверной-же стороны, въ рѣку Вилюй выпала рѣчка Укугутъ, которая съ вершины до устья разстояніе имѣетъ верстъ двѣсти и сплетается съ рѣчкою съ выходящей изъ Оленской округи Ыгеттою; рыба по ней обыкновенная; положеніе — мѣстами гориста и камениста; широта ея саженъ 30, а по мѣстамъ и менѣе.

17. Отъ рѣчки Укугута и до жилища якутовъ черезъ 30 верстъ внизъ по Вилюю до называемаго Юсь-Ары, то есть три острова, изъ которыхъ два острова середи рѣки, не подалеку одинъ отъ другого внизъ лежащіе по рѣкѣ, небольшіе, съ ельничнымъ лѣсомъ, а третій островъ также небольшой, съ таловымъ лѣсомъ.

18. Отъ Юсь-Ары по рѣкѣ прямымъ трактомъ верстъ 50 до рѣчки называемой Билючанъ, которая въ рѣку Вилюй выпала съ полуденной стороны; ширина ея устья саженъ сто, а мѣстами и менѣе; вершина ея содѣлывается отъ озеръ Сордонаха и Тылаха, и оттоль малыми рѣчками и болотами проистекая, сплетается съ

выходящими отъ Лены рѣки вершинами рѣчекъ Жербою и Бетиньею. Рыба и звѣри по ней обыкновенные. А съ вершины до устья разстояніе примѣрно полагается двѣсти пятьдесятъ верстъ, а отъ устья не подалеку гориста, а оттоль до вершины полога и по обоимъ берегамъ лѣсъ лиственичный и еловый.

19. И по всѣмъ вышеозначеннымъ рѣчкамъ и вершинамъ тунгусы и якуты имѣютъ промыслы звѣрей, какъ въ лѣтнее, такъ и въ зимнее время.

20. И такъ отъ границы рѣчки Чоны до Нерюхтейскаго наслега, до урочища именуемаго Поля-Хохуны, 627 верстъ, куда тунгусы стеченіе имѣютъ: 1—для покупки харчевыхъ припасовъ, въ якутскія жилища въ іюнѣ мѣсяцѣ, а отходятъ на промыслы въ половинѣ іюля и, по окончаніи промысловъ, для ясачнаго платежа сходятъ въ ноябрѣ, декабрѣ, послѣдніе-же въ генварѣ, на вешніе же промыслы отходятъ въ февралѣ.

21. Отъ урочища Хохуны до города Олекминска разстояніе примѣрно почитается 430 верстъ.

22. Рѣка-же Вилюй теченіемъ своимъ проходитъ сквозь обитающихъ жительствомъ Сунтарскихъ осьми наслеговъ внизъ къ востоку равными, а по мѣстамъ гористыми. Горъ, кои отличаются отъ обыкновенныхъ возвышеніемъ своимъ, (не раз....) своимъ, или вещами во внутренности ихъ находящимися не имѣется.

23. Въ роду его семействъ тонгузскихъ 100, въ нихъ по ревизіи душъ мужска и женска: нынѣ мужска 260, женска—250.

24. Ярморокъ не бываетъ, кромѣ пріѣзжающихъ небольшого числа изъ городовъ Олекминска, Оленска, Якутска, Иркутска тамошнихъ мѣщанъ и купцовъ за покупкою пушныхъ звѣрей въ ноябрѣ, декабрѣ, генварѣ, и февралѣ мѣсяцѣ каждаго года.

25. Мрамора и другихъ стоящихъ уваженія камней никакихъ не имѣется.

26. Государственный въ казну ясакъ съ 1768 году бывшей въ Якутскѣ о расположеніи ясаку комиссіей взносится за 147 душъ:

соболей 24, лисицъ красныхъ 25, а за неуловомъ звѣря деньгами 218, въ Олекминское Уѣздное Казначейство въ декабрѣ, генварѣ и іюнѣ мѣсяцѣ каждаго года.

27. Тонгусы домовъ и строеніевъ никакихъ, такъ-какъ они кочевые, не имѣютъ, а имѣютъ въ лѣтнее время въ каждомъ кочевищѣ урасы круглыя изъ мелкаго лѣсу, и покрываютъ берестяными досками, и сохраняются отъ дождей и погодъ; въ зимнее время покрываютъ лосиными, мятыми и выдѣланными кожами и ровдугами, спивая ихъ чумомъ, и огребаютъ снизу до половины снѣгомъ. Въ ндравахъ грубы, въ обычаяхъ свирѣпы. Одежды носятъ: шубы ровдужныя и половинчатыя, подбой зайчиный, саныяхи изъ оленьихъ кожъ; сутуры и штаны половинчатыя, шапки россомачьи и лисьихъ лапъ; рукавицы половинчатыя и ровдужныя, и оленьихъ лапъ; торбоса лѣтніе половинчатые, зимніе—изъ оленьихъ и лосиныхъ камысовъ[1]). Бѣдные имѣютъ одежду, сшитую особымъ манеромъ: мукалканы половинчатые, а также изъ оленьихъ кожъ съ развѣшенными половинчатыми и съ кобыльихъ хвостовъ крашеными волосами и козловою шерстью кистями; нагрудники цестрые и унизанные разнымъ бисеромъ и корольками. Нарѣчіе ихъ языка отличается отъ обыкновеннаго произношеніемъ слога въ себя и не такъ пространно, однако скоро.

Какъ изъ этого документа, такъ и изъ многихъ другихъ актовъ Олекминскаго архива, можно видѣть, что будущій сибирскій историкъ долженъ принимать съ нѣкоторою осторожностью тѣ свѣдѣнія, которыя приведены у *Георги* объ административномъ распредѣленіи тунгусовъ въ концѣ XVIII вѣка. По указаніямъ этого автора въ 1766 году было „приписано къ Олекминскому острогу 4 тунгузскихъ рода, а душъ 242“[2]), но покрайней мѣрѣ съ 1767 г., если не

[1]) Названія: саныяхъ, сутуры и торбоса—не тунгузскія, а якутскія; изъ этого пункта описанія можно заключить, что уже въ концѣ прошлаго столѣтія богатые тунгусы въ Вилюйскомъ округѣ усвоили якутскую одежду, а національный костюмъ (мукалканы) сохранялся только у бѣдняковъ.

[2]) *Георги. Описаніе всѣхъ обитающихъ въ Россійскомъ Государствѣ, народовъ и т. д.* Часть III, стр. 34, изданіе 1799 г.

съ болѣе ранняго времени, и по 1804 г., если не долѣе[1]), тунгусы Брагатскаго рода находились въ вѣдѣніи Олекминскаго острога наряду съ тунгусами четырехъ другихъ родовъ, численность которыхъ по переписи 1767 г. дѣйствительно опредѣлилась въ 242 человѣка м. п.

Данными для сужденія о постепенныхъ измѣненіяхъ численности олекминскихъ тунгусовъ для меня служатъ: во 1-хъ—подлинныя ревизскія сказки, во 2-хъ,—рапорты, при которыхъ князцы представляли ясакъ, и въ 3-хъ,—вѣдомости, доставлявшіяся по разнымъ поводамъ олекминскими комиссарами высшему начальству.

Въ одной изъ такихъ вѣдомостей, представленной Измайловымъ въ 1798 г. („Дѣло о постройкѣ почтовыхъ домовъ"), приведены общія свѣдѣнія о населеніи Олекминскаго округа. Сохранивъ форму этой вѣдомости, но опуская изъ нея все то, что не относится къ тунгусамъ (т. е. данныя о якутахъ и о русскихъ), мы найдемъ такія цифры:

Названіе тунгузскихъ волостей и князцовъ.	Число душъ мужскаго пола по переписямъ состоящихъ.			Съ нихъ годовой въ казну окладъ.		
	По перепис. 1767 г. состояло.	По перепис. 1782 г. состояло.	По вычѣщ. 5 ревизіи оказалось.	Звѣремъ. соболи.	Звѣремъ. лисиц.	За неуловомъ звѣря деньгами за соболя по 7 р., за лисицу по 2 р.
Жеюганскій—Чикимъ Гундегулевъ	64	98	123	18	12	150 р.
Логоцкій—Агабытъ Ломлигинъ	40	59	65	12	8	100 „
Киндигирскій—Ширэкай Неменчинъ	48	57	73	13	7	105 „
Хахалынс.—Мостуя Куртинъ	90	—	139	20	7	154 „
Брагатскій—Степанъ Винокуровъ	147	173	208	24	25	218 „
Итого	389	387	608	87	59	727 р.

[1]) Начиная съ 1804 г. Брагатскій родъ то изчезаетъ изъ олекминскихъ вѣдомостей, то появляется вновь.

По данным VI ревизіи (1811 г.) мы находимъ: въ Жеюганскомъ родѣ—152 чел., въ Логоцкомъ—62 чел., въ Киндигирскомъ—100 чел., въ Хахагынскомъ—134 чел. и въ Брагатскомъ—249 чел. м. п.

Наконецъ въ 1824 г., т. е. незадолго до начала дѣятельности 2-й Ясачной Комиссіи (1828—35 гг.), численность и платежи тунгусовъ опредѣлены въ такихъ цыфрахъ:

	Брагатск. р.	Жеюганс. р.	Хахагын. р.	Киндигир. р.	Логоцкій р.
	263 чел., соб. 24, лис. 25;	166 чел., соб. 18, лис. 12;	154 чел., соб. 20, лис. 7;	99 чел., соб. 13, лис. 7;	66 чел., соб. 12, лис. 8.
	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.
1) Ясакъ	218 —	150 —	154 —	105 —	100 —
2) Подушныя по 44 к.	118 36	73 04	62 92	43 56	29 04
3) На содержаніе дорогъ по 25 к.	67 25	41 50	35 75	24 75	16 50
4) На водяныя сообщенія по 5 к.	13 45	8 30	7 15	4 95	3 30
5) Земской повинности по 2 р. 96 к.	796 24	491 36	423 36	293 04	195 36
(Съ якутовъ и крестьянъ сборъ 5-й по 4 р. 44 к. съ души).	Р. К. 995 30	Р. К. 614 20	Р. К. 529 18	Р. К. 366 30	Р. К. 244 20

Еще ранѣе этого, уже въ 1805 г., на тунгусовъ, сверхъ ясака, насчитывался платежъ „на подъемныхъ лошадей", составлявшій для всѣхъ пяти родовъ сумму 158 р. 08 коп. (Дѣло о пріемѣ съ крестьянъ подушной, съ иновѣрцевъ ясаку).

По даннымъ олекминскаго архива трудно сказать съ увѣренностью, вносились-ли всѣ эти сборы тунгусами на самомъ дѣлѣ или они только начислялись на бумагѣ. Въ препроводительныхъ рапортахъ князцовъ всегда упоминается только ясакъ, но въ вѣдомостяхъ комиссаровъ аккуратно отмѣчены съ дробями копѣекъ и только-что перечисленные сборы. Съ якутовъ всѣ эти платежи,

повидимому, дѣйствительно поступали, но податное обложеніе якутовъ и тунгусовъ уже въ то время было не одинаково. Въ виду необходимости сберегать свое время для другихъ работъ, я не могъ прослѣдить изъ года въ годъ всѣхъ измѣненій въ величинѣ и родѣ тунгузскихъ платежей. Въ помѣщенной выше вѣдомости 1824 г. приведено наиболѣе подробное исчисленіе. Въ другихъ бумагахъ имѣются лишь отрывочныя данныя то о числѣ жителей, то о количествѣ подлежащихъ къ поступленію сборовъ. Общій интересъ изъ нихъ представляетъ лишь одинъ указъ 1813 г., извѣщающій Олекм. комиссарство о постановленіи Государственнаго Совѣта отъ 27 марта 1812 г., отмѣнившемъ взиманіе съ ясачныхъ народовъ подушной подати,—по 3 р.—положенной манифестомъ 1810 г. Изъ указа видно, что на 1812 г. предстояло получить этого сбора 457,083 р., но „въ то число въ теченіе 1812 г. поступило 430,282 р. 12 к., затѣмъ къ 1813 г. осталось 27,400 р. 88 к.; въ то число по мартъ мѣсяцъ сего года (1813 г.) поступило 13,765 р. 26½ к., затѣмъ осталось 13,635 р. 61½ к.; на 1813 г. подлежало 457,671 р., въ то число по мартъ мѣсяцъ 1813 г. вступило 44,530 р. 94¾ к., затѣмъ осталось къ поступленію 413,140 р. 5¼ к., а за два года осталось къ поступленію 426,775 р. 66¾ к.“. Согласно распоряженію Казенной Экспедиціи, деньги уже собранныя въ этотъ счетъ, по указу Якутскаго Земскаго Суда, должны были пойти частью на погашеніе недоимокъ по другимъ сборамъ, а частью въ зачетъ ясака и земской повинности на 2-ю половину 1813 г.

Вторая Ясачная Комиссія выработала для инородцевъ новыя нормы обложенія. Платежъ рода и теперь опредѣлялся числомъ „работниковъ“, т. е. мужчинъ въ возрастѣ 18—50 лѣтъ, а высота оклада, ложившагося на одного работника, измѣнялась въ зависимости отъ приблизительно опредѣленной доходности всѣхъ промысловъ данной податной группы (Якутскаго наслега, тунгузскаго рода).

Якуты, признанные сообразно терминологіи установленной Инородческимъ Уставомъ 1822 г. народомъ „кочевымъ“, кромѣ ясака, вносили и другіе сборы, а платежи тунгусовъ, причисленныхъ къ „бродячимъ“ народамъ, ограничивались однимъ ясакомъ, размѣръ котораго былъ однако-же значительно выше, чѣмъ размѣръ ясака олекминскихъ якутовъ. Въ вѣдомости о платежахъ инородцевъ въ 1835 г. приводятся данныя о числѣ жителей (мужчинъ) и о высотѣ оклада, опредѣленнаго для олекминцевъ 2-ю Ясачной Комиссіей въ 1829 г. Данныя эти таковы:

	Родъ или наслѣгъ.	Число всѣхъ муж. душъ.	Изъ нихъ работниковъ.	Весь ясакъ.	Окладъ.
Тунгусы.	Жеюганскій родъ	210	82	875 р. — к.	10 р. 67 к.
	Хахагынскій родъ	102	38	455 „ — „	6 „ 69 „
	Логоцкій родъ	69	33	315 „ — „	9 „ 54 „
	Киндигирскій родъ	110	50	420 „ — „	8 „ 40 „
	Итого	491	232	2065 р. — к.	Сред. — 8 р. 82½ к.
Якуты.	1-й Нерюктейскій наслегъ	1004	412	1648 р. — к.	4 „ — „
	2-й Нерюктейскій наслегъ	516	211	949 „ 50 „	4 „ 50 „
	1-й Меитскій наслегъ	935	389	1556 „ — „	4 „ — „
	2-й Меитскій наслегъ	881	367	1651 „ 50 „	4 „ 50 „
	Малыжагарскій наслегъ	861	349	1396 „ — „	4 „ — „
	Итого	4197	1728	7201 р. — к.	Средн. — 4 р. 20 к.

Остановимся покамѣстъ на достигнутомъ моментѣ т. е. на 1829 г. и попробуемъ дать себѣ отчетъ въ томъ, что-же намъ говорятъ только-что приведенныя цифры? Вопросъ о томъ, вправѣ-ли мы довѣрять подобнымъ цифрамъ, ставился неоднократно и давно

рѣшенъ въ томъ смыслѣ, что данныя прежнихъ ревизій далеки отъ полной точности. Однако-же, въ виду отсутствія какихъ-бы то ни было другихъ источниковъ для сужденія о численности инородцевъ, всѣ изслѣдователи постоянно пользовались и продолжаютъ пользоваться ревизскими сказками. Выводы, получаемые при разсмотрѣніи ревизскихъ данныхъ, разумѣется, будутъ лишь приблизительно вѣрными, но отсюда еще вовсе не вытекаетъ, чтобы ревизскими сказками можно было совершенно пренебречь. Напротивъ того, способы регистраціи инородцевъ, доступные для администраціи нашего времени, въ сущности остаются почти таковыми же, какими они были въ концѣ прошлаго столѣтія; болѣе точныхъ данныхъ мы дождемся, конечно, еще не скоро; а потому намъ предстоитъ или отказаться отъ какого-бы то ни было сужденія, или-же пользоваться тѣмъ что есть. Попробуемъ-же бросить взглядъ на судьбы олекминскихъ тунгусовъ, по скольку они выясняются только-что приведенными данными.

Ранѣе этого, обратимся, однако-же, къ болѣе отдаленному прошлому и вспомнимъ, съ чего началась исторія Якутскаго края. Первый фактъ, которымъ она открывается, это: нашествіе откуда-то изъ невѣдомой страны (съ Байкала? съ верховій Енисея?) тюркскаго племени, называвшаго себя урянхайцами или народомъ „саха“,—слово, отъ котораго множественное число въ тунгузскомъ произношеніи превратилось въ „якутъ“. Пришлые тюрки были народъ скотоводческій, нуждавшійся въ обширныхъ лугахъ, а потому они осѣли, послѣ долгихъ странствій, именно тамъ, гдѣ берегъ Лены всего болѣе изобилуетъ хорошими пастбищами. Конечнымъ пунктомъ ихъ пути, а затѣмъ и центромъ дальнѣйшаго разселенія явились окрестности озера Сайсары, близъ теперешняго города Якутска. Такъ говорятъ преданія самихъ якутовъ и все, что мы знаемъ о дальнѣйшихъ движеніяхъ якутскаго племени, подтверждаетъ правдивость этого сказанія. Въ окрестностяхъ города Олекминска также имѣются прекрасные луга и притомъ

Олекминскъ гораздо южнѣе Якутска, т. е. ближе къ предполагаемому мѣсту исхода урянхайцевъ,—почему-же якуты не остановились тамъ, а прошли почти семьсотъ верстъ дальше на сѣверъ?—Судя по тѣмъ преданіямъ, которыя въ прошломъ столѣтіи еще сохранялись въ памяти инородцевъ, причиной безостановочнаго удаленія пришельцевъ послужило энергическое сопротивленіе вторженію тюрковъ со стороны болѣе древнихъ обитателей края—витимскихъ и олекминскихъ тунгусовъ, т. е. жеюганцевъ, киндигирцевъ и хахагынцевъ. Вотъ что говоритъ по этому поводу историкъ XVIII вѣка:

„У Якутовъ и у живущихъ на рѣкѣ Ленѣ Тунгусовъ есть преданіе, что когда тѣ въ путешествіи своемъ дошли до рѣки Патомы, которая отъ юго-востока между рѣками Витимомъ и Олекмою впадаетъ въ рѣку Лену, то сіи всею силою противились новопришедшимъ: и такъ дошло между ними до сраженія, на которомъ Тунгусы побѣждены. Еще и донынѣ между сими обоими народами есть великое несогласіе и случается иногда, что когда Тунгусы около рѣкъ Витима, Патомы и Олекмы застанутъ Якутовъ на звѣриномъ промыслѣ, то доходитъ между ими до сильныхъ сшибокъ“ [1]).

Если мы допустимъ, что якуты пришли дѣйствительно съ верховій Лены, то сообщаемыя Фишеромъ и Гмелиномъ преданія о борьбѣ якутовъ съ тунгусами получатъ въ нашихъ глазахъ большую вѣроятность, тогда какъ при скептическомъ отношеніи къ этимъ отголоскамъ очень давней старины, тотъ фактъ, что якуты миновали сравнительно благословенный олекминскій край, представлялъ-бы собою какую-то загадку.

Какъ-бы тамъ ни было, но вплоть до прихода русскихъ тунгусы перечисленныхъ выше родовъ оставались единственными обитателями Олекминскаго края. Якуты либо не отваживались, либо не имѣли

[1]) *Фишеръ. Сибирская Исторія съ самого открытія Сибири до завоеванія сей земли Россійскимъ оружіемъ.* Стр. 68. Изданіе 1774 г.

надобности туда заглядывать. Въ 1635 г. русскіе построили Олекминскій острогъ и безъ борьбы объясачили мѣстныхъ инородцевъ[1]). За годъ передъ этимъ якуты, объясаченные въ сѣверной части края, т. е. въ окрестностяхъ теперешняго Якутска еще десятью годами ранѣе, возстали противъ непомѣрныхъ требованій завоевателей „съ ледяными глазами“[2]) и для всего якутскаго края началась эпоха смутъ, бунтовъ, усмиреній и усиленнаго разброда коренныхъ жителей. Свидѣтельствомъ самихъ казаковъ вполнѣ удостовѣряется, что именно въ эту пору якуты впервые появились на Вилюѣ, на Янѣ и на Колымѣ. Въ то-же самое время часть ихъ двинулась и на югъ—къ устьямъ р. Олекмы[3]). Въ другомъ мѣстѣ я приведу сказаніе, которое мнѣ не разъ доводилось слышать отъ олекминскихъ якутовъ о времени и обстоятельствахъ переселенія ихъ предковъ въ олекминскій край; пока-же намъ достаточно знать, что сказаніе относитъ переселеніе къ эпохѣ Тыгына, т. е. ко времени непосредственно предшествовавшему началу смутъ. Тунгусы на этотъ разъ уже не оказывали бѣглецамъ съ сѣвера сколько-нибудь организованнаго и стойкаго сопротивленія; по крайней мѣрѣ въ памяти олекминскихъ якутовъ не сохранилось объ этомъ никакихъ преданій. Въ первое время всѣ выходцы составляли одинъ родъ—Меитскій (по старинному-русскому правописанію—Мегинскій), и жили они всей ордой въ ближайшихъ окрестностяхъ г. Олекминска, но впослѣдствіи ихъ число значительно возросло благодаря новымъ пришельцамъ, преимущественно изъ Мегинскаго и Борогонскаго улусовъ Якутскаго округа (такъ гласитъ преданіе). Такъ какъ эмиграція съ сѣвера долго не прекращалась, то въ концѣ концовъ якутамъ стало тѣсно въ окрестностяхъ города и часть ихъ заселила пустынный дотолѣ островъ Кыллахъ, гдѣ и

---

[1]) *Щеголовъ. Хронологическій перечень. Словцовъ. Историческое Обозрѣніе Сибири.*

[2]) „Мусъ-Кёрагъ“—ледяной глазъ; якутское прозвище русскихъ.

[3]) *В. Л. Сырошевскій. Якуты.* Главы I-я и II-я, стр. 183—236.

...ЛЬСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
...ТОРИЧЕСКАЯ

образовалась вторая, вполнѣ самостоятельная группа со своимъ князцомъ, со своимъ дѣленіемъ на роды.

Въ 30 годахъ осьмнадцатаго вѣка, т. е. ровно черезъ сто лѣтъ послѣ основанія г. Олекминска, Миллеръ записалъ въ своихъ тетрадяхъ: „около Олекминскаго острога имѣютца народы ясашные: якуты, тунгусы, 760 человѣкъ. Окладъ на нихъ ясаку: 7 сороковъ 9 соболей, 1 лисица сиводушатая, 212 лисицъ красныхъ, 60 горностаевъ; денегъ 72 р. 30 к.“ [1]). Если, какъ мы это видѣли раньше, ревизія 1767 года въ четырехъ родахъ олекминскихъ тунгусовъ насчитала только 242 человѣка (мужчинъ), то,—какъ-бы ошибочна ни была эта цыфра,—за тридцать лѣтъ до того число тунгусовъ едва-ли могло превышать цыфру 200 чел.; а потому изъ 760 чел., упоминаемыхъ Миллеромъ, отъ 500 до 600 должны были составлять якуты. Такимъ образомъ въ тридцатыхъ годахъ XVIII вѣка якуты уже успѣли обогнать въ своей численности коренныхъ жителей края—тунгусовъ раза въ два, если не въ три, и этотъ фактъ совершился всего лишь въ продолженіи одного столѣтія. Таковъ первый выводъ, который намъ приходится сдѣлать изъ сравненія цифровыхъ данныхъ.

Перешагнемъ теперь еще черезъ одно столѣтіе. Передъ нами перепись 2-й Ясачной Комиссіи. Якутовъ по этой переписи оказывается уже 4197 чел.; число ихъ со временъ Миллера увеличилось приблизительно *въ семь разъ*, тогда какъ число тунгусовъ—491 чел.—возросло только вдвое.... Исконная тунгузская земля какъ-то незамѣтно превратилась за этотъ промежутокъ времени въ якутскую землю; пять якутскихъ наслеговъ осѣло, завладѣвъ всѣми угодьями, по долинѣ Лены, а прежніе хозяева края оказались оттиснутыми на восточный берегъ, гдѣ они и понынѣ бродятъ въ каменистыхъ горахъ между рѣками Витимомъ и Олекмой....

---

[1]) *Н. Быкай. Историко-Геогр. матеріалы, относящіеся до Якут. обл. и* т. д. Изв. Вост. Сиб. Отдѣла т. XXV, №№ 4, 5.

Причиной такого явленія служила, конечно, бродячая жизнь тунгусовъ—оленеводовъ и звѣролововъ,—самымъ характеромъ своихъ промысловъ вынужденныхъ къ обособленному существованію малочисленныхъ семейныхъ группъ и къ постоянной перемѣнѣ мѣста. Безкровная побѣда якутовъ явилась такимъ образомъ какъ-бы побѣдой коровы надъ оленемъ, торжествомъ скотоводческой культуры надъ культурой охотничьяго племени. Дальше мы увидимъ, что процессъ вытѣсненія тунгусовъ изъ ихъ дѣдины и отчины совершался не вполнѣ стихійно: со стороны якутовъ въ это дѣло было вложено и до нынѣ влагается не мало упорной энергіи и обдуманныхъ усилій, тогда-какъ тунгусы могли противодѣйствовать систематическому натиску враждебнаго элемента только изолированными актами вооруженнаго сопротивленія (сшибки, о которыхъ упоминаетъ Фишеръ), да изрѣдка—безплодными обращеніями къ мѣстнымъ представителямъ русской власти.

Обусловившій окончательную побѣду якутскаго элемента, численный перевѣсъ этого племени создавался и поддерживался не только не прекращавшимся притокомъ новыхъ выходцевъ съ сѣвера, но также и болѣе высокой жизнеспособностью якутовъ. Въ вѣдомости 1835 г. (составленной по даннымъ VII-й ревизіи), мы уже видѣли, что въ числѣ 491-го тунгуса лицъ въ возрастѣ отъ 18 до 50 л. было 233, т. е. 47,45%; между тѣмъ изъ числа 4197 якутовъ въ томъ-же возрастѣ означено 1728 ч. или 41,17%. Такой фактъ заставляетъ предполагать одно изъ двухъ: или большую плодовитость якутовъ и обиліе у нихъ дѣтей или же большую живучесть, а слѣдовательно и большее количество стариковъ.

Желая рѣшить для себя вопросъ, какое изъ этихъ предположеній болѣе примѣнимо въ настоящемъ случаѣ, я нашелъ нужнымъ использовать поподробнѣе хоть одну ревизскую сказку прошлаго столѣтія съ тѣмъ, чтобы, основываясь на ея данныхъ, опредѣлить съ возможной точностью повозрастный составъ обѣихъ сравниваемыхъ группъ. Наиболѣе подходящими для этой цѣли мнѣ казались

данныя V-й ревизіи, происходившей въ 1796 г., т. к. предстоящая перепись 1897 г., доставитъ намъ удобосравнимыя свѣдѣнія о томъ-же населеніи по истеченіи какъ разъ одного столѣтія.

Возрастный составъ инородческаго мужского населенія по переписи 1796 года.

Возрастъ.	Тунгусы.							Якуты.						
	Жеюганскій родъ.	Логоцкій родъ.	Киндигирск. родъ.	Хахагынскій родъ.	Брагатскій родъ.	Всего.	%	1-й Нерюктейскій наслегъ.	2-й Нерюктейскій наслегъ.	Мальжегарскій наслегъ.	1-й Меитскій наслегъ.	2-й Меитскій наслегъ.	Всего.	%
До 5-ти лѣтъ.	25	13	14	33	32	117	19,2	89	57	89	123	77	435	16,7
5—10 . .	14	8	11	18	28	79	13	72	36	48	74	65	295	11,3
10—20 . .	27	19	17	27	36	126	20,7	122	79	102	138	120	561	21,5
20—30 . .	17	8	11	16	31	83		102	54	76	88	74	394	
30—40 . .	10	3	10	18	28	69	37,6	69	59	50	84	62	324	36,2
40—50 . .	18	9	4	20	26	77		46	32	57	45	45	225	
50—60 . .	8	3	5	6	22	44		40	27	28	56	31	182	
60—70 . .	4	1	1	1	3	10	9,3	26	13	29	35	29	182	
70—80 . .	—	1	—	—	2	3		5	7	13	12	10	47	14,2
80—90 . .	—	—	—	—	—	—	—	1	2	2	1	2	8	
90—100 . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1	
	123	65	73	139	208	608	99,8	572	366*)	495	656	515	2604	99,9

*) Въ ревизской сказкѣ этого наслега вырванъ одинъ листъ, въ которомъ записано 27 человѣкъ, такъ, что въ дѣйствительности мужское населеніе этого наслега состояло изъ 393 человѣкъ.

Получившійся выводъ совершенно разошелся съ моими апріорными ожиданіями, такъ какъ старые авторы отмѣчали фактъ не высокой плодовитости тунгузскихъ женщинъ. Такъ Георги въ цитированномъ выше трудѣ говоритъ о тунгусахъ: „они любятъ дѣтей чрезвычайно; но сіи бываютъ имъ на старости и питомцами. Однако они не плодородны: мало такихъ матерей, которыя имѣютъ четверыхъ дѣтей; а сіе происходитъ можетъ быть частью отъ суроваго житія и отъ того, что долго кормятъ дѣтей грудью, то есть иногда и до пятаго года“[1]). Мои личныя наблюденія и распросы сначала заставляли меня думать, что якуты, дѣйствительно, гораздо плодовитѣе своихъ соперниковъ, и потому я былъ склоненъ допустить, что ревизскія сказки даютъ въ этомъ случаѣ слишкомъ невѣрное представленіе о дѣйствительности. Однако-же, если анализъ данныхъ другихъ инородческихъ переписей, а равно и данныхъ той-же V-й ревизіи относительно другихъ тунгузскихъ родовъ совпадетъ по своимъ результатамъ съ только-что получившимся выводомъ, то въ объясненіе обнаруженнаго различія въ повозрастномъ составѣ обѣихъ группъ можно будетъ привести одно довольно вѣское соображеніе: относительная многочисленность у тунгусовъ дѣтей, какъ видно изъ приведенной таблицы, понижается для подростковъ въ возрастѣ 10—20 лѣтъ въ такой степени, что соотвѣтственная группа у якутовъ оказывается уже болѣе многочисленной (20,7% у тунг., 21,5% у якут.); въ возрастѣ 12—13 лѣтъ тунгусенокъ обыкновенно уже начинаетъ охотиться; съ 16—17 лѣтъ онъ ведетъ изнурительную жизнь заправскаго звѣролова и возможно, что трудности этого быта вскорѣ-же сводятъ въ могилу многихъ неокрѣпшихъ юношей, которые въ якутской обстановкѣ могли-бы дожить до глубокой старости; та-же причина не можетъ не вліять и на стариковъ, успѣвшихъ достигнуть до шестого десятка лѣтъ, когда ихъ силы вновь начинаютъ слабѣть[2])....

[1]) *Георги.* Ibidem, стр. 49.

[2]) Тотъ-же авторъ (т. е. Георги) говоритъ объ этомъ такъ (стр. 50): „болѣзней у сихъ крѣпкихъ, умѣренныхъ, веселыхъ и безпечныхъ людей мало, а собственныхъ

Другая черта, выступающая въ данныхъ старинной статистики, не можетъ возбуждать какихъ-либо сомнѣній въ ея соотвѣтствіи съ дѣйствительностью, т. к. то-же самое соотношеніе цыфръ обнаруживается и въ позднѣйшее время: почти всѣ группы тунгусовъ Якутскаго края и якуты Олекминскаго округа отличаются значительнымъ перевѣсомъ числа мужчинъ надъ числомъ женщинъ, причемъ у тунгусовъ эта особенность проявляется наиболѣе ярко.

Въ вѣдомости комиссара Звѣрева, относящейся къ 1809 г., указано число мужчинъ и женщинъ въ 4-хъ тунгузскихъ родахъ; на 100 мужчинъ по этимъ цыфрамъ (405 м. и 356 ж.) приходится только 87,9 женщинъ. Для якутовъ пяти наслеговъ по цыфрамъ той-же вѣдомости (2851 муж. и 2748 женщ.), отношеніе окажется: на 100 мужчинъ 96,4 женщинъ.

Въ концѣ этой главы будутъ приведены свѣдѣнія о теперешнемъ составѣ тунгузскихъ родовъ, а пока, намѣреваясь использовать сначала архивный матеріалъ, я ограничусь приведенными выше цыфрами о самомъ населеніи и перейду къ другому роду данныхъ,—касающихся условій быта тунгусовъ въ концѣ XVIII-го и въ началѣ XIX-го вѣковъ.

Данныхъ этого рода не много, но все-же достаточно для того, чтобы ознакомить насъ съ главными событіями указанной эпохи. Конецъ прошлаго и въ особенности—два первыхъ десятилѣтія нашего вѣка были временемъ сплошного перехода олекминскихъ инородцевъ въ христіанство. Въ ревизскихъ сказкахъ 1782-го и 1796-го гг. преобладаютъ языческія имена (вспомнимъ хотя-бы имена князцовъ, указанныхъ на стр. 11-й); лишь изрѣдка среди нихъ выдѣляются попавшіе туда точно ненарокомъ Иваны и Петры, причемъ почти всегда при имени такихъ христіанъ обозначается

и вовсе нѣтъ; однако-жъ рѣдко кто у нихъ доживаетъ до глубокой старости. Старики лѣтъ 70 весьма у нихъ рѣдки. Рѣзніе глазъ отъ дыму и цынга отъ непривычки къ спокойному житью суть обыкновенныя тягости въ старости".

„онъ-же Чикимъ Ширэкаевъ“ или „онъ-же Чалый Оспойюновъ“ и т. п. Впослѣдствіи эти „онъ-же“ совсѣмъ исчезаютъ и, читая списки 30-хъ годовъ, въ нихъ встрѣчаешь однихъ Ивановъ да Петровъ и только фамилій, да и то лишь нѣкоторыя, еще сохраняютъ мѣстный колоритъ.

Болѣе прямыя указанія на главные моменты въ распространеніи христіанства можно найти въ упоминавшихся ранѣе рапортахъ князцовъ и въ квитанціяхъ на пріемъ ясака. Въ 1804 г. якуты Сунтарскаго улуса и Брагатскій родъ тунгусовъ были причислены къ Вилюйскому комиссарству, но т. к. брагатцы, повидимому, еще долго сохраняли тѣсную связь съ Олекминскомъ, то часто случалось, что они представляли олекминскому комиссару или самый ясакъ (мѣдной монетой), или квитанціи вилюйскаго комиссара Заболоцкаго, удостовѣрявшаго, что такая-то сумма князцомъ Степаномъ Винокуровымъ однажды уже внесена. Такъ-какъ за крестившихся изъ общаго платежа, начислявшагося на родъ, дѣлалась скидка по 1 р. 49 коп. съ человѣка, то князцы не забывали упоминать въ своихъ рапортахъ, сколько у нихъ прибавилось льготныхъ плательщиковъ. Изъ документовъ этого рода видно, что въ 1805 г. въ Брагатскомъ родѣ крестилось 14 человѣкъ, въ 1808 г.—крестился одинъ старшина и съ нимъ 18 его родниковъ и т. д.

Тотъ-же періодъ ознаменовался для тунгусовъ и другой перемѣной, имѣвшей для нихъ большое значеніе: архаическое оружіе— луки и стрѣлы въ началѣ XIX-го вѣка окончательно вышли изъ употребленія и теперь, вооруженные винтовками, охотники могли добывать звѣря въ большемъ количествѣ, сообразно съ усилившейся потребностью въ мѣхахъ для уплаты ясака и для обмѣна съ якутами и съ русскими. Численность олекминскихъ тунгусовъ, какъ мы видѣли выше, въ продолженіи XVIII вѣка увеличилась приблизительно въ два раза, тогда-какъ ихъ территорія почти въ такой-же мѣрѣ уменьшилась. Отсюда видно, что даже

въ томъ случаѣ, если-бы олекминскіе роды оставались при своемъ древнемъ оружіи и при своихъ старинныхъ привычкахъ, имъ пришлось-бы ежегодно истреблять на этой съузившейся территоріи вчетверо большее количество всякаго „пышнаго звѣря“; при помощи усовершенствованнаго оружія истребленіе цѣнныхъ животныхъ отнынѣ должно было пойти еще интенсивнѣй, а слѣдовательно экономическое положеніе тунгусовъ, не имѣвшихъ другихъ источниковъ дохода, кромѣ охоты, къ силу одного этого неминуемо должно было ухудшиться. Грозя весьма печальными и даже—роковыми послѣдствіями въ будущемъ, переходъ къ огнестрѣльному оружію для своего времени былъ все-таки совершенно необходимъ, и мѣстная администрація вполнѣ своевременно уже въ концѣ прошлаго вѣка возбудила ходатайство о снабженіи тунгусовъ порохомъ и свинцомъ отъ казны. Иниціатива такого ходатайства принадлежала самимъ тунгусамъ трехъ родовъ (Жеюганскаго, Киндигирскаго и Хахагынскаго?). Въ 1808 г. Олекминскій комиссаръ въ донесеніи Иркутскимъ властямъ заявлялъ, что на каждый родъ потребуется въ годъ по 5 пудовъ пороха и по 10 пудовъ свинца. Въ подкрѣпленіе ходатайства комиссаръ указывалъ на то, что „тунгусы, оставляя нынѣ прежнее ихъ и неудачное въ промыслѣ звѣря, состоящее изъ луковъ и стрѣлъ, оружіе, съ жадностью принялись за огнестрѣльное“. Далѣе, упомянувъ объ упадкѣ звѣроловства, комиссаръ выказывалъ опасеніе, что „на будущее время,... по неимѣнію у нихъ пороха и свинца, произойдетъ во взиманіи ясака не малое затрудненіе, равно и ихъ самихъ, по непромышленію звѣрей, народовъ не просвѣщеныхъ и обитающихъ въ неизвѣстныхъ, пустынныхъ мѣстахъ, найти будетъ съ величайшимъ трудомъ, какъ и нынче многіе отдалились въ Нерчинскій округъ“.

При отсутствіи понеченія объ ихъ нуждахъ со стороны мѣстной власти, тунгусы уже въ концѣ прошлаго столѣтія втридорога пріобрѣтали порохъ и свинецъ у частныхъ торговцевъ изъ яку-

товъ и русскихъ. Пріемы тогдашней торговли и то пагубное значеніе, которое она имѣла въ дѣлѣ прогрессивнаго обнищанія тунгузскаго племени, довольно ярко воспроизведены въ одномъ офиціальномъ документѣ 1797 года. Въ мартѣ этого года (12 числа), исправникъ Измайловъ обратился въ Иркутское Губернское Правленіе съ такимъ рапортомъ:

„Здѣшніе подгородные якутскіе нѣкоторые князцы и многіе Якуты, по давно заведенному обычаю и дружбою съ Тунгусами здѣшнія-же округи, выѣзжали сначала на урочище Русскій-Тугус-Омоктяхъ, вверхъ по рѣкѣ Олекмѣ и по другимъ мѣстамъ, не такъ отъ города отдаленнымъ, на встрѣчу къ выходящимъ съ промысловъ Тунгусамъ, увозя имъ немалыми караванами якутскія масла, покупаемый здѣсь въ городѣ провіантъ (т. е. муку) и протчія потребныя для тунгусовъ вещи, задалживая оныхъ весьма на немалыя суммы и получая отъ нихъ за оныя упромышленныхъ, кромѣ остающихся на заплату въ казну ясака, почти всѣхъ пышныхъ звѣрей; сами уже перепродавывая здѣсь торгующему купечеству и таковымъ образомъ годъ отъ году усугубляя свою торговлю, каждый старается больше задолжать имъ своихъ друзей и спѣшатъ другъ противу друга. Въ началѣ ноября мѣсяца отправляются туда какъ можно дальше встрѣтить тунгусовъ и, поя ихъ увозимымъ съ собою.... (не разобрано) не малымъ количествомъ вина, выманить у тунгусовъ всѣ ими упромышленное, и по два года назадъ тому такъ уже удалили тунгусовъ, что выѣзжаютъ къ нимъ около тысячи верстъ вверхъ по Олекмѣ рѣкѣ на рѣку Жунжу, почему уже Тунгусы выходятъ близъ города противу прежняго времени весьма малымъ количествомъ, а другіе, получа отъ нихъ нужные припасы, обращаются паки на промыселъ и дѣлаются совершенными почти якутскими работниками. Черезъ сіе члены Земскаго суда по случаю... (не разобрано) иногда важнымъ дѣламъ принуждены бываютъ выѣзжать туда къ слѣдованіямъ, что и въ прошедшемъ году со мной случилось

по дѣлу о поколотіи въ 1775 году Тунгусами въ (Жеюганскѣ?) Тунгуса-же (Пилань?) Гараулова; за невыходомъ тогда прикосновенныхъ къ слѣдствію людей и за неявкою однихъ тунгузскихъ князцовъ, я самъ, съ немалымъ затрудненіемъ, долженъ былъ туда ѣздить и нашелъ тамъ подлинно Якутовъ человѣкъ до сорока и везущихъ продукты лошадей до двухъ-сотъ и совершенное Тунгусовъ пьянство, признававшихся мнѣ въ слабой своей и неумѣренной страсти къ вину, сказывая, что они черезъ его много теряютъ своихъ выгодъ. Въ пресѣченіе сего и предлагалъ я тогда вышедшимъ двумъ тунгузскимъ князцамъ, старшинамъ и лучшимъ ясачнымъ Тунгусамъ, чтобы они таковымъ образомъ у якутовъ не задалживались, а старались лутче выходить ближе къ городу и продавали свои промыслы сами торгующему здѣсь купечеству съ гораздо превосходною противу получаемой отъ Якутовъ цѣною, равнымъ образомъ и выгоднѣйшею покупкою потребныхъ для нихъ припасовъ, на что видѣлъ нѣкоторыхъ какъ Тунгусовъ, равно Якутовъ, согласіе; но многіе изъ упомянутыхъ Якутовъ, опасаясь лишиться ихъ выгодъ, вышеописаннымъ образомъ пріобрѣтаемыхъ, какъ видно,—имъ отсовѣтовали. Сіе замѣчаю я потому болѣ, что они на предложеніе мое о ихъ выгодахъ твердо намѣрены были подать объ учрежденіи ярмарки прошеніе, но когда нѣкоторые вышли въ городъ, то по неоднократнымъ моимъ о семъ надпоминаніямъ не только сего не учинили, но отозвались, что за невыходомъ сего года всѣхъ князцовъ и лутчихъ ясачныхъ, безъ согласія здѣшнихъ, сего не могутъ и наиприлежнѣйше только просили объ отпускѣ сюда для продажи имъ по какой цѣнѣ, что будетъ, казеннаго винтовочнаго пороха, каждаго пудовъ хотя до десяти, да свинца пудовъ до двадцати, ибо покупка изъ партикулярныхъ рукъ не только для нихъ невыгодна, но весьма отяготительна и неумѣренна, такъ, что принужденными находятся пороху фунтъ покупать рубля по три и по четыре, а свинцу фунтъ отъ тридцати и до пятидесяти копѣекъ. Таковую торговлю

и задолженіе Якутовъ, относящіяся къ отягощенію по простотѣ и легкомысленному нраву Тунгусовъ, не нахожу я другихъ средствъ отвратить, какъ учрежденіе на урочищѣ Тугусъ-Омуктяхъ весьма для выходу Тунгусовъ и для пріѣзжающаго купечества выгодной ярмарки; положа оной время: первыя числа декабря мѣсяца, на такомъ положеніи, чтобы всѣ Тунгусы собирались на одно сіе мѣсто, на каковой разъ, для лутчаго устройства порядка и благочинія, непремѣнно должно быть или земскому исправнику или члену Земскаго суда, котораго долгъ предложить будетъ въ началѣ приказать заплатить весь слѣдующій съ нихъ ясакъ князцамъ, и дабы иногда въ обмѣнѣ онаго не было подлогу, каждаго рода порознь, запечаталъ князцовскою и своею печатями, потомъ отъ онаго выбирались отъ нихъ для взноса повѣренные, и тогда уже позволить на сей разъ пріѣзжающимъ купцамъ покупать остающіяся у нихъ пышные товары, а равнымъ образомъ и потребный имъ провіантъ. Иначе-же Якутовъ удержать нѣтъ средствъ, ибо они, какъ имѣющіе сами по сей рѣкѣ соболиные и бѣличьи промыслы, могутъ всегда подъ видомъ симъ уѣзжать туда, чего имъ и воспретить никакъ невозможно. Все оное предавъ прозорливому разсмотрѣнію Иркутскаго Губернскаго Правленія, покорнѣйше прошу какъ въ разрѣшеніе сего, такъ равно и въ отпускѣ нужно надабнаго для Тунгусовъ пороха и свинца о томъ, что заблагоразсудится будетъ, засимъ удостоить меня въ резолюціи указать повелѣніемъ".

На это ходатайство Измайлова со стороны Иркутскаго Губернскаго Управленія (отъ 19 ноября 1797 г. № 21,052) послѣдовало разрѣшеніе учредить на урочищѣ Русскій-Тугусъ-Омуктяхъ ярмарку „для воздержанія тунгусовъ отъ пьянства".

Въ то-же самое время, быть можетъ именно вслѣдствіе частыхъ столкновеній и пререканій тунгусовъ съ якутами, администрація приняла нѣкоторыя мѣры для болѣе точнаго опредѣленія территоріи, предоставленной въ пользованіе бродячимъ родамъ. Такъ

въ позднѣйшихъ тяжебныхъ дѣлахъ приводятся ссылки на то, что еще въ 1800 г. Олекминскій Земскій судъ отвелъ всю мѣстность по лѣвому берегу рѣки Витима тунгусамъ Жеюганскаго рода. Какъ видно изъ многихъ позднѣйшихъ дѣлъ, такіе отводы имѣли значеніе чисто формальное; въ дѣйствительности они не могли охранить тунгузскихъ угодій отъ временныхъ захватовъ, нерѣдко переходившихъ впослѣдствіи во владѣніе по праву давности. Въ настоящее время на несомнѣнно тунгузской территоріи — по берегу впадающей въ Олекму р. Чары, нѣсколько сотъ якутскихъ семействъ разселилось въ скученныхъ поселкахъ и въ одиноко стоящихъ юртахъ на протяженіи около 400 верстъ. Какимъ образомъ возникли эти якутскіе форпосты? на чемъ основаны права ихъ обитателей на владѣніе прилегающими угодьями? — вполнѣ точный отвѣтъ на эти вопросы едвали возможенъ. Самый фактъ захвата совершился такъ давно, что теперь уже поздно доискиваться его первоначальныхъ основаній; но, примѣняя въ этомъ случаѣ аналогію съ нѣкоторыми весьма сходными событіями, происходившими въ ту-же эпоху и оставившими кое-какіе слѣды въ дѣлахъ мѣстнаго архива, мы можемъ возстановить передъ собою первые моменты того процесса, который къ концу текущаго вѣка завершился оттѣсненіемъ тунгусовъ въ совершенно безплодные горные края и переходомъ почти всѣхъ угодій, представляющихъ хоть какую-нибудь хозяйственную цѣнность, въ руки якутовъ.

17-го февраля 1821 г. князцы двухъ Нерюхтейскихъ (якутскихъ) наслеговъ Платонъ Корниловъ и Василій Малышевъ обратились къ олекминскому комиссару съ рапортомъ такого содержанія:

„Вѣренныхъ намъ волостей родовичи словесно намъ жалуются, что они съиздревле имѣли упромышливанье разнаго рода звѣрей на взносъ въ казну ясака и общественныхъ повинностей по рѣкѣ Витиму, но какъ уже четвертый годъ отъ промыслу отъ того мѣста дѣлали препятствія витимской волости крестьяне, на послѣдокъ-же въ прошломъ 1820 году вовсе прогнали, по той самой

причинѣ, что они взяли въ кортомъ упромышленныя мѣста отъ тунгузскаго Жеюганскаго князца Чикима Гундегулева и отъ Ангарскаго тунгузскаго старшины Ильи Жонди, въ каждый годъ по 10 рублей съ человѣка, и живутъ на томъ мѣстѣ крестьяне въ 29 зимовьяхъ, разстояніемъ въ 300 верстъ, почему и просятъ насъ (подразумѣвается:—наши родовичи) о доведеніи о семъ до высшаго начальства о безпрепятственномъ имъ промыслѣ на будущее время"...

Комиссаръ Миллеръ, донося объ этомъ Иркутскому Губернскому Правительству, высказался въ пользу якутовъ на томъ основаніи, что моль промыслы принадлежатъ не однимъ тунгусамъ, а потому, по мнѣнію комиссара, слѣдовало-бы воспретить „крестьянамъ и разнаго рода людямъ" арендовать мѣста непосредственно отъ тунгусовъ, „а покупали-бы тогда, когда оныя будутъ проданы *съ общаго согласія тунгусовъ и якутовъ*,... и то однако съ засвидѣтельствованіемъ мѣстнаго начальства и со взятіемъ въ казну установленныхъ пошлинъ. А ежели кто отважится... купить звѣроловныя мѣста *помимо якутовъ*, то тѣмъ письмамъ вѣры не давать,... чтобы (якуты) всегда могли тѣмъ изыскивать достатокъ,... такъ—какъ они собственно всегда только симъ средствомъ пріобрѣтаютъ вышеизложенное (ясакъ и пропитаніе)".

Такимъ образомъ комиссаръ Миллеръ однимъ почеркомъ пера предполагалъ создать для тунгусовъ юридически равноправныхъ съ ними самими со-владѣльцевъ ихъ исконнаго достоянія. При громадномъ перевѣсѣ якутовъ въ численности, въ богатствѣ и въ близости къ мѣстной администраціи отдѣльныхъ представителей своего племени, а, наконецъ, и въ общихъ выгодахъ экономическаго положенія, такое со-владѣніе несомнѣнно превратилосьбы на практикѣ въ полное обезземеленіе слабѣйшаго элемента, т. е. тунгусовъ. Высшая власть не раздѣляла взглядовъ Миллера и склонна-была разрѣшать подобные вопросы болѣе осмотрительно, но въ обычномъ ходѣ жизни симпатіи, хотя и маленькаго, но

болѣе близкаго начальства имѣли, конечно, рѣшающее значеніе, и въ силу такихъ симпатій захваты тунгузскихъ угодій производились якутами не только невозбранно, но чуть-ли не при содѣйствіи нѣкоторыхъ мѣстныхъ администраторовъ.

Вообще говоря, всѣ подобныя дѣла велись безъ огласки и разрѣшались словесно, но въ только что приведенномъ случаѣ возникла многолѣтняя переписка благодаря тому, что одной изъ заинтересованныхъ сторонъ явились витимскіе крестьяне. Въ ихъ лицѣ якуты встрѣтили опасныхъ соперниковъ, не менѣе алчныхъ и склонныхъ попользоваться чужой простотой, чѣмъ сами якуты, но едва-ли не болѣе ловкихъ и предпріимчивыхъ. Борьба между этими двумя элементами завязалась упорная.

Отстаивавшій интересы якутовъ, комиссаръ Миллеръ ссылался въ своемъ отзывѣ на указъ Губернскаго Правительства отъ 14-го ноября 1820 г. (№ 22,323), воспрещавшій русскимъ „опромышливанье“ инородческихъ земель „съ выжиганіемъ и вырубаніемъ лѣсовъ“. Самый фактъ изданія такого указа свидѣтельствуетъ о томъ, что русскіе искатели барышей, несмотря на всѣ запрещенія правительства, успѣвали пробираться въ глубину тайги и обосновываться среди инородцевъ въ качествѣ торговцевъ и арендаторовъ, къ немалому вреду для туземнаго населенія. Попытки высшей власти оградить инородцевъ отъ хищничества барышниковъ обходились на мѣстѣ на тысячи ладовъ. Первыя мѣры, направленныя противъ самовольнаго поселенія русскихъ въ Сибири, были приняты еще въ XVII в.[1]), однако, тогда правительство имѣло въ виду не столько интересы туземцевъ, сколько бюрократическую правильность колонизаціоннаго движенія; но въ царствованіе Императрицы Елизаветы Петровны и позже не разъ издавались указы именно въ видахъ охраны инородцевъ отъ эксплуатаціи со стороны русскихъ. Такъ еще 30 іюля 1748 г. былъ изданъ указъ „о необязываніи русскихъ съ якутами никакими письмами безъ дозво-

[1]) *Щегловъ. Хронолог. перечень.* Годъ 1683.

ленія ихъ шуленгъ и старшинъ и безъ объявленія въ командахъ"; 24 іюля 1764 г.—„о невзысканіи розданныхъ всякихъ чиновъ людьми ясачнымъ въ долгъ денегъ"; 25 іюля 1766 г. иркутскимъ губернаторомъ Фрауендорфомъ предлагалось мѣстнымъ властямъ „о недержаніи въ наймахъ и работахъ и въ прочихъ услуженіяхъ безъ указанныхъ крѣпостей и неписаніи никакихъ заемныхъ и договорныхъ писемъ, крѣпостныхъ дѣлъ и прочее"[1]). Если даже пришельцы, т. е. русскіе, умѣли обдѣлывать свои дѣла вопреки всѣмъ этимъ указамъ и распоряженіямъ, то якутамъ, какъ мѣстнымъ жителямъ, было еще легче задалживать и оттѣснять тунгусовъ, при случаѣ ссылаясь на только что перечисленные указы для устраненія конкурренціи со стороны крестьянъ. Однако-же, по поводу описаннаго выше пререканія съ витимцами Губернское Правительство въ апрѣлѣ 1821 г. предписало Киренскому земскому суду произвести особое разслѣдованіе: „во-первыхъ, тонгусы какіе именно отдаютъ въ оброкъ звѣроловныя мѣста, т. е. собственно свои или-же кои нераздѣльно принадлежатъ всѣмъ, какъ якутамъ, такъ и тонгусамъ; во-вторыхъ,—есть-ли-бы случилось, что каждый тунгусъ имѣетъ свой участокъ звѣринаго мѣста, то въ правѣ-ли онъ отдавать оный въ оброкъ", въ-третьихъ, тѣмъ-же распоряженіемъ приказывалось „объясачить производство настоящей звѣриной промышленности крестьянъ витимской волости, содѣланное ими съ тонгусами условіе и прочее, принадлежащее къ предмету".

Въ 1835 г. староста 1-го Нерюхтейскаго наслега (якутъ) Иванъ Идельгинъ предъявилъ искъ противъ тунгусовъ Жеюганскаго рода и требовалъ съ нихъ 1260 р. въ возмѣщеніе своихъ убытковъ, такъ какъ жеюганцы сдали русскимъ 12 рѣчекъ (т. е. примыкающія къ нимъ лѣсныя пространства и ловы); право промысла по этимъ рѣчкамъ якуты присваивали себѣ, указывая на давность своего

[1]) *Ясачная Выписка.* Разные списки этого памятника не вполнѣ тождественны по своему содержанію. Я пользовался экземпляромъ, принадлежащимъ Якутскому Областному Правленію; въ этомъ спискѣ приведено 30 актовъ, касающихся инородцевъ.

пользованія спорными угодьями; но староста Жеюганскаго рода объяснилъ въ письменномъ отвѣтѣ, что якуты охотились на тунгузскихъ урочищахъ совершенно произвольно, не имѣя на это ни законныхъ правъ, ни согласія самихъ тунгусовъ. Сверхъ того, по объясненію старосты, тунгусы не могли не сдать русскимъ 12 рѣчекъ, такъ какъ въ 1831 г., бѣдствуя по случаю полнаго неулова звѣрей, жеюганцы пропитались только благодаря поддержкѣ витимскихъ крестьянъ. Кредиторовъ изъ якутовъ староста обѣщалъ удовлетворить доходами съ другихъ лововъ, указывая при этомъ на то, что Жеюганскому роду принадлежитъ около 100 рѣчекъ.

Задалживанье тунгусовъ и окортомливанье у нихъ лучшихъ лововъ къ тридцатымъ годамъ нашего столѣтія достигло, повидимому, широкихъ размѣровъ. Тотъ-же жеюганскій староста, который въ 1835 г. утверждалъ, что его родовичи, безъ всякаго ущерба для себя, могутъ сдать русскимъ осьмую часть своихъ угодій, въ 1833 г. подавалъ просьбу о томъ, „чтобы якутамъ и прочаго сословія людямъ“ воспрещено было выѣзжать на ярмарки до сбора ясака, ввозить въ тайгу горячіе напитки и кортомить тунгузскія земли....

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда положеніе становилось черезчуръ тяжелымъ, олекминскіе тунгусы поднимались вверхъ по теченію Олекмы и ея притоковъ, переходили на ту сторону Станового хребта и надолго изчезали изъ подъ контроля олекминскихъ властей. Такъ какъ весь южный склонъ хребта, вплоть до поѣздки Миддендорфа, ошибочно принимался за владѣніе Китая, то тамъ киндигирцы и другіе тунгусы оставались неуловимы и не отвѣтственны ни передъ кредиторами, ни передъ казной. Пространствовавъ нѣсколько лѣтъ невѣдомо гдѣ, въ концѣ концовъ они возвращались, однако-же, въ приленскій край съ увеличившейся за годы бродяжества недоимкой по взносу ясака и съ порѣдѣвшими отъ падежей стадами оленей.

Послѣднимъ обстоятельствомъ, могущественно повліявшимъ на

всѣ стороны быта олекминскихъ тунгусовъ, явилось то, что ихъ каменистый и повидимому столь скудный край оказался „золотымъ дномъ“,—источникомъ колоссальныхъ богатствъ для нѣкоторыхъ частныхъ предпринимателей, очень доходной статьей для казны, приманкой для многихъ тысячъ русскаго рабочаго люда.... Для самихъ тунгусовъ это, казалось-бы, счастливое обстоятельство вызвало рядъ самыхъ печальныхъ послѣдствій: лѣсные пожары начали повторяться ежегодно и цѣнный звѣрь съ года на годъ сталъ убывать, такъ, что одной охотой теперь уже нельзя прокормиться; на оленей явился спросъ на пріискахъ; цѣлыя стада потянулись туда и съ Вилюя и съ Зеи, а это, разумѣется, не могло содѣйствовать размноженію стадъ, оставшихся у самихъ оленеводовъ; на продажу шелъ не избыточный приплодъ, а часто—самое ядро стада, т. е. самые сильные и лучшіе производители. На ряду съ этимъ, пріиска создали новые виды дохода: поставку дровъ, поставку сѣна, извозъ пріисковой клади и, наконецъ, совершенно невѣдомую при прежнихъ условіяхъ быта—поставку „рабочихъ рукъ“, какъ товара имѣющаго свою рыночную цѣнность.

Неотвратимое вторженіе въ жизнь этихъ новыхъ явленій уже съ конца 40-хъ годовъ, т. е. со времени открытія первыхъ пріисковъ, поставило передъ „идеальнѣйшимъ народомъ звѣролововъ“ роковую дилемму: или исчезнуть, или измѣнить вѣковѣчныя формы своего быта. Задача не легкая даже для націй культурныхъ и богатыхъ, а ужъ тѣмъ болѣе для малочисленнаго, почти дикаго племени, успѣвшаго сохранить за собою отъ своихъ прежнихъ обширныхъ территорій только безплодныя болота да горныя кручи. Тунгусы, однако, не пали духомъ. Въ нихъ совсѣмъ незамѣтно той безнадежности и апатіи, которую пр. Петри считаетъ одною изъ „весьма существенныхъ“ причинъ вымиранія инородцевъ[1]). Вопреки множеству препятствій и при полномъ отсутствіи поддержки со стороны, они, какъ умѣютъ, а все же пытаются бороться за свое

[1]) *Э. Ю. Петри. Антропологія.* Т. I. Глава „вымираніе дикарей“, стр. 137—163.

существованіе: заводятъ коровъ, мѣстами расчищаютъ заросли или спускаютъ озера для образованія сѣнокосовъ, а мѣстами не безъ успѣха начинаютъ производить засѣвы ячменя. Если, не смотря на все это, общая численность племени несомнѣнно, и притомъ—весьма быстро уменьшается, то виноваты въ этомъ не сами тунгусы, а совокупность внѣшнихъ условій, слишкомъ могущественныхъ для того, чтобы полудикіе люди могли справиться съ нею собственными силами.

Самый фактъ убыванія племени, къ несчастію, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Послѣднія изъ приводившихся выше цифръ извлечены изъ дѣлъ Олекминскаго архива и относятся къ 1835 г. Для позднѣйшаго времени мы можемъ воспользоваться печатными источниками. Цифры X-й ревизіи приведены въ „Памятной Книжкѣ Якутской области на 1863 годъ“, вышедшей третьимъ изданіемъ на 1871 годъ, цифры 1893 года—въ „Памятной Книжкѣ на 1896 годъ“. Такъ какъ въ послѣдней „П. Книжкѣ“ свѣдѣнія о многихъ тунгузскихъ родахъ и даже о цѣлыхъ вѣдомствахъ иногда отсутствуютъ, то я до нѣкоторой степени восполняю пробѣлы, пользуясь данными исповѣдныхъ росписей 1895 года. Сводя всѣ данныя о тунгузскомъ населеніи края, какія только можно извлечь въ настоящее время[1]), въ форму одной общей таблицы и затѣмъ вычисляя % прироста $\left(\frac{(p^2-p^1)\ 100}{p^1}\right)$, мы получимъ слѣдующій рядъ очень неутѣшительныхъ цифръ:

---

[1]) Слѣдуетъ помнить, что этотъ очеркъ былъ написанъ еще въ 1896 г., т. е. до производства всенародной переписи.

Роды.	Населеніе 1858 г.			Населеніе 1895 г.			Приростъ въ °/₀°/₀		
	м.	ж.	всего.	м.	ж.	всего.	м.	ж.	всего.
Якутскій округъ.									
Канамасскіе бродячіе:[1])									
1. Шелогонскій . .	95	66	161	167	146	313	+75,8	+121,2	+94,4
2. 1-й Беллетскій .	174	166	340	99	90	189	—43,1	—45,8	—44,4
3. 2-й Беллетскій .	160	114	274	155	121	276	— 3,1	+ 6,1	+ 0,3
4. 3-й Беллетскій .	29	25	54	16	13	29	—44,8	—48	—46,3
5. Нюрмаганскій .	91	76	167	91	79	170	0	+ 4	+ 1,8
6. Буягирскій . .	163	127	290	113	100	213	—30,7	—21,3	—26,5
7. Никагирскій . .	11[2])	4	15	8	8	16	—27,3	+100	+ 6,6
Итого .	723	578	1301	649	557	1206	—10,2	— 3,6	— 7,3
Майскіе бродячіе:[3])									
8. Бытальскій . .	448	358	806	262	223	485	—41,1	—37,7	—39,8
9. Кюрбюгдинскій .	74	51	125	55	76	131	—25,7	+49	+ 4,8
10. 1-й Эжанскій .	102	74	176						
11. 3-й Эжанскій .	228	217	445						
12. Мякагирскій . .	182	144	326						
Итого .	1034	844	1878						
Майскіе кочевые:									
13. Бытальскій . .	91	77	168	80	77	157	—12,1	0	— 6,5
14. 1-й Эжанскій .	207	214	421	215	225	440	+ 3,9	+ 5,1	+ 4,5
15. 2-й Эжанскій .	211	188	399	212	211	423	+ 0,5	+12,2	+ 6

[1]) Въ „П. Книжкѣ на 1896 г.“ свѣдѣній объ этомъ вѣдомствѣ не имѣется.

[2]) Цыфра 11 сомнительна, такъ какъ въ окладныхъ листахъ казначейства, которыми я пользовался для контроля цыфръ „П. Книжки“, ревизскихъ душъ показано 7, а изъ нихъ рабочихъ 4, тогда какъ по всѣмъ остальнымъ родамъ цыфры окладныхъ листовъ и „П. Кн.“ совпадаютъ. Если принять за болѣе вѣроятное число мужчинъ именно 7, то получится не убыль, а прибыль мужчинъ въ 14,3°/₀, а всего населенія въ 45,5°/₀.

[3]) Въ исповѣдной росписи 1895 г. имѣются свѣдѣнія только по двумъ бродячимъ родамъ, а въ „П. Кн.“ приведена лишь общая численность всей этой группы въ 1893 г. безъ подраздѣленія на роды: 723 м., 743 ж., а всего—1466. Принимая послѣднія цыфры, мы найдемъ общую убыль въ 30,1°/₀ для мужчинъ, 11,9°/₀ для женщинъ и 21,9 для всѣхъ.

Роды.	Населеніе 1858 г.			Населеніе 1895 г.			Приростъ въ %%		
	м.	ж.	всего.	м.	ж.	всего.	м.	ж.	всего.
16. 3-й Эжанскій .	67	70	137	38	36	74	—43,3	—48,6	—45,9
17. Кюрбюгдинскій .	23	27	50	19	15	34	—17,4	—44,4	—32
18. Кюнскій . . .	56	57	113	56	70	126	0	+22,8	+11,5
Итого .	655	633	1288	620	634	1254	— 5,3	+ 0,1	— 2,7
				Населеніе 1893 г.[1]).					
19. Ламунхинскій (Намскаго улуса) .	218	231	449	222	220	442	+ 1,8	— 3,9	— 1,6
20. Мемяльскій . .	274	258	532						
21. Годниконскій .	19	41	60	339	320	659			
22. 3-й Годниконскій	74	42	116						
Итого .	367	342	708	—	—	—	— 7,6	— 6,1	— 6,9
Олекминскій округъ.									
23. Жеюганскій . .	178	161	339	174	138	312	— 2,2	—14,3	— 7,9
24. Хахагирскій . .	152	123	275	112	103	215	—26,3	—16,2	—21,8
25 Киндигирскій .	167	94	261	158	113	271	—31,7	+20,2	+ 3,8
Итого .	497	378	875	444	354	798	—10,7	— 6,3	— 8,8
Вилюйскій округъ.									
26 Брагатскій . . .	339	184	523						
27. Бетельскій . .	116	86	202						
28. Бетюльскій . .	277	228	505						
29. Жакутскій . .	381	329	710						
30. Кельтятскій . .	129	108	237	2154	1660	3814			
31. Хатыгинскій . .	253	217	470						
32. Шелогонскій . .	226	156	382						
33. Тогуйскій . . .	106	85	191						
34. Угулятскій . .	254	232	486						
Итого .	2081	1625	3706	—	—	—	+ 3,5	+ 2,2	+ 2,9

[1]) Внѣ предѣловъ Якутскаго округа приходскія данныя, относящіяся къ тунгусамъ, слишкомъ не надежны, о чемъ подробнѣе говорится въ слѣдующей главѣ; въ виду этого, далѣе я вынужденъ обратиться къ „П. Кн.“ съ ея неполными и тоже довольно сомнительными цыфрами.

Роды.	Населеніе 1858 г.			Населеніе 1895 г.			Приростъ въ °/₀°/₀		
	м.	ж.	всего.	м.	ж.	всего.	м.	ж	всего.
Верхоянскій округъ [1]).									
35. Купскій	126	106	232						
36. Эжанскій . . .	65	71	136						
Итого .	191	177	368						
Ламутскіе рода.									
37. Тюгосирскій . .	113	105	218						
38. Желтанскій . .	64	63	127						
39. 1-й Кунгурскій .	183	161	344						
40. Каменно-Ламутск.	56	41	97						
Итого .	416	370	786						
Колымскій округъ.									
41. Тунгусы Бетельскаго наслега .	131	133	264						
Ламуты.									
42. 1-й Каменскій .	91	81	172						
43. 2-й Каменскій .	75	66	141						
44. 1-й Дельянскій	120	107	227						
45. 1-го Дельянскаго отдѣленіе . . .	26	29	55						
46. 2-й Дельянскій	54	44	98						
47. 2-го Дельянскаго отдѣленіе . . .	37	28	65						
48. Улганскій . . .	136	111	247						
Итого .	539	466	1005						

Несмотря на всю неполноту приведенныхъ свѣдѣній, изъ нихъ достаточно ясно выступаетъ общій фактъ убыли тунгузскаго населенія со времени послѣдней ревизіи. Въ частности, однако-же, въ Кангаласскомъ и въ Майскомъ вѣдомствахъ нѣсколько родовъ не

[1]) О современномъ населеніи сѣверныхъ округовъ ни въ „П. Кн.“, ни въ исповѣдныхъ росписяхъ нѣтъ почти никакихъ свѣдѣній, хотя-бы приблизительно вѣрныхъ.

только не уменьшились, но даже *возрасли* въ своей численности, и это главнымъ образомъ *тѣ роды, которые ведутъ осѣдлый образъ жизни и занимаются скотоводствомъ и земледѣліемъ.*

Въ Майскомъ вѣдомствѣ роды „кочевые“, т. е. фактически осѣдлые, дали убыль въ 2,7%, а роды бродячіе—въ 21,9%. Вилюйскій округъ на первый взглядъ составляетъ исключеніе, т. к. тамъ въ среднемъ число тунгусовъ увеличилось, хотя и весьма незначительно,—всего на 2,9%; но если-бы въ „Памятной Книжкѣ на 1893 г.“ была указана не одна огульная цыфра вилюйскихъ тунгусовъ, а цыфры каждаго рода въ отдѣльности, то можно было-бы прослѣдить, не отражаются-ли и тамъ на приростѣ населенія условія быта такимъ-же образомъ, какъ и въ Якутскомъ округѣ[1]).

Предположеніе, что причиной вымиранія, пожалуй, являются не условія быта, а характеръ самой мѣстности, опровергается въ моихъ глазахъ не только общими соображеніями о свойствахъ мѣстнаго климата, но также ревизскими и метрическими данными о приростѣ якутскаго населенія тѣхъ наслеговъ, которые ближе всего примыкаютъ къ территоріи тунгусовъ Кангаласскаго вѣдомства. Данныя эти таковы:

См. таблицу на стр. 39-й.

Не допуская возможности объяснять фактъ вымиранія тунгусовъ вліяніемъ особенностей мѣстной природы и мѣстнаго климата, мы должны искать причины отмѣченнаго факта либо въ условіяхъ хозяйственнаго быта,—какъ это дѣлаю я,—либо въ загадочномъ явленіи „вырожденія расы“. Но мнѣ кажется, что убыль населенія, если-бы она была обусловлена одною общею причиною—вырожденіемъ самаго племени, наблюдалась-бы приблизительно въ одинако-

[1]) Еще *Маак*ъ отмѣтилъ въ своемъ трудѣ *„Вилюйскій округъ Якутской области“*, что „выгодный сбытъ оленей на пріиски имѣлъ такъ-же нѣкоторое вліяніе на бытовую жизнь тунгусовъ; находя для себя выгодною эту продажу, многіе тунгусы совсѣмъ остались безъ оленей, или оставили себѣ незначительное число ихъ, необходимое для охоты, и исключительно предались этому промыслу, или *переселились къ якутамъ и занялись скотоводствомъ*“. Названное сочиненіе, ч. III. стр. 154.

Наслеги.	Населеніе 1859 г.			Населеніе 1893 г.			Приростъ въ °/₀°/₀		
	м.	ж.	всего.	м.	ж.	всего.	м	ж.	всего.
Западно-Кангаласскій улусъ:									
1-й Малтанскій .	1106	930	2036	1199	1107	2306	+ 8,4	+19	+13,2
2-й Малтанскій .	125	168	293	130	115	245	+ 4	−31,5	−16,4
Восточно-Кангаласскій улусъ:									
1-й Нахрскій . .	1028	1044	2072	1347	1404	2751	+31	+34,5	+32,7
2-й Нахрскій [1]) .	696	615	1311	*850*	*783*	*1633*	+ 22,1	+27,3	+24,6
Батурусскій улусъ:									
1-й Бологурскій .	720	726	1446	738	672	1410	+ 2,5	− 7,4	− 2,5
3-й Бологурскій .	551	616	1167	508	458	966	− 7,8	−25,6	−17,2
Итого .	4226	4099	8325	4772	4539	9311	+12,9	+10,7	+11,8

вой мѣрѣ во всѣхъ развѣтвленіяхъ вымирающаго народца. Въ настоящемъ-же случаѣ мы видимъ нѣчто иное: убыль или прибыль находится въ явственной зависимости отъ условій быта, а потому фактъ *вымиранія* самъ по себѣ еще вовсе не служитъ въ моихъ глазахъ доказательствомъ *вырожденія*. Эти понятія не только въ разговорномъ, но даже и въ литературномъ языкѣ часто смѣшиваются, но ихъ надо строго различать. О „вырожденіи“ я сталъ-бы говорить только въ томъ случаѣ, если-бы, наряду съ вымираніемъ, въ изучаемомъ племени наблюдалась усиленная чахлость и болѣзненность живущихъ особей, вялость и приниженность ихъ духа и, наконецъ,—ослабленная плодовитость. Въ слѣдующихъ главахъ я надѣюсь показать, что такихъ крѣпкихъ и бодрыхъ

[1]) Нѣкоторыя цыфры „П. Кн.“ кажутся мнѣ въ высшей степени сомнительными, т. к. они слишкомъ разнятся отъ данныхъ исповѣдныхъ росписей, которыя, при всей ихъ неточности, все-таки надежнѣе писарскихъ вѣдомостей. Подчеркнутыя мною цыфры населенія 2-го Нахра взяты изъ исповѣдной росписи 1895 года; въ „П. Кн.“ имъ соотвѣтствуютъ явно невѣрныя: 572 м. и 650 ж.

людей, какъ тунгусы, смѣшно было-бы называть „вырождающимися“, что вымираніе ихъ—дѣло предотвратимое, не имѣющее въ себѣ ничего рокового или загадочнаго.

II.

Церковныя данныя*).

Данныя метрическихъ книгъ и исповѣдныхъ росписей.

Уже въ предыдущей главѣ, за отсутствіемъ другихъ источниковъ для заключеній о численности наличнаго населенія, мнѣ пришлось воспользоваться исповѣдными росписями приходскихъ священниковъ. Въ настоящей главѣ я намѣренъ свести и разработать всѣ данныя о тунгусахъ, какія можно извлечь изъ приходскихъ книгъ Походной Благовѣщенской и Усть-Майской Матѳіевской церквей. Въ другихъ приходахъ священники недостаточно опредѣленно выдѣляютъ тунгусовъ отъ прочихъ прихожанъ; въ росписяхъ сѣверныхъ церквей (Верхоянскихъ и Колымскихъ) тунгусы различныхъ родовъ то появляются, то исчезаютъ небольшими, разрозненными группами, что находится въ зависимости отъ непомѣрной величины приходовъ, отъ громаднаго района скитаній каждаго рода и отъ случайности встрѣчи той или другой группы со священникомъ. Благодаря этимъ причинамъ росписи сѣверныхъ округовъ не пригодны для какой-бы то ни было разработки.

Прихожанами Походной Благовѣщенской церкви состоятъ исключительно тунгусы Кангаласскаго вѣдомства; прихожанами Усть-Майской церкви—тунгусы Майскаго вѣдомства и крохотная горсточка русскихъ крестьянъ, отчетливо выдѣляемыхъ въ росписи отъ остальнаго (инородческаго) населенія. Священники обѣихъ этихъ

*) Значительная часть матеріаловъ, входящихъ въ составъ этой главы, доставлена мнѣ В. С. Ефремовымъ.

церквей стараются вести регистрацію прихожанъ по возможности тщательно и потому ихнія росписи даютъ свѣдѣнія менѣе далекія отъ дѣйствительности, чѣмъ всякія иныя.

Въ силу этого я рѣшился использовать метрическія книги названныхъ церквей, несмотря на то, что и въ нихъ очень многое завѣдомо невѣрно. Прежде всего надо имѣть въ виду, что нѣкоторые тунгусы уходятъ въ горы лѣтъ на пять—на шесть и болѣе; все время, пока они не вернутся въ обитаемыя мѣста, составъ ихъ семей переписывается священникомъ (или псаломщикомъ) изъ росписи предыдущаго года безъ всякихъ измѣненій; такимъ образомъ приблизительно шестая часть данныхъ, заключающихся въ исповѣдныхъ росписяхъ, относится не къ тому году, когда составлялась роспись, а ко времени болѣе давнему. Въ продолженіи двухъ—трехъ лѣтъ не выходятъ на исповѣдь очень многіе тунгусы и по отношенію къ ихъ семьямъ росписи отстаютъ отъ жизни на такой-же срокъ. Насколько я могъ замѣтить, въ продолженіи года священникъ можетъ провѣрить и пополнить записи развѣ о половинѣ своихъ бродячихъ прихожанъ,—быть можетъ о большей половинѣ, быть можетъ о нѣсколько меньшей,—что нибудь въ этомъ родѣ. Всѣ дѣти, рождавшіяся въ какой-либо семьѣ въ періодъ отдучки и умиравшія неокрещенными,—а такихъ бываетъ не мало,—ускользаютъ отъ церковной регистраціи, а потому число рожденій каждаго даннаго года по метрикамъ опредѣляется весьма не точно; крещеніе совершается у тунгусовъ по большей части черезъ годъ, черезъ два послѣ рожденія, не рѣдко черезъ три—четыре года, а иногда и того позже[1]). Вслѣдствіе этого графа „родилось“ показываетъ въ метрикахъ число дѣтей, родившихся въ предыдущіе годы и дожившихъ до крещенія, совершеннаго надъ ними въ отчетномъ году. Я думаю, что, взявъ цыфры за большой промежутокъ лѣтъ, мы значительно ослабимъ ихъ неточность, такъ-какъ

[1]) О. Іоаннъ Поповъ разсказывалъ мнѣ, что въ продолженіи его осьмилѣтняго священствованія въ Походной церкви ему однажды пришлось окрестить *двѣнадцатилѣтняго* ребенка и одинъ разъ *осьми-мѣсяцнаго*.

итогъ будетъ показывать дѣйствительное число дѣтей, родившихся и окрещенныхъ въ теченіе даннаго періода, тогда-какъ число не записанныхъ окажется относительно меньшимъ съ увеличеніемъ общей цыфры. Въ общемъ выводѣ,—около половины тѣхъ данныхъ, какія заключаются въ исповѣдныхъ росписяхъ, можно признать приблизительно вѣрными, а другую половину—болѣе или менѣе устарѣлой. Метрическія свѣдѣнія о бракахъ мало пригодны, т. к. тунгусы вѣнчаются, когда имъ позволятъ средства, а фактическій бракъ заключается у нихъ за долго до церковнаго. Наконецъ, въ составѣ населенія по росписямъ число дѣтей, въ силу указанныхъ причинъ, по всей вѣроятности меньше дѣйствительнаго, а число стариковъ и взрослыхъ мужчинъ—нѣсколько больше дѣйствительнаго.

Послѣ такихъ разъясненій читатель не долженъ ошибаться въ значеніи опредѣляемыхъ ниже чиселъ и отношеній: значеніе это лишь приблизительное и я обращаюсь къ метрикамъ такъ сказать по неволѣ, предполагая, что лучше имѣть хоть какое-нибудь представленіе о дѣйствительности, чѣмъ не имѣть рѣшительно никакого.

Пользуясь данными исповѣдныхъ росписей 1895 г., посмотримъ прежде всего на то, какъ распредѣляется населеніе обоихъ вѣдомствъ по полу и по возрасту.

См. таблицу на стр. 43 и 44-й.

Въ Кангаласскомъ вѣдомствѣ оказывается на 100 мужчинъ 85,82 женщины, въ Майскомъ—100, по обоимъ вѣдомствамъ вмѣстѣ—91,4.

Сравнивая повозрастный составъ мужского населенія обоихъ вѣдомствъ съ составомъ олекминскихъ тунгусовъ по даннымъ ревизіи 1796 года, мы найдемъ, что численность дѣтей и стариковъ въ настоящее время оказывается ниже, чѣмъ она была прежде. Въ виду сомнительности данныхъ, я не рѣшусь утверждать, что это и на самомъ дѣлѣ такъ, но цыфры даютъ такія показанія:

См. на стр. 45-й.

Населеніе 1895 года.

Возрастъ.	Кангаласское вѣдомство.																Всего.							
	1-й Бѣлетскій родъ.		2-й Бѣлетскій родъ.		3-й Бѣлетскій родъ.		Булгирск. родъ.		Нюкагирскій родъ.		Нюрбовганскій родъ.		1-й Шелогонскій родъ.		2-й Шелогонскій родъ.		Табійскій родъ [1].		Мужчинъ.	Женщинъ.	Обоего пола.	% мужчинъ ко всему числу мужчинъ.	% той-же группы къ населенію.	% женщинъ ко всему числу женщинъ.	% той-же группы къ населенію.	% обѣихъ группъ къ населенію.
	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.								
До 5 лѣтъ.	9	18	14	22	1	1	4	4	2	1	17	13	1	3	22	13	9	5	79	80	159	12,3	6	14,4	6,7	13,3
5 — 10	21	9	7	13	2	1	3	1	—	1	12	9	5	4	11	11	8	11	69	60	129	10,7	5,7	10,4	4,8	10,5
10 — 15	13	11	26	10	3	1	3	5	1	—	10	13	4	3	14	22	15	10	89	75	164	13,8	7,4	13,5	6,2	13,6
15 — 20	8	11	18	13	1	4	3	1	—	—	10	4	7	2	6	7	8	4	61	46	107	9,2	5	8,3	3,9	8,8
20 — 25	7	6	21	11	1	—	4	4	—	2	7	5	5	2	11	13	4	8	60	51	111	9,2	5	9	4,2	9,1
25 — 30	9	7	17	5	1	1	3	1	1	2	3	5	4	2	10	6	4	3	52	30	82	8	4,3	5,5	2,6	7
30 — 35	4	5	10	10	1	1	3	3	2	—	4	7	3	2	11	10	4	5	42	43	85	6,4	3,5	7,7	3,6	7
35 — 40	6	7	6	9	1	2	5	2	1	—	4	7	4	2	4	10	3	7	34	46	80	5,2	3	8	3,7	6,5
40 — 45	7	2	5	2	1	—	2	3	—	—	7	5	2	2	10	6	5	5	39	25	64	6	3,2	4,6	2,2	5,4
45 — 50	1	6	5	9	2	1	1	3	—	—	4	1	—	2	4	6	4	5	21	33	54	3,2	2	5,9	2,6	4,4
50 — 55	6	3	6	4	—	1	2	—	—	1	4	4	1	4	5	2	5	2	29	21	50	4,2	2,4	3,8	1,8	4,1
55 — 60	3	—	8	5	1	—	—	2	—	—	1	3	3	—	4	1	3	2	23	13	36	3,6	2	2,3	1,1	3
60 — 65	2	2	2	1	—	—	—	—	1	—	2	1	1	—	5	4	—	1	13	9	22	2	1,1	1,6	0,7	1,8
65 — 70	1	—	2	1	1	1	—	1	—	1	3	1	1	—	6	—	4	1	18	6	24	2,8	1,5	1	0,5	2
70 — 75	—	—	3	2	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1	2	2	1	7	5	12	1,1	0,7	0,9	0,4	1
75 — 80	—	1	2	—	—	—	1	—	—	—	2	—	1	—	—	4	—	—	5	6	11	0,8	0,4	1	0,5	1
80 — 85	2	—	1	2	—	—	—	—	—	—	1	1	1	—	1	—	—	—	6	3	9	0,9	0,5	0,5	0,2	0,7
85 — 90	—	—	2	2	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1	2	4	6	0,3	0,16	0,7	0,3	0,5
90 — 95	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	0	0	0,18	0,08	0,08
95 — 100	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	0	0	0	0	0
	99	89	155	121	16	13	35	29	8	8	91	80	42	29	125	117	78	71	649	557	1206	99,70%	58,86%	99,28	46,08	99,78

[1]) Табійскій родъ составляетъ часть Булгирскаго.

Возрастъ.	Мужское в ѣ д о м с т в о.																Всего.									
	1-й Эжанский родъ.		2-й Эжанский родъ.		3-й Эжанский родъ.		Кюнсій родъ.		Кюрбюгдинскій коченой родъ.		Бытальск. кочевой родъ.		Кюрбюгдинскій бродячій р.		Бытальскій бродячій родъ.		Мужчинъ.	Женщинъ.	Обоего пола.	% мужчинъ ко всему числу мужчинъ.	% той-же группы къ населенію.	% женщинъ ко всему числу женщинъ.	% той-же группы къ населенію.	% обѣихъ группъ къ населенію.	
	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.										
До 5 лѣтъ.	18	21	14	11	2	1	5	10	2	—	7	3	3	5	23	27	74	78	152	7,9	3,9	8,3	4.1	8,1	
5 — 10	23	32	26	23	1	—	5	7	—	2	10	10	4	9	39	17	108	100	208	11,7	5,8	10,7	5.3	11,2	
10 —15	31	25	16	29	3	8	6	11	—	1	7	14	7	7	38	34	108	129	237	11,5	5,7	12,7	6,9	12,6	
15— 20	26	25	18	20	3	3	5	9	—	—	12	8	5	8	21	26	90	99	189	9,6	4,7	10,7	5.3	10,1	
20— 25	16	13	16	12	8	2	4	5	1	—	5	5	6	12	19	21	75	70	145	8	4	7,1	3,-	7,7	
25 — 30	20	16	17	16	2	3	4	5	1	2	8	4	7	9	29	22	88	77	165	9,3	4,7	8,2	4.1	8,8	
30— 35	14	15	14	15	3	4	2	2	3	3	5	3	5	7	22	21	68	70	138	7,2	3,5	7,4	3,7	7,3	
35— 40	19	19	18	17	3	2	2	3	4	3	5	9	4	5	23	10	78	68	146	8,3	4,1	7,3	3,6	7,8	
40— 45	11	10	12	13	2	1	5	3	2	—	8	5	4	4	15	5	59	41	100	6,4	3,2	4 3	2,2	5,4	
45 — 50	10	6	17	17	2	2	6	4	2	3	3	4	3	2	4	8	47	46	93	5,1	2,5	4,9	2,4	5	
50— 55	4	5	14	11	2	1	2	2	1	—	3	2	1	2	9	7	36	30	66	3,8	2	3,2	1,6	3,5	
55— 60	4	12	8	5	2	3	2	—	—	—	1	—	3	1	6	6	26	27	53	2,7	1,4	2,8	1,4	2,8	
60— 65	4	10	4	7	1	2	3	4	—	1	2	3	2	—	3	6	19	33	52	2	1	3,5	1,8	2,8	
65 — 70	7	4	10	8	1	1	—	1	1	—	1	4	—	—	4	6	24	24	48	2,5	1,3	2,5	1,2	2,5	
70— 75	3	8	3	4	3	3	3	1	—	—	2	—	1	3	5	2	20	21	41	2,1	1	2.2	1,1	2,2	
75— 80	3	3	3	1	—	—	—	3	1	—	1	1	—	1	—	2	8	11	19	0.8	0,4	1,2	0,6	1	
80— 85	1	—	—	1	—	—	—	—	1	—	—	1	—	1	—	2	2	5	7	0,2	0,1	0,5	0,2	0,3	
85— 90.	1	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1	3	4	0,1	0,05	0,3	0,1	0,2	
90— 95	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	1	2	1	3	0,2	0,1	0,1	0,05	0,16	
95—100	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
	215	225	210	211	38	36	54	70	19	15	80	77	55	76	262	223	933	933	1866	99,4	49,45	98,2	49,35	99,46	

Олекминцы по рев. 1796 г.	Возрастъ до 10 л. 32,2% муж. насел.	10—20 л. 20,7%	20—60 л. 37,6%	60 л. и выше. 9,3%	Всего 99,8
Кангаласцы	23	23	45,8	7,9	99,7
Майцы . . 1895 г.	19,6	21,1	50,8	7,9	99,4

Численный составъ семей у тунгусовъ приблизительно таковъ-же, какъ у якутовъ, и нѣсколько ниже, чѣмъ у русскихъ якутянъ. Въ Кангаласскомъ вѣдомствѣ роспись указываетъ 275 семей, откуда средній составъ семьи опредѣлится въ 4,38 души, а въ Майскомъ вѣдомствѣ—414 семей, что даетъ цыфру средняго состава—4,52 [1]). Распредѣленіе семей по численному составу таково:

См. таблицу на стр 46-й.

У якутовъ Олекминскаго округа по имѣющимся у меня даннымъ [2]) средняя семья опредѣляется въ 4,15. Въ общемъ числѣ домохозяевъ Олекминской инородческой волости одиночки составляютъ 7,5%, т. е. совершенно такой-же процентъ, какъ и найденный нами у тунгусовъ; семьи изъ двухъ лицъ составляютъ 14,2%; семьи изъ 3—5 лицъ—55,4% и большія семьи (свыше пяти человѣкъ)—22,9%. Такимъ образомъ по численному составу семей олекминскіе якуты мало отличаются отъ тунгусовъ Якутскаго округа.

---

[1]) Въ росписи Майскаго вѣдомства семей указано 414, но лично я, производя выборки, насчиталъ только 371 семью; разница произошла, какъ можно догадываться, потому, что я принималъ за одну семью всѣхъ родственниковъ, занесенныхъ въ роспись подъ одною рубрикой, тогда—какъ духовенство, не отмѣчая этого въ росписи, при окончательномъ подсчетѣ выдѣляло въ особую единицу тѣхъ членовъ данной семейной группы, которые составляютъ обособленное хозяйство. Благодаря этому цыфра, указанная духовенствомъ, представляется мнѣ болѣе вѣрной, чѣмъ моя цыфра—371; но такъ какъ, слѣдуя постраничному тексту росписи, выдѣлить этихъ семей нельзя, то я, при вычисленіи процентныхъ отношеній, ограничиваюсь кангаласскими родами, по отношенію къ которымъ моя цыфра—275—совпадаетъ съ цыфрой духовенства.

[2]) Въ 1893 г., перечислившись изъ кочевыхъ въ осѣдлые, олекминскіе якуты нашли нужнымъ ввести у себя новый, болѣе уравнительный порядокъ землепользованія и отбыванія повинностей. Съ этой цѣлью инородческія общества, черезъ посредство наслежныхъ писарей, довѣренныхъ отъ обществъ и особо приглашенныхъ лицъ, произвели у себя подворную перепись; бланки этой переписи хранились въ родовыхъ управленіяхъ и служили общественникамъ для справокъ. Мы съ Г. Л. Кондаковымъ воспользовались инородческой переписью и разработали ея данныя въ докладѣ г. Якутскому губернатору.

	Роды.	Одиночекъ.	Семей: 2-хъ человѣкъ.	3-хъ человѣкъ.	4-хъ человѣкъ.	5-ти человѣкъ.	6-ти человѣкъ.	7-ми человѣкъ.	8-ми человѣкъ.	9-ти человѣкъ.	10-ти человѣкъ.	11-ти человѣкъ.	12-ти человѣкъ.	14-ти человѣкъ.	15-ти человѣкъ.	20-ти человѣкъ.
Кангаласское вѣдомство.	1-й Беллетскій	2	7	5	7	5	3	3	2	2	2	1	—	—	—	—
	2-й Беллетскій	3	17	11	10	5	7	5	3	1	2	1	—	—	—	—
	3-й Беллетскій	—	1	2	2	—	1	1	—	—		—	—	—	—	—
	Буягирскій: (16 семей)	2	2	3	6	—	—	—	2	1	—	—	—	—	—	—
	(Табійскій родъ, часть Буягирскаго, 38 семей)	5	9	5	6	2	3	6	1	1	—	—	—	—	—	—
	Нюкагирскій	—	—	2	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	Нюрьбуганскій	1	2	5	5	5	4	7	3	1	—	—	—	—	—	—
	1-й Шелогонскій	2	3	2	1	2	1	4	—	1	—	—	—	—	—	—
	2-й Шелогонскій	5	7	10	11	7	11	2	2	2	—	—	—	—	—	—
	Итого	20	48	45	49	26	31	28	13	9	4	2	—	—	—	—
	Въ %%%	7,3	17,4	16,4	17,7	9,4	11,3	10,2	4,7	3,2	1,4	0,7	—	—	—	—
Майское вѣдомство.	1-й Эжанскій	—	11	13	13	10	14	12	4	4	1	1	—	—	—	1
	2-й Эжанскій	1	16	17	17	10	10	8	4	2	3	1	1	—	—	—
	3-й Эжанскій	2	7	5	2	2	3	1	—	—	—	—	—	—	—	—
	Кюпскій	4	1	1	4	7	4	2	2	—	1	—	—	—	—	—
	Кюрбюгдинскій кочевой	1	2	1	1	2	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	Бытальскій кочевой	—	4	4	4	8	3	1	2	2	—	—	—	—	—	—
	Кюрбюгдинскій бродячій	—	—	4	9	4	2	2	2	—	1	—	—	—	—	—
	Бытальскій бродячій	3	6	13	15	10	15	4	11	6	2	—	1	1	1	—
	Итого	11	47	58	65	53	53	30	25	14	8	2	2	1	1	1

Большое сходство представляютъ обѣ эти группы также и по относительной численности половъ; у олекминскихъ якутовъ на 100 мужчинъ приходится 92 женщины.

Преобладаніе мужчинъ въ инородческомъ населеніи Восточной Сибири представляетъ явленіе настолько общее, что я считаю нелишнимъ привести здѣсь сравнительныя данныя, заимствуемыя мной частью изъ источниковъ указанныхъ выше и частью изъ изслѣдованій статистиковъ Министерства Государственныхъ Имуществъ[1]).

	На 100 мужчинъ
Якутская область.	
Олекминскій округъ. Якуты	92 женщины
Якутскій округъ. Тунгусы	91,4 „
Иркутская губернія.	
Верхоленскій округъ. Тунгусы	94 „
„ „ „ Буряты	89 „
Иркутскій округъ. Буряты: осѣдлые	98 „
Иркутскій округъ. Буряты: кочевые	92 „
Балаганскій округъ. Буряты: осѣдлые	99 „
Балаганскій округъ. Буряты: кочевые	90 „
Нижнеудинскій округъ. Буряты	92 „
Енисейская губернія.	
Канскій округъ	92,3 „
Ачинскій округъ	96,8 „
Минусинскій округъ	97,5 „

По тѣмъ-же источникамъ можно сравнить различныя группы инородцевъ и по возрастному составу населенія, но такое сравненіе намъ дастъ лишь приблизительное понятіе объ относительной численности въ различныхъ группахъ дѣтей и юношей, такъ-какъ и статистики Министерства Государственныхъ Имуществъ и мы съ Г. Л. Кондаковымъ въ своихъ работахъ по изслѣдованію якутскихъ крестьянъ и осѣдлыхъ инородцевъ распредѣляли населеніе

[1]) „*Матеріалы по изслѣдованію землепользованія*“ etc. по Иркутской и по Енисейской губ. т. II, выпускъ 6-й, стр. 12—15; т. III, выпускъ 2-й, стр. 101—118 т. IV, выпускъ 2-й, стр. 62—78.

по рубрикамъ, принятымъ при изслѣдованіяхъ хозяйственнаго быта, т. е. опредѣляли группы въ возрастѣ: до 7-ми лѣтъ, отъ 7-ми до 14-ти и т. д. Сводя данныя этого рода, мы получимъ такіе ряды:

	Мужчины.					Женщины.				
	До 7-ми лѣтъ.	7—14 л.	14—18 л.	18—60 л.	60 лѣтъ и болѣе.	До 7-ми лѣтъ.	7—12 л.	12—16 л.	16—55 л.	55 лѣтъ и болѣе.
Якуты Олекминскаго округа	18,3	13,7	6,0	53,2	8,8	18	10,9	8,0	50,6	12,5
Буряты Иркутскаго округа	15,4	13,6	7,6	56,4	7,0	17,1	11,3	8,4	53,5	9,7
Буряты Балаганскаго округа	17,1	14,4	7,8	54,8	5,9	19,0	11,7	8,4	51,5	9,4
Буряты Верхоленск. округа	14,1	12,6	7,8	56,7	8,8	15,6	10,0	8,4	54,5	11,5
						До 7-ми лѣтъ.	7—14 л.	14—18 л.	18—60 л.	60 лѣтъ и болѣе.
Инородцы Ачинскаго округа	19,9	16,1	8,5	48,5	7,0	20,7	12,9	8,3	50,0	7,9
Инородцы Минусинск. округа	22,4	18,5	8,7	45,3	5,1	22,0	13,4	9,9	47,3	7,4
	До 15-ти л.	15—20 л.	20—60 л.	60 лѣтъ и болѣе.		До 15-ти л.	15—20 л.	20—60 л.	60 лѣтъ и болѣе.	
Тунгусы Кангаласск. вѣдом.	36,8	9,2	45,8	7,9		38,3	8,3	46,8	5,9	
Тунгусы Майскаго вѣдомства	31,1	9,6	50,9	7,9		31,7	10,7	45,5	10,3	

Если мы предположимъ, что исповѣдныя росписи, при всей ихъ неточности, даютъ, хотя-бы отдаленное, но все-же не существенно ложное представленіе о дѣйствительномъ составѣ прихожанъ, то надо будетъ допустить, что тунгусы мало отличаются отъ бурятъ и якутовъ по относительной численности взрослыхъ, дѣтей и стариковъ. Но якуты и буряты, какъ извѣстно, въ общемъ *не* выми-

раютъ[1]); слѣдовательно наблюдаемыя у нихъ численныя отношенія представляютъ собою для инородцевъ Восточной Сибири нѣчто нормальное;—а въ такомъ случаѣ сходность соотвѣтственныхъ чиселъ, выведенныхъ мною для тунгусовъ на основаніи церковныхъ росписей, не даетъ никакого повода предполагать, что передъ нами населеніе вырождающееся.

Метрическія записи крещеній и отпѣваній точно также свидѣтельствуютъ о перевѣсѣ рожденій надъ смертями, но перевѣсъ этотъ до такой степени великъ, что я ограничусь одною сводкою цыфръ и не стану вдаваться въ ихъ разработку.

См. таблицу на стр. 50-й.

Допустимъ, что тунгусы долго замалчиваютъ кончину своихъ родственниковъ; сверхъ того, допустимъ и то, что въ общей цыфрѣ родившихся и умершихъ, помимо прихожанъ—тунгусовъ, включено извѣстное число якутовъ, иногда совершающихъ таинства у священника Походной церкви. Перевѣсъ рожденій надъ смертями, даже и при такихъ оговоркахъ, представляется настолько высокимъ, что въ общемъ тунгузское населеніе,—если хоть сколько нибудь вѣрить метрическимъ даннымъ,—должно не уменьшаться а возрастать. Между тѣмъ, сличая исповѣдныя росписи нашего времени съ ревизскими сказками 1859 г., мы уже убѣдились въ томъ, что численность тунгусовъ уменьшается. Чѣмъ-же объяснить такое противорѣчіе?

---

[1]) Изслѣдованія 1887—88 гг. показали такой приростъ въ различныхъ инородческихъ вѣдомствахъ Иркутской губерніи:

Иркутскій округъ: . . . . . + 7,7 м., + 8 ж., + 7,8 всего населенія
Балаганскій округъ: . . . . . + 8,2 м., + 3,3 ж., + 5,8 всего населенія
Нижнеудинскій округъ: . . . . + 18,8 м., + 6,1 ж., + 12,4 всего населенія
Тунгусы Голоусинскаго рода: . . — 3,2 м., — 36,8 ж., — 20,6 всего населенія
Тунгусы М. Вѣльскаго рода: . . + 14,8 м., + 28,6 ж., + 20,5 всего населенія

Въ общемъ инородцы трехъ окр.: + 7,9 м., + 4,7 ж., + 6,7 всего населенія. („Матеріалы по изслѣд. земленользованіи“ etc. т. II, в. 2-й, стр. 97). По Верхоленскому округу изслѣдованія 1889 г. обнаружили для четырехъ вѣдомствъ приростъ и для двухъ убыль, а въ общемъ:—1,8 м.,—3,2 ж.,—2,2 всего населенія („Мат. по изслѣд. земленп.“ etc. т. II. в. 6-й, стр. 10).

Годы.	Приходъ Походной Благовѣщенской церкви.					Приходъ Усть-Майской Матѳіевской церкви.				
	Родилось.		Совершено браковъ.	Умерло.		Родилось.		Совершено браковъ.	Умерло.	
	м.	ж.		мужчинъ.	женщинъ.	м.	ж.		мужчинъ.	женщинъ.
81[1])						32	34	17	19	11
82						55	47	27	19	13
83						51	68	31	64	50
84						45	53	28	26	23
85	63	64	22	75	57	60	54	28	17	18
86	55	61	28	35	20	30	35	14	25	18
87	58	66	26	39	37	26	29	8	24	33
88	70	58	14	45	52	42	49	10	28	18
89	64	55	15	30	29	55	45	16	65	53
90	86	81	22	45	44	43	43	15	29	28
91	?	?	?	?	?	48	47	19	30	22
92	50	69	23	25	29	53	51	26	23	14
93	59	62	33	29	30	55	53	22	31	27
94	52	59	8	31	24	82	70	31	35	24
95	57	69	33	46	70	53	51	30	22	29
	614	644	224	400	392	730	729	322	457	401
	Прирость + 214 м.		+ 252 ж.			Прирость + 273 м.		+ 328 ж.		

Объясненіе, какъ я думаю, кроется въ губительной силѣ стихійныхъ бѣдствій, жертвы которыхъ очень долго ускользаютъ отъ церковной регистраціи. Передъ лицемъ этихъ бѣдствій бродячій звѣроловъ тѣмъ беззащитнѣй, чѣмъ меньше у него остается опоры въ другихъ промыслахъ, помимо охоты. Раньше, при неуловѣ звѣря, тунгусъ кололъ своихъ оленей и кое-какъ выдерживалъ крутые дни; нынче, не добывъ себѣ пищи пулей, онъ долженъ во что-бы

[1]) До 1885 г. Походная церковь имѣла два прихода и въ метрическія книги этой церкви, повидимому, попадало не мало записей, относящихся къ тунгусамъ и якутамъ Вилюйскаго округа.

то ни стало „гнаться“ [1]) за болѣе счастливымъ родовичемъ, бродящимъ гдѣ-нибудь „вблизи“, т. е. верстъ за 200 или 300 отъ того мѣста, гдѣ у нашего бѣдняка вышли его послѣдніе припасы. Догонитъ-ли онъ счастливца? да если и догонитъ, то хватитъ-ли у послѣдняго припасовъ на двѣ семьи?... Въ таежной жизни очень часто бываетъ, что человѣкъ „гонится“ и не догоняетъ, что, догнавъ, онъ вмѣстѣ съ настигнутымъ, вновь голодаетъ, и цѣлыя семьи гибнутъ въ нѣмыхъ лѣсахъ отъ голода и изнуренія совершенно безвѣстно. Стоитъ послушать разсказы мѣстныхъ священниковъ, казаковъ, торговцевъ, якутовъ, забиравшихся въ глухія мѣста, наконецъ, разсказы самихъ тунгусовъ, которые передаютъ объ истинно потрясающихъ случаяхъ заурядъ со всякою другою бывальщиной, равнодушнымъ тономъ, какъ о чемъ-то обычномъ и вполнѣ естественномъ. Всякому, странствовавшему по горамъ и тундрамъ, навѣрно приходилось и самому бывать въ рискованныхъ положеніяхъ, а слышать драматическія повѣствованія о таежныхъ катастрофахъ приходится постоянно. Для европейца, конечно, не можетъ не казаться страннымъ предположеніе, чтобы происшествія, по нашимъ понятіямъ—исключительныя, могли составлять обычное явленіе, не остающееся безъ вліянія на приростѣ или убыли населенія... Но я склоненъ думать, что въ жизни бродячихъ тунгусовъ разнаго рода катастрофы происходятъ очень нерѣдко, а каждая катастрофа подкашиваетъ въ одиночку и цѣлыми группами людей совершенно здоровыхъ и крѣпкихъ [2]). Вотъ, напримѣръ, случай, происходившій очень недавно и описанный въ корреспонденціи изъ г. Вилюйска [3]).

---

[1]) Мѣстное выраженіе; смыслъ его:—нуждаясь въ помощи, настигать кого-нибудь по слѣдамъ.

[2]) *Миддендорфъ* говоритъ вполнѣ увѣренно: „въ случаѣ болѣзни или погибели кормильца, иное семейство безпомощно погибаетъ отъ голода... Находятъ скелеты или замѣчаютъ, что недостаетъ знакомыхъ, всѣ они погибли безслѣдно“. Ibid ч. II, о. VI, стр. 705.

[3]) „Восточное Обозрѣніе“ 1897 г., № 5.

„Промыслы тунгусовъ по самому своему характеру мало способны удовлетворять съ нѣкоторымъ постоянствомъ всѣмъ потребностямъ даже столь нетребовательнаго народа, какъ тунгусы. Періодическія голодовки, и то не въ переносномъ, а въ буквальномъ смыслѣ, очень часто бываютъ ихъ удѣломъ. Случится-ли падежъ оленей, рыбный промыселъ не оправдалъ надеждъ, — и голодъ со всѣми ужасными послѣдствіями готовъ. Если-же одновременно случится и то и другое несчастье, тогда бѣдѣ не поможешь".

„Подобное несчастіе недавно имѣло мѣсто у насъ, хотя размѣровъ его до сихъ поръ не знаемъ. Недавно одинъ якутъ, который ѣздилъ въ Жиганскъ за рыбой, привезъ слѣдующую печальную вѣсть: лѣтомъ 52 человѣка тунгусовъ отправились съ оленями на Лену на рыбный промыселъ, оставивъ стариковъ и дѣтей на одномъ изъ своихъ стойбищъ. На бѣду, рыба, на которую они расчитывали, какъ на главное средство пропитанія, не показывалась, и чтобы только не умереть съ голоду, пришлось рѣзать оленей. Но бѣда никогда одна не приходитъ: появляется зараза на оленей, сибирская-ли язва или другая какая-нибудь, въ точности не знаемъ. Важно то, что тунгусы ѣли павшихъ оленей и, судя по слухамъ, изъ 52 человѣкъ въ живыхъ не осталось ни одного.... Но это еще не все: семейства ихъ, оставленныя съ незначительнымъ количествомъ припасовъ, тоже начали умирать съ голоду послѣ истощенія таковыхъ. О размѣрѣ бѣдствія до сихъ поръ не знаемъ, и, быть можетъ, никогда въ точности не узнаемъ. На первую вѣсть о подобномъ несчастіи окружная администрація озаботилась выслать для голодающихъ нѣкоторое количество припасовъ. Спасетъ-ли кого-нибудь эта помощь, трудно сказать, въ виду того, что неизвѣстно, во время-ли прибудутъ высланные припасы. Это отдѣльный фактъ, слухъ о которомъ дошелъ до насъ, а сколько подобныхъ фактовъ осталось и останется неизвѣстными? Недавно, напримѣръ, разошелся слухъ, что у тунгусовъ, проживающихъ на озерѣ „Джосей", гдѣ-то на

границѣ Туруханскаго края, на разстояніи почти 2,000 верстъ отъ всякаго жилого мѣста, тоже значительное количество оленей пало отъ заразы, но сколько въ этомъ правды, мы провѣрить были не въ состояніи".

Въ случаѣ, указанномъ корреспондентомъ, люди сначала имѣли оленей. А что-же бываетъ, когда оленей и не было или имѣлось два-три?.... Гибель тогда наступаетъ еще скорѣй.... Пройдетъ нѣсколько лѣтъ; священникъ, не встрѣчая своего исповѣдника, спроситъ родовичей: „а гдѣ Егурданъ? что долго не выходитъ (изъ тайги)?", —родовичи отвѣтятъ: „да Егурданъ должно быть померъ; по нашимъ примѣтамъ ужь вѣрно что померъ" и выскажутъ свои соображенія о томъ, когда и какъ онъ *могъ* умереть. Священникъ поставитъ надъ Егурданомъ крестъ (т. е. сдѣлаетъ замѣтку въ исповѣдной росписи), а псаломщикъ, при составленіи годовой вѣдомости объ умершихъ, наугадъ напишетъ въ графѣ о причинахъ смерти—умеръ отъ чахотки....

Какъ ни много происходитъ въ тайгѣ никому невѣдомыхъ драмъ, но все-таки можно думать, что общая убыль населенія вызывается не столько отдѣльными катастрофами, сколько истребительнымъ дѣйствіемъ повальныхъ болѣзней, отъ которыхъ инородцы знаютъ лишь одно средство избавленія—бѣгство какъ можно дальше изъ зараженной мѣстности[1]). Уменьшеніе числа домашнихъ оленей, затрудняя и замедляя передвиженіе, содѣйствуетъ заболѣваемости, а косвенно—и усиленной смертности населенія. Если раньше, владѣя гораздо большими стадами оленей, тунгусы

[1]) Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что въ моментъ полнаго разгара эпидемій инородцы покидаютъ многихъ умирающихъ въ пустыхъ юртахъ и хоронятъ иныхъ изъ скончавшихся безъ всякихъ обрядовъ, не доводя объ этомъ до свѣдѣнія священниковъ. Церковныя данныя о смертности при эпидеміяхъ въ силу этого не могутъ соотвѣтствовать дѣйствительности; и тѣмъ не менѣе по метрикамъ пяти олекминскихъ церквей изъ населенія этого округа, при общей численности—около 10 тыс. человѣкъ, въ трехъ-лѣтіе 1874—76 гг. умерло отъ свирѣпствовавшей въ эти годы оспы 696 чел., т. е. почти 7% всего населенія, а по изысканіямъ г. Ковалика, имѣвшаго въ своихъ рукахъ болѣе надежный матеріалъ, число умершихъ въ этотъ періодъ составляло около 20% всего населенія.

Олекминскаго округа въ продолженіи цѣлаго столѣтія увеличились въ своей численности не болѣе какъ вдвое (см. предыдущую главу), то понятно, что въ наше время, при постоянно ослабѣвающей способности къ сопротивленію естественнымъ бѣдствіямъ, племя должно возростать еще медленнѣй, а съ нѣкотораго момента оно должно пойти на убыль.

Въ силу такихъ соображеній я готовъ думать, что приведенная выше таблица указываетъ на перевѣсъ рожденій надъ числомъ *нормальныхъ* смертей, а фактъ убыли населенія склоненъ объяснять громаднымъ числомъ смертей *не нормальныхъ*, для священниковъ невѣдомыхъ, а потому и въ метрики не попавшихъ.

Если мое предположеніе не вѣрно, то я рѣшительно не понимаю, чѣмъ-же можно объяснить одновременное существованіе такихъ явленій, какъ вымираніе племени съ одной стороны, и прекрасное здоровье живущихъ особей, а наряду съ этимъ и вполнѣ нормальную рождаемость—съ другой?

На эти разсужденія мнѣ, пожалуй, возразятъ, что именно фактъ нормальной рождаемости мною до сихъ поръ вовсе не установленъ, такъ какъ я самъ неоднократно указываю на сомнительность церковныхъ данныхъ, которыя, тѣмъ не менѣе служатъ основаніемъ моихъ выводовъ.

Зная заранѣе, что церковныя книги—источникъ не совсѣмъ-то надежный, я имѣлъ въ виду производить при своихъ экскурсіяхъ самый тщательный опросъ семейныхъ инородцевъ, но такъ какъ это дѣло оказалось далеко не столь простымъ, какъ можно было думать при выработкѣ кабинетной программы, то теперь, обрабатывая собранный матеріалъ, я считаю за лучшее совершенно пренебречь всѣми данными этого рода, какія мнѣ удавалось добыть при помощи менѣе надежныхъ переводчиковъ. Доброкачественнымъ матеріаломъ (а тутъ все дѣло именно въ качествѣ) можно признать только тѣ свѣдѣнія, о которыхъ я упоминалъ въ предисловіи, т. е. листки, доставленные мнѣ о. Василіемъ Мальцевымъ,

и данныя, записанныя мною самимъ при содѣйствіи о. Іоанна Попова. Свѣдѣнія о майскихъ тунгусахъ собирались о. В. Мальцевымъ по составленной мною краткой программѣ въ 1896 г. и, при сводкѣ въ табличную форму, могутъ быть представлены въ такомъ видѣ:[1])

См. таблицу I.

Въ этой таблицѣ передъ нами сгруппированы данныя о 33-хъ супружескихъ парахъ, изъ которыхъ 23 пары завершили или почти завершили свою производительную дѣятельность, такъ-какъ супруги, означенные въ третьей графѣ („родители мужа"), или умерли, или дожили до преклоннаго возраста, а изъ супруговъ первой графы я пока останавливаюсь только на тѣхъ, которые имѣютъ не менѣе 50-ти лѣтъ отъ роду.

Общее число рожденій въ этихъ, — назовемъ такъ: — завершившихся супружествахъ — 192, что даетъ въ среднемъ на одно завершившееся супружество 8.35 рожденій. Цыфра несомнѣнно весьма высокая [2]).

Если мы обратимъ вниманіе на распредѣленіе мужскихъ и женскихъ рожденій, то увидимъ, что въ изслѣдованныхъ семьяхъ мужскихъ рожденій было 103 и женскихъ 89. Если принять эту

[1]) Таблицы этого рода составляются мною по слѣдующей системѣ:

Цифры обозначаютъ возрастъ, въ которомъ находился указываемый членъ семьи въ моментъ опроса.

Знакъ † указываетъ, что означаемое послѣдующей цыфрой лицо въ этомъ возрастѣ умерло.

Знакъ || означаетъ близнецовъ одного пола.

Знакъ = означаетъ близнецовъ различнаго пола.

Цыфра 0 означаетъ мертворожденныхъ.

Промежутокъ между цыфрами показываетъ, что дѣти рождены отъ двухъ браковъ.

Порядокъ, въ которомъ слѣдуютъ цыфры, *по возможности* (т. е. по мѣрѣ точности показаній), слѣдуетъ тому порядку, въ которомъ рождались дѣти. Не трудно видѣть, что этотъ порядокъ выдержанъ далеко не строго.

[2]) Въ общихъ трактатахъ по статистикѣ населенія авторы имѣютъ въ виду крупныя цыфры, охватывающія жителей цѣлыхъ странъ или по меньшей мѣрѣ округовъ. Въ виду этого рекомендуемые авторитетными статистиками пріемы опредѣленія рождаемости и плодовитости непримѣнимы къ моимъ посемейнымъ записямъ. Принявъ за единицу изслѣдованія отдѣльную супружескую пару, я могъ-бы опредѣлить среднюю плодо-

пропорцію за общую норму, то на 100 рождающихся дѣвочекъ у тунгусовъ должно рождаться 115 мальчиковъ, а такое соотношеніе несравненно вѣроятнѣй опредѣленнаго ранѣе по метрическимъ книгамъ: 730 м. и 729 дѣв. [1]).

Мертворожденія: 3 мальчика и 1 дѣвочка,—составляютъ по этимъ даннымъ около 2% всего числа рожденій, т. е. процентъ болѣе низкій, чѣмъ гдѣ-бы то ни было въ Европѣ [2]).

Въ возрастѣ не свыше 5-ти лѣтъ изъ числа 221 родившихся во всѣхъ 33 семьяхъ умерло 14 мальч. и 14 дѣвочекъ, т. е. 12,6%; въ возрастѣ 5—20 лѣтъ умерло 8 мужч. и 10 женщинъ, т. е. 8,1% родившихся. Въ общемъ смертность въ младшихъ возрастахъ, судя по этимъ даннымъ, нельзя признать особенно высокой.

Наивысшая плодовитость брака—13 дѣтей—уступаетъ наивысшей плодовитости русскихъ и якутскихъ браковъ (20 дѣтей и даже болѣе).

Двойни въ изслѣдованныхъ семьяхъ появлялись 4 раза (два случая въ одномъ и томъ-же семействѣ).

витость тунгузскихъ браковъ при наличности данныхъ о періодѣ сожительства каждой пары; все число лѣтъ, проведенныхъ въ бракѣ всѣми изслѣдованными парами, дѣленное на все число рожденій, доставило-бы мнѣ показатель брачной плодовитости: одно рожденіе на такое-то число лѣтъ брачнаго сожительства или такая-то дробь единицы (рожденій) на одинъ годъ сожительства. Къ сожалѣнію, въ табличкѣ, составленной мною для о. Василія Мальцева, отсутствовали вопросы о времени сожительства, о возрастѣ каждаго мужа въ моментъ заключенія брака (реальнаго), и о возрастѣ его жены; точно также отсутствовали и вопросы о томъ, въ какомъ возрастѣ домохозяинъ женился во второй разъ. Такимъ образомъ, опредѣленная въ текстѣ величина 8,35, собственно говоря, характеризуетъ не плодовитость *одного супружества*, а производительность *мужчинъ*, состоявшихъ въ *одномъ* или въ *нѣсколькихъ бракахъ*. По аналогіи съ данными, которыя будутъ приведены ниже, можно догадываться, что въ семьяхъ, изслѣдованныхъ о. В. Мальцевымъ, средняя плодовитость отрожавшейся *женщины* даетъ цыфру 6 или что-нибудь близкое къ этому. По даннымъ, собраннымъ Сэдлеромъ относительно 381-го семейства англійскихъ пэровъ (работа опубликована въ 1830 г.), средняя плодовитость *первыхъ* браковъ даетъ цыфру 4,10 (maximum—4,94), средняя плодовитость *вторичныхъ* браковъ—4,30 (maximum—8,80). *Quetelet. Physique Sociale etc.* pp. 176—177. S. P. 1869.

[1]) Имѣя въ виду установленный фактъ повсемѣстнаго перевѣса въ числѣ рождающихся мальчиковъ.

[2]) *Янсонъ. Сравнительная статистика.* т. I, стр. 178.

Таблица I.

Родъ.	№№.	Глава семьи.	Возрастъ супруговъ. мужъ.	Возрастъ супруговъ. жена.	Ихъ дѣти. сыновья.	Ихъ дѣти. дочери.	Возрастъ родител. мужа. отецъ.	Возрастъ родител. мужа. мать.	Братья и сестры мужа. братья.	Братья и сестры мужа. сестры.	Исключительные случаи.
Бытальскій бродячій	1	Петръ Сидоровъ	37	25	1 г.	—	† 70	† 55	† 19 † 29 17 26	† 25 23 10 † 32	Три сестры, означенныя въ началѣ, — хромыя отъ рожденія; одна нога у нихъ короче.
	2	Константинъ Колесовъ . .	68	66	43 39 † 23 32 30 27 22	28 23 18	† 47	† 90	† 70 † 30 † 52 63	61 ‖ † 2 † 34	
	3	Семенъ Колесовъ . . . . (Братъ № 2-го)	63	52	† 6 28 27 25 18 15 11	31 26 † 10 дней					
	4	Егоръ Колесовъ . . . . . (Двоюродный братъ предыдущихъ).	33	26	—	1 мѣс.	† 70	† 53	43 34 28 26 † 2 мѣс.	† 30 † 28 45 41 39 18 † 1	
	5	Павелъ Константиновъ . .	38	28	5	3	† 53	56	35 25 13 † 5	36 33 32 15	
	6	Андрей Григорьевъ . . .	37	39	3	5	65	† 20 † 50	— 26 † 7	† 18 † 1 28 27 6 7 † 1 † 1	
	7	Андрей Трифоновъ. . . .	35	38	3	5	75	† 20 † 40	† 1 24 18 13	† 18 26 25 † 8 8 † 6 † 1	Братья 24-хъ и 13-ти лѣтъ—блондины.
	8	Еремей Михайловъ . . .	39	28	5 1 † 2	10 6 3	61	55	† 3 33 31 29 20 16	18 17 † 1	Еремей и его братъ 31 года—блондины.
	9	Егоръ Семеновъ	40	22	3	4	† 41	62	† 7 34 † 23 22	36 33 30 29 † 10 дней	
	10	Егора Семенова дѣдъ . .	† 90	95	† 41 † 25	† 66 † 70 † 20 † 67 † 40 † 25 † 40					
	11	Миронъ Тимофеевъ . . .	44	33	5	14 11 10 2 1	† 42	72	45	47	14-ти лѣтняя дочь — идіотка.
	12	Иванъ Діодоровъ	51	† ? 33	† 5 17 9 7 3 1	† 3 4 2 † 2 дня	† 70	† 30 † 49	— † 15 29	† 20 31 † 25 30	17-ти лѣтняя дочь — разслабленная.
1-й Эжанскій бродячій	13	Діонисій Петровъ	90	† 35	† 25	† 22	† 95	† 70	† 80 † 50 † 60 † 50 † 85 † 45 † 5	† 72 † 2	
	14	Гавріилъ Трифоновъ . . .	42	30	† 9 дней † 2 г. † 4 г. 5 3 1	† 1 г.	† 60	65	† 75 0 † ‖ 0 † 0	† 20 † 15 † 10 † 0 45 25 31 32	3-хъ лѣтній сынъ разслабленъ; голова чрезмѣрно велика.
	15	Спиридонъ Мироновъ . .	57	45	† 22 24 17 12 9 4	16 1	† 81	62	59 † 25 † 3	55	
2-й Эжанскій кочевой.	16	Семенъ Спиридоновъ . . .	50	65	—	† 3 мѣс.	† 60	† 55	† 7	† 20 † 40	
	17	Никита Захаровъ	86	† 75 † 60	† 12 † 1 † 2 † 20 † 28 30	† 45 ‖ 45 42 30 28 25 22	95	70	† 2 90	† 4 † 65	

Въ Кангаласскомъ вѣдомствѣ я собиралъ свѣдѣнія лишь о потомствѣ самихъ домохозяевъ, не распрашивая о числѣ ихъ сестеръ и братьевъ, такъ—какъ въ моемъ распоряженіи для подобныхъ опросовъ оставалось слишкомъ мало времени. Взамѣнъ я старался установить по возможности точно время сожительства въ каждомъ бракѣ и возрастъ вступленія въ 1-й бракъ. Результатъ опросовъ получился такой:

См. таблицу II.

Въ 37-ми опрошенныхъ семьяхъ всѣ супруги провели въ бракѣ 725 лѣтъ и имѣли за это время 182 ребенка; одно рожденіе приходилось въ этихъ семьяхъ на 3,98 года; а отсюда средняя плодовитость брака для кангаласцевъ опредѣлится цыфрою 0,25 рожденій на одинъ годъ сожительства. Цыфра эта не велика, если сравнивать ее съ цыфрами Сэдлера (0,46—0,59), но едвали послѣднія можно признать типическими для европейскаго населенія. Наблюденія обыденной жизни, какъ мнѣ кажется, не даютъ основаній предполагать, чтобы у русскихъ брачная плодовитость на много превышала плодовитость, опредѣленную мною для тунгусовъ, а вѣдь русскіе представляютъ собой націю несомнѣнно весьма жизнеспособную. Притомъ-же въ своемъ вычисленіи я не исключаю изъ ряда троихъ тунгусовъ, прожившихъ въ бракѣ: одинъ—13 л., одинъ—20 л. и одинъ—15 л. (№№ 8, 24, 27), и совсѣмъ не имѣвшихъ потомства. Принимая во вниманіе существованіе такихъ лицъ, общую плодовитость тунгусовъ, пожалуй, вѣрнѣе будетъ опредѣлить такимъ образомъ: въ изслѣдованныхъ семьяхъ 8% оказались безплодными, а въ плодовитыхъ семьяхъ на одинъ годъ супружества приходится 0,27 рожденій.

Завершившихся супружествъ въ изслѣдованныхъ семействахъ—16, а средняя плодовитость такихъ супружествъ—6,4.

Въ числѣ родившихся и мальчиковъ и дѣвочекъ оказывается почти поровну 92 мальчика и 90 дѣвочекъ, но смертность женщинъ въ младшихъ возрастахъ превышаетъ мужскую: въ возрастѣ

до 5-ти лѣтъ умерло 23 мальчика и 35 дѣвочекъ, а въ возрастѣ отъ 5-ти до 20-ти—3 мужчины и 8 женщинъ, т. е. 30,2% всѣхъ родившихся не дожили до 5-ти лѣтъ и 6%, переживъ этотъ возрастъ, не достигли 20-ти лѣтъ [1]).

Мертворожденія имѣли мѣсто въ 8-ми случаяхъ, что составляетъ 4.4% всего числа рожденій; это процентъ, совпадающій со среднимъ по Европѣ. Мальчиковъ въ числѣ мертворожденныхъ было 7 и дѣвочка 1-на.

Наивысшая плодовитость у кангаласцевъ почти не превосходитъ плодовитости майцевъ: въ семействѣ № 11 за 29 лѣтъ брака было 14 дѣтей.

Одна черта, отмѣченная въ послѣдней таблицѣ, составляетъ особенность, заслуживающую серьезнаго вниманія: изъ 37-ми мужчинъ 10 человѣкъ вступили въ 1-й бракъ въ возрастѣ 15—17 лѣтъ [2]), а изъ 49-ти женщинъ 11 при вступленіи въ бракъ имѣли не больше 16-ти лѣтъ; въ числѣ послѣднихъ одна была выдана замужъ 10-ти лѣтъ и четыре—14-ти лѣтъ. Наряду съ этимъ нерѣдки случаи сравнительно поздней женитьбы мужчинъ; въ возрастѣ свыше 25-ти лѣтъ изъ опрошенныхъ домохозяевъ женились 14 человѣкъ. Такимъ образомъ только третья часть кангаласцевъ женится въ возрастѣ 18—25 лѣтъ, приблизительно треть начинаетъ супружескую жизнь еще въ отрочествѣ и большая треть—уже по выходѣ изъ первой молодости. Запоздалость женитьбы (вытекающая обыкновенно изъ экономическихъ причинъ: недостатокъ средствъ на уплату калыма) не можетъ не отражаться понижающимъ образомъ на общей рождаемости, а слишкомъ ранніе браки, какъ извѣстно, усиливаютъ смертность, такъ-какъ вызываютъ появленіе хилыхъ и недостаточно жизнеспособныхъ дѣтей.

[1]) Дѣйствительная смертность въ младшихъ возрастахъ очевидно должна превышать опредѣленную въ текстѣ, т. к. нѣкоторые изъ дѣтей и юношей, бывшихъ живыми въ моментъ опроса, могутъ умереть, не достигнувъ зрѣлости.

[2]) Само собой разумѣется, что я говорю не о церковномъ бракѣ, а о бракѣ по обычаю, т. е. о началѣ фактическаго сожительства.

№ №	Возрастъ родителей: мужъ.	Возрастъ родителей: жена.	Ихъ возрастъ при вступлен. въ бракъ: м.	Ихъ возрастъ при вступлен. въ бракъ: ж.	Время сожительства.	Число дѣтей: м.	Число дѣтей: ж.
1	60	56	20	16	40 л.	37 32 17 9	23 16 12 † 1 † 1
91)	37	23 як.	30	16	7 л.	? 4 2 2 дня.	† 3 мѣс.
312)	32	20	29	17	8 г.	—	—
4	30	21	27	18	3 г.	2 1	
5	43	38 як.	28	18	20 л.	† 5 † 1 —	† 2 = † 1 6
6	28	20	26	18	2 г	† 1	
7	56	62 як	29	35	27 л.	† 6 16	† 6 † 3
8	48	41 як.	30	28	13 л.	—	—
93)	26	20 як	23	17	3 г	—	—
10	55	† ? як	25	?	10 ?	27 25	20 11
		? тунг.	?	?	12 ?	† 2 † 3	† 1 † 3 † 2
11	55	48 як	26	19	29	15 † 10 дн. † 2 г. † 9 † 40 дн. † 0 † 0	23 † 1 мѣс. † 6 л † 2 дн. † 1 г. 13 2
12	60	55	23	18	37	† 3 30 28 26 24 22 18	33 16 18 10
134)	20	† 19	15	14	5 л.	26 † 4 дн	23
	50	44	31	25	19 л.	—	—
14	35	† 30	26	21	9 л.	† 2 † 1	† 2 † 1 † 6 мѣс. † 3 мѣс.
	60	47	38	25	22 г.	17 † 6	† 1 † 3 мѣс. † 1 мѣс.
15	15	† ? як.	15	?	?	—	—
	60	? тунг.	30	?	30 л.	28 22	26 24 † 3 16
16	35	40	17	22	18 л.	14 9	14 † 1 день 7 4
17	35	† 28 як.	25	18	10 л.	18 17 15 18 12	
	50	?	39	?	11 л.		10 5 † 1 † 3 1
18	50	† 56	25	31	25 л.	25 † 0 † 7 дн. † 2 г.	30 29 21 † 10 † 10
	72	45	52	25	20 л.		† 10 12
19	?	† ?	16	?	14?)5	† 20 дн.	† 9 л. † 2 г
	60	42	36	18	24 г.	22 † 0	
20	?	† ? як.	?	?	10 ?	40 39	41
	69	49	?	?	10 ?	† 10 дн	
21?)6	?	† 29 як.	?	17	12 л.	16	† 20
	52	47					
22?)7	43	37 як.	27	21	16 л.	—	9
23	40	23	33	16	7 л.	† 3 3	
							† 1
24	?	?	15	14	?	—	—
	49	47	29	27	20 л.	-	
25	44	33	28	17	16 л.	14 † 10 дн.	10 л. 8 м
						† 10 дн. † 3 мѣс 4 г.	1 г
26	45	40	15	10	30 л	20 18 14 6 4 2	10 8
27	38	32	23	17	15 л.	—	—
28	30	20	28	18	2 г.	† 2 мѣс	
29	24	25	16	18	7 л.	—	2 † 1
30	51	47 як	22	18	29 л	-	18
31	36	21	30	15	6 л.	1	† 6 мѣс
32	50	34	32	16	18 л.	† 0 16 1	† 1 12 8
33	48	41 як.	23	16	25 л.	† 2 12	22 20 17
34	68	69	16	17	52 г.	† 0 † 4 34	41 28 † 7 † 2 † 22 † 1 мѣс. † 0
35	34	21	30	17	4 г.	—	† 8 дн
36	22	† 21 як.	15	14	7 л.	† 0 12	10
	30	21	23	14	7 л.	2 † 0 † 0	
37	21	† 25	16	20	5 л.	15 л.	† 7 дн. † 7 дн. 11 л. 4 3
	46	36	31	21	15 л.	6 2 6 мѣс.	

Примѣчанія Знаки этой таблицы имѣютъ тоже значеніе, какъ и въ предыдущей.

Слѣдующія за нѣкоторыми цифрами буквы „як“ означаютъ: якутка.

1) Сынъ № 1-го. Ранѣе сожительствовалъ съ тунгуской, отъ которой имѣлъ сына, означеннаго вопросительнымъ знакомъ, такъ какъ возрастъ его неизвѣстенъ. 2) Сынъ № 1-го. 3) № 9-й былъ женатъ ранѣе, жена умерла черезъ 1½ года; дѣтей не было. 4) Вторая жена № 13-го ранѣе состояла въ бракѣ, но дѣтей не имѣла. Цифра 20 показываетъ возрастъ мужа въ моментъ смерти 1-й жены, цифра 50-его возрастъ въ моментъ опроса. Та-же система обозначенія проведена и далѣе. 5) Со второю женою не живетъ. 6) Братъ № 22-го. 7) Время сожительства въ этомъ случаѣ опредѣлено приблизительно. Приблизительны и слѣдующія далѣе цифры, за которыми поставленъ знакъ вопроса.

Имена домохозяевъ:

2-й Беллетскій родъ: 1) Павелъ Гермогеновъ, 2) Петръ Павловъ, 3) Степанъ Павловъ, 4) Аѳанасій Анзбы, 5) Михаилъ Кирилинъ, 6) Прокопій Алексѣевъ, 7) Николай Павловъ, 8) Прокопій Ивановъ, 9) Маркъ Іонинъ, 10) Петръ Ивановъ, 11) Павелъ Мартыновъ, 12) Александръ Николаевъ, 13) Іона Тихоновъ, 14) Иванъ Федоровъ, 15) Алексѣй Николаевъ, 16) Илья Петровъ, 17) Павелъ Павловъ 2-й, 18) Федоръ Тарасовъ, 19) Петръ Абрамовъ, 20) Павелъ Николаевъ;

Бунгирскій родъ: 21) Петръ Самсоновъ 1-й, 22) Петръ Самсоновъ 2-й, 23) Павелъ Гавриловъ, 24) Кириллъ Петровъ, 25) Иванъ Петровъ, 26) Петръ Тимоѳѣевъ, 27) Алексѣй Петровъ, 28) Иванъ Тимоѳѣевъ;

1-й Шелогонскій родъ: 29) Дмитрій Николаевъ, 30) Павелъ Филипповъ, 31) Петръ Семеновъ;

3-й Беллетскій родъ: 32) Петръ Михайловъ, 33) Илья Михайловъ;

Никитирскій родъ: 34) Николай Петровъ, 35) Ник. Ник. Петровъ, 36) Павелъ Яковлевъ;

Нюрбуланскій родъ: 37) Адамъ Семеновъ.

Общій характеръ данныхъ, собранныхъ о всѣхъ 70-ти семействахъ, очевидно не позволяетъ смотрѣть на тунгусовъ, какъ на племя съ пониженной плодовитостью. При отсутствіи исключительныхъ причинъ, о которыхъ говорилось выше, это племя, очевидно, могло-бы плодиться и множиться не хуже другихъ обитателей Якутскаго края: русскихъ якутянъ и якутовъ, и если въ дѣйствительности мы наблюдаемъ не приростъ, а убыль, то объясненія этого приходится искать только въ усиленной смертности или въ усиленной эмиграціи.

Несовершенство способовъ регистраціи отнимаетъ возможность опредѣлить сколько-нибудь точно, въ какіе именно годы и какія группы населенія обнаруживаютъ усиленную смертность. Основываясь на церковныхъ данныхъ,—какъ объяснялось выше, далеко не полныхъ,—можно вычислить только то, какъ распредѣляются по возрастамъ тѣ изъ умиравшихъ, кончина которыхъ извѣстна духовенству и отмѣчена по книгамъ.

Группируя данныя этого рода за пять лѣтъ: 1891-й—95-й, мы увидимъ слѣдующее:

См. таблицу на стр. 60-й.

По этимъ свѣдѣніямъ въ младшихъ возрастахъ смертность мужчинъ оказывается выше смертности женщинъ, но въ возрастѣ 10—40 лѣтъ смертность женщинъ значительно превышаетъ мужскую; въ пожилыхъ лѣтахъ смертность мужчинъ опять беретъ перевѣсъ надъ смертностью женщинъ, а въ старости, именно—съ 65-ти лѣтъ, оба пола почти выравниваются.

Этотъ фактъ можно выразить наглядно, сводя цыфры такимъ образомъ:

За все время умерло:

Въ возрастѣ до 10-ти лѣтъ:	138 м.	и	125 д.	Отношеніе числъ:	100:	90,6
„ „ „ 10—40 лѣтъ:	39 м.	„	70 ж.	„	100:	179,5
„ „ „ 40—65 лѣтъ:	43 м.	„	34 ж.	„	100:	79,1
„ „ „ 65 л. и болѣе:	52 м.	„	50 ж.	„	100:	96,1

Возрастъ.	1891 годъ.				1892 годъ.				1893 годъ.				1894 годъ.				1895 годъ.				Всего.	
	Походная церковь.		Майская церковь.		Походная церковь.		Майская церковь.		Походная церковь.		Майская церковь.		Походная церковь.		Майская церковь.		Походная церковь.		Майская церковь.			
			м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.
До 5-ти лѣтъ	?		9	10	9	9	12	5	10	14	14	13	19	16	14	10	22	26	7	10	116	113
5— 10			4	3	2	—	3	—	—	—	—	—	1	3	4	1	6	4	2	1	22	12
10— 15			1	—	—	1	1	—	—	3	—		1	—	1		3	5	—	1	7	10
15— 20			—	1	—	1	—	1	—	1	1	1	—	—	2	1	1	2	—	—	4	8
20— 25			—	—	—	—	2	2	—	2	1	3	—	1	—	—	—	4	—	2	3	14
25— 30			1	1	3	1	—	1	—	—	1	1	—	5	2	2	1	2	1	—	9	13
30— 35			—	—	1	2	—	1	1	3	—	1	—	1	—	—	1	3	2	—	5	11
35— 40			2	—	2	1	1	—	1	1	2	2	—	1	1	3	—	2	2	4	11	14
40— 45			—	2	2	2	1	—	2	—	1	1	—	2	2	—	2	—	—	—	10	7
45— 50			1	—	—	—	—	—	1	1	—	1	2	2	1	—	5	2	—	—	7	9
50— 55			2	—	—	2	—	—	—	—	1	1	1	—	—	—	2	3	1	—	7	6
55— 60			—	1	2	—	—	—	—	1	1	—	1	—	1	—	2	1	—	—	7	3
60— 65			1	—	1	1	1	2	3	1	2	—	3	—	1	1	—	3	—	1	12	9
65— 70			1	1	1	2	—	—	4	3	2	—	2	1	2	1	1	3	—	2	13	13
70— 75			1	—	—	2	1	2	2	—	1	1	—	2	1	3	3	1	3	2	12	13
75— 80			—	1	1	2	—	—	—	—	1	1	1	—	—	2	1	2	—	4	4	12
80— 85			2	1	—	—	—	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	1	5	4
85— 90			4	1	1	1	1	—	—	—	3	1	—	—	1	—	1	1	1	—	12	4
90— 95			—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	4	—
95—100			1	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	2	4
Итого	(Въ архивѣ консисторіи книгъ Походной ц. за этотъ годъ не оказалось).		30	22	25	29	23	14	29	30	31	27	31	34	35	24	46	70	22	29	272	279

Опредѣленіе общей смертности тунгузскаго населенія представляетъ почти непреодолимыя трудности, такъ-какъ по Майскому вѣдомству данныя исповѣдной росписи 1895 г., какъ мы видѣли раньше (стр. 35, пр. 3), очень неполны, благодаря чему не имѣется числа, которое могло-бы служить основаніемъ подсчетовъ. Такимъ образомъ для разработки остаются только данныя Походной церкви, то есть данныя о кангаласцахъ, численность которыхъ можно заимствовать изъ росписи 1895 г. Если опредѣлить смертность

каждой возрастной группы путемъ вычисленія средней для этой группы за все отчетное четырехлѣтіе, то, принимая всѣхъ живущихъ того-же возраста за сто, мы получимъ такой рядъ показателей смертности по возрастамъ[1]):

См. таблицу на стр. 62-й.

Изъ этой таблицы видно, что смертность дѣтей у тунгусовъ не превышаетъ дѣтской смертности въ нѣкоторыхъ европейскихъ странахъ (Баварія, Италія, Австрія), но зато смертность взрослыхъ, и особенно—женщинъ, оказывается далеко выше нормальной.

Въ Россіи, по вычисленію Янсона, „между магометанами умираетъ 29,1‰, язычниками 14,2 (?), тогда какъ между православными 38,1‰“[2]).

У тунгусовъ, какъ мы только что видѣли, на тысячу жителей умираетъ 61 чел., т. е. смертность въ этомъ племени, поскольку она отражается въ церковныхъ записяхъ, оказывается болѣе чѣмъ въ полтора раза выше смертности русскихъ.

Метрическія данныя, какъ легко догадаться, представляютъ слишкомъ ненадежный источникъ для сужденія о причинахъ смерти въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Десятки наименованій различныхъ болѣзней, каковы: брюшной тифъ, аневризмъ, дифтеритъ и т. п. проставляются псаломщиками по тому описанію болѣзни, которое даютъ на словахъ родственники умершаго. Понятно, что всѣ такія опредѣленія не заслуживаютъ никакого вниманія; но встрѣчаются въ дѣйствительности и такіе случаи, когда причина смерти болѣе или менѣе очевидна; таковы, во-первыхъ,—случаи смерти насильственной или негаданной; во-вторыхъ,—смерть женщинъ при родахъ или вслѣдствіе родовъ; и, въ третьихъ,—смерть отъ тѣхъ болѣзней, съ симптомами которыхъ мѣстные жители хорошо знакомы; оспу, напримѣръ, инородцы едва-ли смѣшаютъ съ чѣмъ-либо инымъ;

[1]) Цыфры, относящіяся къ европейцамъ, я заимствую у Янсона („Сравн. Статистики“ т. I, стр. 229), въ свою очередь взявшаго ихъ изъ Annales de démographie“ 1877 г.

[2]) *Янсонъ.* Ibid. стр. 241.

Возрастъ.	Тунгусы Кангаласскаго вѣдомства. Число живущихъ. м.	ж.	Среднее число умирающихъ. м.	ж.	Ежегодно умираетъ. На 100 муж. кажд. возраста.	На 100 ж. каждаго возраста.	На 100 ч. об. п. кажд. возраста.	Возрастъ.	Европейцы. Швеція.	Норвегія.	Данія.	Франція	Англія.	Пруссія.	Бавар'я.	Италія.	Австрія.
До 5-ти лѣтъ.	79	80	15	16,25	19	20,3	19,7	0— 1 годъ .	15	11,6	15	21,6	19	22	37,2	25,4	30,3
5—10 . . .	69	60	2,25	1,75	3,3	2,9	3,1	1— 5 . . .	3,1	2,9	2,3	3,4	3,6	4,6	3,9	5,3	4
10—20 . . .	150	121	1,25	3,25	0,8	2,4	1,3	5—15 . . .	0,6	0,7	0,7	0,7	0,6	0,7	0,7	0,8	0,7
20—30 . . .	112	81	1	3,75	0,9	4,6	2,5	15—30 . . .	0,5	0,6	0,6	0,8	0,8	0,7	0,8	0,8	0,8
30—40 . . .	76	89	1,50	3,50	2	3,9	3	30—60 . . .	1,2	1,1	1,3	1,2	1,5	1,5	1,7	1,7	1,7
40—50 . . .	60	58	2,25	3	3,7	5,2	4,5										
50—60 . . .	52	34	2	1,75	3,8	5,1	4,3										
60	51	34	7,50	7,50	14,7	22	17,6	60	7	5,8	7,1	6,8	6,7	7,2	8,1	8,8	8,4
Итого.	649	557	32,75	40,75													

Въ среднемъ ежегодно умираетъ: на 100 мужчинъ—5 мужчинъ
„ 100 женщинъ—7,3 женщинъ
„ 100 жителей—6,1 обоего пола.

проказу они также отличатъ отъ всякой другой болѣзни, кромѣ развѣ сифилиса; наконецъ, помимо этихъ трехъ характерныхъ болѣзней съ рѣзко обозначенными признаками, существуетъ группа легочныхъ и горловыхъ страданій, которыя на языкѣ мѣстныхъ жителей всѣ одинаково называются чахоткой, если только заболѣвшій не сразу теряетъ силы, а медленно угасаетъ въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ или нѣсколькихъ лѣтъ.

Въ виду этого мы условились съ В. С. Ефремовымъ игнорировать всѣ другія обозначенія, но помѣчать въ своихъ выборкахъ случаи смерти отъ только что указанныхъ причинъ. Дѣйствительное число тунгусовъ, умирающихъ отъ этихъ причинъ, навѣрно нѣсколько выше того числа, которое указано въ метрическихъ книгахъ, но относительная распространенность проказы, сифилиса или оспы, а также относительная неблагополучность родовъ у женщинъ различныхъ племенныхъ группъ по всей вѣроятности можетъ быть установлена по этимъ даннымъ болѣе или менѣе удовлетворительно, такъ-какъ неточность самихъ данныхъ приблизительно одинакова по всѣмъ приходамъ Якутскаго округа.

Подсчитывая число смертныхъ случаевъ по приходу Походной Благовѣщенской церкви за 15 лѣтъ, мы найдемъ, что за это время умерло:

	1881 г.		1882 г.		1883 г.		1884 г.		1885 г.		1886 г.		1887 г.		1888 г.	
	м.	ж	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.
отъ оспы: . . .	—	—	—	—	—	1	—	—	36	32	—	1	—	—	—	—
„ чахотки: . .	2	2	1	3	1	—	1	4	5	2	9	3	5	6	5	3
при родахъ: . .	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	2
отъ обжога: . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
утонуло:	—	—	1	2	—	—	—	—	—	—	6	—	—	—	—	—
убиты:	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—
отъ проказы: . .	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

	1889 г.		1890 г.		1891 г.		1892 г.		1893 г.		1894 г.		1895 г.	
	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.
отъ оспы:	9	10	5	7	?	?	2	—	1	—	1	—	—	—
„ чахотки	2	4	3	3	?	?	8	3	—	3	1	4	4	5
при родахъ:	—	2	—	2	?	?	—	—	—	2	—	3	—	1
отъ обжога:	—	—	—	—	?	?	—	—	—	1	—	—	—	—
утонуло:	—	—	—	—	?	?	—	—	3	—	—	—	—	—
убиты:	1	2	—	—	?	?	—	—	—	—	—	—	—	—
отъ проказы:	—	—	—	—	?	?	—	—	—	—	—	—	—	—

По приходу Усть-Майской церкви данныя этого рода почти совершенно отсутствуютъ; указаны въ книгахъ этой церкви только слѣдующіе случаи: въ 1881 году—утонуло 2 м., въ 1889 г.—повѣсилась 1 ж. и утонуло 4 м., да въ томъ-же году убиты 2 ж.

Раньше мы уже видѣли, что въ приходѣ Благовѣщенской церкви съ 1885 по 1895 годъ (исключая изъ этого періода 1891 г., за который свѣдѣній не сохранилось), умерло 400 м. и 392 ж.; теперь мы можемъ удостовѣриться въ томъ, что изъ этого числа 104 человѣка, т. е. 13,13% всѣхъ скончавшихся, умерло отъ оспы и 15 человѣкъ, или почти 2% всѣхъ умершихъ, погибло отъ разнаго рода несчастныхъ случаевъ. Такъ-какъ въ дѣйствительности оспа и всевозможныя катастрофы *несомнѣнно* унесли гораздо болѣе жертвъ, чѣмъ это заявлено духовенству, то высказанное мною выше предположеніе о главныхъ факторахъ вымиранія, въ виду только что приведенныхъ цыфръ, можно повторить съ еще большей увѣренностью: убыль населенія вызывается у тунгусовъ не пониженіемъ рождаемости, а неблагопріятными условіями, сильнѣе всего проявляющими свое дѣйствіе именно на взрослой части населенія.

Оставляя выясненіе этихъ условій до послѣдней главы предлагаемаго очерка, я не могу не упомянуть теперь-же объ одномъ изъ послѣдствій неудовлетворительнаго экономическаго положенія:—

объ усиленной эмиграціи изъ нѣкоторыхъ родовъ Майскаго, а частью и Кангаласскаго вѣдомства на Амуръ и въ Приморскую область. Какъ велика эта эмиграція,—съ точностью сказать нельзя, но есть основанія думать, что число семей, уже съиздавна проживающихъ внѣ предѣловъ Якутскаго края, настолько значительно, что ихъ отсутствіе не можетъ не отражаться на общей цыфрѣ жителей, такъ-какъ весь приростъ отсутствующихъ семей ускользаетъ отъ регистраціи священниковъ Якутской епархіи. Въ 1893 г. пріамурскій генералъ-губернаторъ увѣдомилъ якутскую администрацію о пребываніи въ Амурскомъ краѣ значительнаго числа тунгусовъ изъ Якутской области; такіе выходцы оказались въ 11-ти родахъ, преимущественно Майскаго вѣдомства. Въ исповѣдной росписи 1895 г. нѣсколько десятковъ семей отмѣчено словомъ „въ бродяжествѣ“; особенно много такихъ отмѣтокъ въ росписи Бытальскаго бродячаго рода; но не рѣдко тоже слово встрѣчается и въ роспи-сяхъ другихъ родовъ.

Усиленная эмиграція, конечно, указываетъ на трудность существованія въ родномъ краѣ и служитъ подтвержденіемъ того взгляда на положеніе тунгусовъ, который у меня сложился при разработкѣ архивныхъ и метрическихъ данныхъ. Однако-же, какъ ни убѣдительны (по крайней мѣрѣ—въ моихъ глазахъ) выводы, получившіеся изъ сличенія ревизскихъ сказокъ и метрическихъ книгъ, но по этимъ источникамъ никакъ нельзя рѣшить вопросъ окончательно. Вырожденіе расы можетъ проявляться не только въ ослабленіи плодовитости, но,—еще раньше этого,—въ чахлости и болѣзненности жителей, въ обиліи среди вырождающагося населенія уродовъ и психопатовъ.

Общее изученіе племени съ медицинской точки зрѣнія выходило за предѣлы моей задачи, такъ-какъ для подобнаго изученія изслѣдователю необходима спеціальная медицинская подготовка, которой я не обладаю. Однако-же, непримѣнимость въ данномъ случаѣ спеціальнаго изслѣдованія до нѣкоторой степени возмѣщается

наличностью антропометрическихъ данныхъ. Отношеніе роста къ периметру груди принято считать за лучшій показатель общаго здоровья, а это отношеніе я могу вычислить для 98-ми взрослыхъ мужчинъ и 10-ти женщинъ. Принимая во вниманіе малочисленность всей изслѣдуемой группы, такое число измѣренныхъ можно признать совершенно достаточнымъ для общей характеристики.

Вынужденный ходомъ своихъ разсужденій обратиться къ антропометрическимъ даннымъ, я не считаю нужнымъ ограничиваться сводкой лишь той части этихъ данныхъ, которая имѣетъ непосредственное отношеніе къ только-что намѣченному вопросу. Этотъ вопросъ входитъ какъ часть въ общую задачу антропометріи:— опредѣленіе соматическихъ особенностей племени; а такъ—какъ физическій типъ тунгусовъ до сихъ поръ еще не былъ изслѣдованъ, [1]) то въ слѣдующей главѣ, кромѣ данныхъ о ростѣ и объ окружности груди, я приведу таблицы измѣреній нѣкоторыхъ діаметровъ головы и лица, отлагая разработку главной массы собраннаго мною антропометрическаго матеріала впредь до выясненія вопроса о дальнѣйшей судьбѣ сибиряковской экспедиціи.

III.

Антропометрическія данныя.

Академикъ Шренкъ, болѣе чѣмъ кто-бы то ни было другой потрудившійся для изслѣдованія тунгузскихъ племенъ, ставитъ интересный вопросъ: „въ какомъ отношеніи находятся... черепа тунгускихъ народовъ Амурскаго края къ черепамъ сибирскихъ тунгусовъ? Сохранили-ли они, и въ какой степени, вообще тунгускій типъ, или-же пріобрѣли существенно иной типъ, вслѣдствіе смѣ-

[1]) Строго говоря, это не совсѣмъ такъ: Миддендорфъ занимался измѣреніями тунгусовъ и якутовъ, но его матеріалъ погибъ при крушеніи лодки на Таймырскомъ озерѣ.

шенія своего съ сосѣдними племенами?“ [1]) „Чтобы отвѣтить на эти вопросы,—говоритъ самъ Шренкъ,—слѣдовало-бы, конечно, прежде всего опредѣлить, въ чемъ состоитъ тунгускій типъ? Однако этого до сихъ поръ не сдѣлано. Мало того, въ этомъ отношеніи встрѣчаются даже самыя крайнія разногласія“. И на самомъ дѣлѣ, вслѣдъ за цитированными словами въ трудѣ Шренка приведены такія указанія: „Реціусъ, Р. Вагнеръ и Бэръ называютъ тунгусовъ долихоцефалами (Гёксли также полагаетъ, что... тунгусы, можетъ быть, принадлежатъ къ числу народовъ съ особенно длинными черепами)... Первые двое основываются только на *одномъ* черепѣ (или гипсовомъ слѣпкѣ) изъ Гёттингенскаго музея,—черепѣ, который, къ тому-же, по Велькеру, страдалъ синостозою; но у Бэра было подъ руками бо́льшее количество череповъ. Онъ беретъ среднія числа (изъ какого числа отдѣльныхъ данныхъ—неизвѣстно) и находитъ для тунгускаго черепа отношеніе ширины къ длинѣ 74,3, а высоты къ длинѣ—72,3. Если судить по этому среднему головному показателю, тунгускій черепъ оказывается еще болѣе долихоцефальнымъ, чѣмъ его показывали Реціусъ и Вагнеръ (76,0). Бэръ сопоставляетъ эти среднія числа съ соотвѣтствующими средними величинами шведскихъ череповъ (73,1 и 71,0) и находитъ, что тунгускіе черепа лишь немногимъ шире и выше, чѣмъ шведскіе, или другими словами, что шведы немногимъ долихоцефальнѣе тунгусовъ; а такъ-какъ черепа многихъ германскихъ народовъ короче шведскихъ, то онъ приходитъ къ тому заключенію, что тунгускіе черепа, по отношеніямъ длины, ширины и высоты (но отнюдь не по строенію лица), довольно сходны съ черепами германскихъ народовъ. Совсѣмъ инаго мнѣнія Велькеръ. Онъ нашелъ въ тунгускихъ черепахъ Берлинскаго музея, равно какъ и въ другомъ, также тунгускомъ черепѣ, имѣющемся въ Гёттингенѣ, кромѣ вышеупомянутаго, показатели ширины 79, 81, 82 и 87

[1]) *Шренкъ. Объ инородцахъ Амурскаго края.* Т. I, стр. 317, С.-Пт., 1883.

(а на трехъ женскихъ—75, 82 и 84) и, на этомъ основаніи, считаетъ доказаннымъ, что тунгусы принадлежатъ къ настоящимъ брахицефаламъ, наравнѣ съ бурятами и калмыками, для которыхъ найдены имъ средніе головные показатели 83 и 81, и съ которыми онъ считаетъ тунгусовъ близко родственными также почти во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ. Согласно съ этимъ въ составленныхъ Велькеромъ таблицахъ тунгусы отнесены къ разряду брахицефаловъ, съ среднимъ головнымъ показателемъ 81".

Приводя эту цыфру, Шренкъ ссылается на работу Велькера, опубликованную въ 1866 г. въ Archiv für Anthropologie (Bd. I, p. 133, 134), но въ приложеніи къ русскому переводу извѣстнаго сочиненія Пешеля [1]) измѣренія Велькера заимствуются изъ XVI-го тома Антропологическаго Архива, изданія 1885 г., а тамъ черепной указатель тунгусовъ означенъ еще болѣе высокою цыфрой—83,6 и та-же цыфра повторяется по Велькеру въ недавно появившемся сводномъ русскомъ изданіи М. Ильинскаго [2]) и въ „Антропологіи" пр. Э. Ю. Петри [3]). Въ противоположность этому, въ большомъ трудѣ Топинара [4]) для тунгусовъ, по четыремъ черепамъ (безъ указанія источника), приводится низкій индексъ—78,0, а одинъ изъ новѣйшихъ авторовъ—Винклеръ [5]), подводя итогъ имѣющимся даннымъ, заключаетъ, что „тунгузскій типъ покуда, т. е. впредь до появленія болѣе подробныхъ и обширныхъ данныхъ, можно считать умѣренно брахицефальнымъ". Одного мнѣнія съ Винклеромъ придерживается и Гикишъ [6]), который находитъ, что тунгусы „не очень брахицефальны".

Въ цитированномъ выше трудѣ Шренка [7]) приводятся измѣ-

[1]) *Оскаръ Пешель. Народовьденіе.* (Peschel—Kirchhoff. Völkerkunde). С.-Пт. 1890 г.

[2]) *М. Ильинскій. Народы земнаго шара* и т. д. С.-Пт. 1897 г.

[3]) *Э. Ю. Петри. Антропологія.* Т. II, в. 3, стр. 108—109.

[4]) *P. Topinard. Elements d' anthropologie générale.* Indice céphalique, p. 405.

[5]) *H. Winkler. Uralaltaishe Völker und Sprachen.* Berlin. 1884 p. 20.

[6]) *Hiekisch. Die Tungusen.* St. Pet. 1879.

[7]) Стр. 318—321.

ренія семи мужскихъ череповъ, указатели которыхъ: 77,5; 84,7; 82,2; 83,9; 82,9; 89,3 и 78,8, что даетъ въ среднемъ—82,76, а это—величина, подтверждающая только-что упомянутые выводы Винклера и Гикиша.

Такимъ образомъ одинъ изъ важнѣйшихъ признаковъ расоваго типа, опредѣляемый сравнительно легко, до сихъ поръ остается для европейскихъ ученыхъ предметомъ самаго рѣшительнаго разногласія. Понятно, что общій физическій типъ тунгусовъ въ описаніи разныхъ авторовъ представляется столь-же различнымъ.

Не задаваясь цѣлью дать въ этой монографіи полный обзоръ литературы о тунгусахъ[1]), я приведу нѣсколько характеристикъ общаго тунгузскаго типа и типа отдѣльныхъ тунгузскихъ племенъ, цитируя при этомъ лишь тѣхъ авторовъ, которыхъ нельзя не признать наиболѣе авторитетными въ вопросахъ сибирской этнологіи. Сопоставленіе различныхъ отзывовъ съ данными о разселеніи тунгузскихъ племенъ, какъ мнѣ кажется, дѣлаетъ наиболѣе вѣроятнымъ то-же самое заключеніе, къ которому прихожу и я при разработкѣ своего антропометрическаго матеріала.

Палласъ[2]), видѣвшій тунгусовъ въ Дауріи, говоритъ, что они „называютъ сами себя Донки или Оивенки“. Уже въ то время (въ 1772 г.) „ихъ языкъ по причинѣ сосѣдства, также одежда и образъ житія совсѣмъ перемѣшался, такъ что есть нѣчто Буретское и Мунгальское, и развѣ нѣкоторые старики найдутся, кои еще чисто по Тунгуски говорить могутъ... *Лица у нихъ площе и больше нежели у Мунгаловъ, а много похожи на Самоѣдскія.* Бороды отъ натуры или нѣтъ, или очень мало“.

Далѣе у Палласа приводятся родовыя названія даурскихъ тунгусовъ, интересныя для меня тѣмъ, что нѣкоторыя изъ этихъ названій повторяются у тунгусовъ якутскаго края. „Обитающія

[1]) Такъ какъ подобная задача не выполнима для лицъ, работающихъ въ провинціи.

[2]) *Палласъ. Путешествіе по разнымъ провинціямъ Россійскаго Государства.* Рус. перев. Изд. 1788 г. стр. 330.

въ Россійской Даурiи тунгускія поколѣнія,—говорится на стр. 331-й,—начиная отъ отдаленнѣйшаго края на Амурѣ, называются: Дулегатъ, *Богаитъ*, *Келтеіетъ*, *Почегорре*, Сарадуръ, Шуниканъ, Сортотъ, Удзунъ, Тунчинъ, Буни-Монголъ, Даликагитъ, Куйдзелыкъ, Наметъ, Улеть и Чилкаиръ. Изъ дневныхъ записокъ ходящихъ отъ Цуруктайту въ Пекинъ каравановъ видѣть можно, что находятся многіе Тунгусы и полъ Китайскимъ владѣніемъ, кои живутъ по Кинганскому хребту и по другимъ восточнымъ необитаемымъ горамъ къ Амуру и пасутъ оленей; ихъ Мунгалы, также и наши Тунгусы, будто воинственными называютъ Ссолонъ (стрѣльцы) и Камнега-Ссолонъ“...

Георги[1]) въ своемъ трудѣ даетъ характеристику не какой-нибудь отдѣльной вѣтви, а всего племени заразъ „Тунгузы,—по его словамъ,—росту средняго и никогда ни чрезвычайно малы, ни слишкомъ велики не бываютъ; при томъ статны и вертлявы. *Лицо у нихъ не столько плоское, какъ у Калмыковъ*, и краска на немъ живая; глаза маленькіе и вострые, носъ небольшой и сухощавой, уши обыкновенной величины; волосъ черной и прямой, борода нарочито жидкая, а у иныхъ и совсѣмъ волосомъ не опушается; голосъ нѣсколько осиплой; въ прочемъ чрезвычайно зорки и чутки, но тѣмъ тупяе у нихъ чувствованіе и обоняніе. Дѣти совершенно походятъ на калмычонковъ. Молодыя женщины приманчивы по причинѣ изриднаго разположенія лица, чрезвычайной веселости и вѣжливости; старухи, напротивъ того, морщинами, копотью и красными какъ огненный уголь глазами приводятъ въ ужасъ. Старики рѣдко бываютъ сѣды и ходятъ до послѣдняго конца такъ прямо, и какъ на ходу, такъ и въ дѣлахъ своихъ столь бодры, что сомнительно, не зная, почесть ихъ и устарѣлыми“.

Въ противоположность утвержденію Георги, будто-бы *всѣ* тун-

[1]) *Георги. Описаніе всѣхъ обитающихъ въ Россійскомъ Государствѣ народовъ.* Изд. 1799 г. стр. 35.

гусы—средняго роста, весьма добросовѣстный путешественникъ—*Щукинъ*, побывавшій въ Якутской области три раза: въ 1829 г., въ 1830 г. и въ 1840 г., встрѣтивъ близъ Саныяхтаха [1]) приленскихъ тунгусовъ, записалъ въ своемъ путевомъ дневникѣ: [2]) „мы видѣли тунгусовъ въ Киренскомъ округѣ: тѣ были худы, тощи и слабы, но здѣшніе отличались большимъ ростомъ, плотностью и мускулистыми членами; даже въ языкѣ мы замѣтили нѣкоторую разность... тунгусы лицемъ калмыковаты... волосы и глаза имѣютъ черные, блестящіе; говорятъ нарѣчіемъ языка Манжуйскаго“...

Причардъ, [3]) сочиненіе котораго долгое время оставалось лучшимъ руководствомъ по общей антропологіи, посвящаетъ тунгусамъ всего двѣ страницы, при чемъ основываетъ свои сужденія исключительно на авторитетѣ Клапрота, Кастрена и Палласа; процитировавъ изъ послѣдняго автора то самое мѣсто, которое приведено на предыдущей страницѣ предлагаемаго очерка, Причардъ добавляетъ нѣсколько словъ о манчжурахъ: „манчжурскіе тунгусы, поселившіеся въ Китаѣ два столѣтія тому назадъ, до сихъ поръ сохраняютъ въ своемъ физическомъ типѣ много общаго съ бродячими тунгусами; но этотъ типъ, вообще говоря, проявляется у нихъ значительно смягченнымъ. Многіе индивидуумы той-же самой расы въ манчжурскомъ населеніи отличаются совершенно другимъ типомъ лица;“ затѣмъ приводится свидѣтельство сэра Джона Барроу, который встрѣчалъ въ этой мѣстности не мало блондиновъ „похожихъ болѣе на грековъ, чѣмъ на татаръ“.

Переходя къ болѣе современнымъ трудамъ по этнологіи и общей антропологіи, мы найдемъ, что авторы такихъ трудовъ упоми-

[1]) Саныяхтахъ станція на границѣ Якутскаго и Олекминскаго округовъ; въ окрестностяхъ этой станціи Щукинъ могъ встрѣтить толко кангаласскихъ тунгусовъ; вѣроятнѣе всего Буягирскаго рода.

[2]) *Щукинъ. Поѣздка въ Якутскъ.* Изд. 1844 г. стр. 148.

[3]) *James Cowles Prichard. The Natural History of Man.* Fourth edition. Lond. 1855. t. I p. 216.

наютъ о тунгусахъ почти вскользь, до сихъ поръ руководствуясь тремя основными источниками: Палласомъ, Клапротомъ и Кастреномъ. Но мы уже видѣли, что Палласъ характеризовалъ не тунгусовъ вообще, а лишь даурскихъ тунгусовъ; установившееся въ литературѣ примѣненіе этой частной характеристики къ цѣлому племени привело многихъ авторовъ къ такому взгляду на антропологическую группировку сибирскихъ народностей, который совершенно противорѣчитъ классификаціи тѣхъ-же народностей, установленной Кастреномъ на основаніи сходства или отдаленности ихъ нарѣчій. Такъ *Оскаръ Пешель* въ цитированномъ выше трудѣ, на стр. 353-й, высказываетъ такое мнѣніе: „общимъ у всѣхъ (народовъ урало-алтайской группы) являются длинный, прямой и валообразный волосъ, совершенное отсутствіе или слабый ростъ бороды и волосянаго покрова тѣла, извѣстная смуглость кожи, отъ желтоватаго до темно-коричневаго цвѣта, иногда съ красноватымъ отливомъ, выдающіяся скулы, соединяющіяся у большинства съ косымъ направленіемъ глазъ. Всѣ прочіе признаки переходятъ другъ въ друга въ такой степени, что мѣстные типы сливаются... *Одни лишь лингвистическіе признаки даютъ возможность устанавливать подраздѣленія*“. Далѣе, на стр. 387-й, говорится: „общее происхожденіе всѣхъ этихъ (урало-алтайскихъ) языковъ не обосновано такъ прочно, какъ это, напримѣръ, можно было-бы сказать относительно языковъ арійской группы; сомнѣніе возбуждала въ иныхъ изслѣдователяхъ въ особенности *та пропасть, которая лежитъ между языками монгольскими и манджурскими*“ (Слѣдуетъ ссылка на Витнея и Шотта). Несмотря, однако-же, на существованіе цѣлой „пропасти“ между языками монгольскимъ и тунгузскимъ, страницею выше Пешель выражается такимъ образомъ: „чѣмъ далѣе мы прослѣдуемъ за сѣверными азіатами на западъ, тѣмъ болѣе умаляются монгольскія примѣты ихъ. *Тогда-какъ самоѣды по облику своему походятъ на тунгусовъ* (тутъ, конечно, приводится ссылка на Палласа),

остяки похожи на финновъ и на русскихъ", откуда слѣдуетъ, что, по мнѣнію Пешеля, сходство съ тунгусами равносильно рѣзко выраженной монголовидности, или иначе, что тунгусы по своему физическому складу особенно типичны именно какъ монголы.

Въ противоположность Пешелю *Топинаръ* въ своемъ популярномъ руководствѣ[1]) отзывается о тунгусахъ такимъ образомъ: „недостатокъ мѣста вынуждаетъ насъ обойти тунгузскій типъ, къ которому относится и манджурскій, и который *въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ отличается отъ монгольскаго подтипа въ тѣсномъ смыслѣ*".

Профессоръ *Петри* въ I-вомъ томѣ своей „Антропологіи"[2]) называетъ представителями „основного" монгольскаго типа собственно монголовъ, бурятъ и калмыковъ, а тунгусовъ онъ какъ-бы отказывается вводить въ кругъ народовъ т. наз. урало-алтайской группы, такъ-какъ это племя причислено у него къ „сѣверной смѣшанной группѣ", къ которой отнесены всѣ желтокожіе народы неизвѣстнаго или сомнительнаго происхожденія вплоть до чукчей, эскимосовъ и айносовъ. Такимъ образомъ Э. Ю. Петри даетъ понять, что лингвистическая классификація Кастрена не можетъ удовлетворить антрополога и что собственно съ антропологической точки зрѣнія тунгусы также далеки отъ монголовъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, какъ чукчи или айносы.

Съ этой чисто антропологической точки зрѣнія нельзя удовлетвориться и тѣми описаніями тунгусовъ, которыя доставлены „отцами сибирской этнографіи": Миддендорфомъ, Маакомъ и Шренкомъ. Въ ихъ трудахъ мы находимъ огромный запасъ въ высшей степени цѣнныхъ этнографическихъ свѣдѣній, отсутствіе которыхъ составляло-бы невознаградимую потерю для сибирскаго народовѣденія, такъ-какъ уже теперь, черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ поѣздки Миддендорфа, бытъ тунгусовъ успѣлъ во многомъ измѣниться,

[1]) *Топинаръ. Антропологія.* С.-Пб. 1879 г., стр. 463.
[2]) Стр. 103.

смѣшеніе ихъ съ якутами сдѣлало крупные шаги по пути къ полному сліянію обоихъ племенъ, а національная старина, еще сохранявшаяся во времена Миддендорфа, ко времени моей поѣздки къ кангаласцамъ успѣла почти окончательно исчезнуть.

Если-бы не печальный случай на Таймырскомъ озерѣ, то въ трудахъ Миддендорфа мы нашли-бы надежный фактическій матеріалъ не только для ознакомленія съ бытомъ инородцевъ дальняго сѣвера, но также и для характеристики физическаго типа сѣверныхъ народностей и между-прочимъ сѣверныхъ тунгусовъ; но такъ-какъ этотъ матеріалъ погибъ, то намъ для изученія тунгузскаго типа, остается прослѣдить словесныя описанія, какія встрѣчаются тамъ и сямъ въ сочиненіяхъ Миддендорфа и Маака, а затѣмъ, съ большей подробностью, остановиться на антропо-этнологической части сочиненія Шренка. Попробуемъ сличить ихъ показанія и составить по отрывочнымъ отзывамъ какое-нибудь общее представленіе о племенномъ типѣ.

Миддендорфъ впервые встрѣтилъ тунгусовъ въ Таймырскомъ краѣ, гдѣ тунгусы живутъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ самоѣдами и до такой степени перемѣшались съ послѣдними, что, напримѣръ, племя асинцевъ, по словамъ *М.*, „по наружному виду, по языку, по одеждѣ и образу жизни“ уже въ то время не сохраняло въ себѣ „ничего тунгузскаго“, хотя свое происхожденіе асинцы вели отъ тунгусовъ, переселившихся на сѣверъ съ истоковъ Хеты и Хатанги. „На Асяхъ,—говоритъ *М.*,—я снова замѣтилъ.... особенности наружнаго вида самоѣдовъ. И у нихъ рѣзко выступали монгольскія черты лица, особенно у дѣвушекъ, *тогда-какъ у мужчинъ онѣ часто отступали на второй планъ*“. Сходство Асей съ настоящими самоѣдами побудило *М.* причислить ихъ къ прочимъ самоѣдамъ, какъ одно изъ развѣтвленій этого племени[1]).

[1]) *Миддендорфъ. Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибири.* Ч. II, отдѣлъ VI, стр. 671.

Подобнымъ-же образомъ, т. е. нисколько не останавливаясь передъ историческими преданіями самого народа, *М.* исключилъ изъ числа тунгусовъ племя долганъ, обитающихъ на границахъ Туруханскаго и Якутскаго края, на пунктѣ встрѣчи трехъ народностей: самоѣдской, тунгузской и якутской. Въ спискахъ правительства долгане причислялись къ тунгусамъ: сами они „повторяли, что по преданію они родомъ съ Олейской стороны". Русскіе называли ихъ Дзиганской ордой, подтверждая этимъ названіемъ принадлежность первыхъ выходцевъ къ аборигенамъ Жиганскаго края, т. е. къ тунгусамъ. Фишеръ въ своей исторіи вполнѣ опредѣленно указываетъ на долганъ, какъ на тунгузское племя, объясаченное еще въ 1632 г. при покореніи казаками Бекетова Жиганскаго края[1]). *М.* самъ упоминаетъ о свидѣтельствѣ Фишера, при чемъ подкрѣпляетъ его ссылкою на рукописный дневникъ Редовскаго (1806 г.), упоминающаго о тунгузскихъ родахъ, которые носятъ названіе долганскихъ и обитаютъ при рѣкѣ Тавуи. Совокупность такихъ свидѣтельствъ, казалось-бы, не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ первоначальномъ происхожденіи долганъ отъ тунгусовъ и это тѣмъ болѣе, что по образу жизни долгане ничѣмъ не отличались отъ норильскихъ тунгусовъ,—также выходцевъ изъ Жиганскаго края. Несмотря на все это, *М.* на стр. 690-й говоритъ, что долганъ слѣдуетъ считать „небольшою вѣтвью выселившихся якутовъ", а на стр. 698-й выражается нѣсколько осторожнѣй: „долганы, положительно, весьма интересный *смѣшанный* народъ, у котораго во всемъ явно высказывается преобладаніе якутскаго элемента". Главнымъ основаніемъ для того, чтобы пренебречь устными и письменными свидѣтельствами туземцевъ и русскихъ, современниковъ и людей XVII вѣка, послужило для *М.* то обстоятельство, что среди долганъ встрѣчается не мало чисто якутскихъ физіономій; долгана Мани, старшину племени Byĥhigádjadj, *М.*—вполнѣ справедливо,—называетъ наитипичнѣйшимъ якутомъ и портретъ

[1]) *Фишеръ. Сибирская исторія* и т. д., стр. 365.

этого Мани приводитъ въ образецъ чисто якутскаго типа (таблица VI русскаго изданія). Не слѣдуетъ, однако же, думать, что долгане вообще якутовидны; на стр. 689-й *М.* откровенно заявляетъ, что вскорѣ послѣ знакомства съ Мани ему стали встрѣчаться такія лица, что онъ утратилъ способность „отличать любого долгана отъ тунгуса", т. к. „насколько въ физіономіи Мани и во многихъ другихъ легко было замѣтить особый типъ, на столько становилось труднымъ отыскать общія черты, послѣ того, какъ ему встрѣтились такіе экземпляры, какъ Пальковъ (субъектъ рѣзко монголовидный) и другіе".

Мнѣ кажется, что изо всего сказаннаго съ очевидностью вытекаетъ взглядъ на долганъ именно, какъ на *смѣшанное* племя, и притомъ племя тунгузское по основѣ, но сильно объякученное подъ вліяніемъ нѣкоторой примѣси якутскаго элемента. Этотъ элементъ, какъ можно догадываться, составили выходцы изъ сѣверной части Намскаго улуса, т. к. якуты этой мѣстности понынѣ именуются Быжигаджинцами (1-й и 2-й Быжигаджинскіе наслеги). *М.* представляетъ дѣло совершенно иначе: для него долгане прежде всего якуты, т. к. „между кочующими долганами ему чаще всего встрѣчались якутскія физіономіи" [1]); на той-же страницѣ, двумя строчками ниже, *М.* заявляетъ, что „большая часть долганъ—малаго роста"; малый ростъ по *М.* особенность тунгусовъ; какъ-же примирить эти два показанія? и почему мы должны основать свое сужденіе на одной группѣ признаковъ (черты лица), игнорируя всѣ другіе (строеніе тѣла)? Мало того: если большинство долганъ якутовидно и большинство-же малорослo, то очевидно въ этомъ племени извѣстное число особей совмѣщаетъ въ себѣ нѣкоторые якутскіе признаки съ признаками тунгусовъ. Но общая теорія, которой *М.* придерживается на всемъ протяженіи своего труда, не допускаетъ возможности такого сочетанія признаковъ, т. к. по его словамъ „какъ только различные типы народовъ, племенъ или ро-

[1]) Стр. 692.

довъ скрещивались между собою, такъ является возвращеніе или къ типу отца, или къ типу матери“ [1])....

Примѣръ асинцевъ и долганъ показываетъ намъ, съ какой легкостью тунгусы мѣняютъ свой природный языкъ и растворяются въ другихъ народностяхъ. Замѣчательно, однако же, что при этомъ характерныя черты ихъ психическаго типа, повидимому, очень упорно сохраняютъ своеобразный отпечатокъ, рѣзко выдѣляющій тунгусовъ изъ довольно однообразной массы другихъ инородцевъ. Совершенно въ другомъ родѣ, но не менѣе рѣзко обозначенъ психическій типъ лишь одной народности—якутовъ, и никто не успѣлъ охарактеризовать этихъ двухъ типовъ такъ тонко и такъ выпукло, какъ именно *М.*; но тѣмъ не менѣе, совершенно тунгузскій характеръ долганъ, какими ихъ описываетъ *М.*, обходится имъ, какъ обстоятельство не имѣющее значенія.

Въ Туруханскомъ краѣ *М.* встрѣтилъ нѣсколькихъ тунгусовъ Чапогирскаго рода, Ялегринской орды, Малгачагринскаго рода, Тильбянтебульской орды и, наконецъ, Буягирскаго рода. Послѣдніе для меня особенно интересны, такъ-какъ родъ того-же названія существуетъ и на югѣ. У всѣхъ у нихъ, по словамъ *М.*, „были монгольскія лица и широкіе черепа“, но уже Винклеръ, разсматривая вывезенные *М.* изъ этой поѣздки портреты, справедливо замѣтилъ, что „большинство его изображеній носитъ отпечатокъ скорѣе финско-монгольскій“ [2]) и на самомъ дѣлѣ, трудно представить себѣ болѣе типичнаго тунгуса, чѣмъ буягирецъ Савильи, изображенный у *М.* на таблицѣ V-той, но кто-же скажетъ, что это лице типичнаго монгола? Густыя, правильно округленныя брови, рѣзко обозначенная переносица, короткій, прямой носъ съ едва замѣтной горбинкой, наконецъ, не особенно узкіе глаза, прорѣзанные почти прямо,—всѣ эти черты, въ соединеніи съ покатымъ, хотя и довольно широкимъ лбомъ, и съ очень широкими

[1]) Стр. 624.
[2]) *Winkler*, p. 4.

скуловыми дугами, придаютъ лицу Савильи вполнѣ своеобразный характеръ; типичность этой физіономіи дополняется удачно схваченнымъ выраженіемъ какого-то глубокаго спокойствія и внутренней тишины, какъ-бы навѣянной тишиною лѣсовъ, однообразной гладью сѣверныхъ полей и вѣчнымъ сознаніемъ безпредѣльнаго простора родныхъ пустынь. Въ наружности многихъ тунгусовъ меня часто удивляло это внушительное спокойствіе ихъ лицъ, прекрасно гармонировавшее со спокойнымъ достоинствомъ осанки и поступи и со свойственной имъ особой манерой внимательно и вдумчиво слушать. Темпераменту тунгусовъ всѣ путешественники приписываютъ необыкновенную живость, подвижность и впечатлительность, но пока эти качества не имѣютъ повода проявиться, т. е. пока тунгусъ молчитъ, на его лицѣ почти всегда лежитъ обманчивый отпечатокъ невозмутимаго душевнаго равновѣсія. Такой отпечатокъ прекрасно передается портретомъ Савильи и потому изображеніе это мнѣ кажется художественно типичнымъ.

Другой тунгусъ, Прокопій Курбатовъ, съ Нижней Тунгузки, портретъ котораго приведенъ *M.* на той-же V-той таблицѣ, выглядитъ съ виду суровымъ, почти дикимъ, но въ физическихъ чертахъ его лица мы вновь встрѣчаемъ: густыя брови, довольно большіе глаза, короткій, почти прямой носъ съ явственно обозначенной спинкой и сравнительно высокую переносицу. Все это черты вовсе не характерныя для монгольскаго типа.

Вполнѣ монголовидными слѣдуетъ признать лишь два лица: Чапогирской тунгуски Черемокъ и Ивана съ р. Курейки (таблицы IV и V). Такимъ образомъ, основывая свое сужденіе на рисункахъ самого *M.*, мы могли-бы сказать, что среди тунгусовъ Туруханскаго края встрѣчается два типа: одинъ схожій съ широко распространеннымъ по Сибири монголовиднымъ типомъ, а другой—вполнѣ своеобразный, не встрѣчающійся ни у самоѣдовъ, ни у якутовъ (описанія которыхъ даются *M.*), ни у бурятъ, калмыковъ и собственно монголовъ съ ихъ пресловутыми „монгольскими“ лицами.

Описывая свое путешествіе по якутскимъ и амурскимъ краямъ, *М.* сообщаетъ массу свѣдѣній о бытѣ тунгусовъ, объ ихъ нравахъ и характерѣ, повсюду сохранявшемъ свои основныя черты: прямодушія, отваги, достоинства и, на ряду съ этимъ, безпечности, доходящей до легкомыслія. О физическомъ типѣ этихъ, по номенклатурѣ *М.*—южныхъ тунгусовъ, къ сожалѣнію, упоминается только вскользъ; но одинъ родъ—Ниниганьскій, обитавшій въ то время у верховій рѣкъ, впадающихъ въ Олекму, поразилъ *М.* и вызвалъ съ его стороны такое замѣчаніе: „эти Ниниганцы обращали на себя вниманіе чертами лица, отличавшимися отъ физіономіи болѣе *восточныхъ* тунгусовъ, и поразительно напоминали особенности единственнаго семейства Норильскихъ тунгусовъ, которое и на сѣверѣ стояло совершенно особнякомъ между прочими тунгусами. Черты лица ихъ носили на себѣ признаки монгольскаго типа, измѣненные вліяніемъ кавказскаго племени (?). Лице было овальнѣе, скулы менѣе выдавались впередъ, глаза менѣе были прорѣзаны вкось. Да и рѣзко черные волоса, которые особенно выдавались въ высоко-выгнутыхъ, густыхъ бровяхъ, казались иначе, чѣмъ у другихъ, прежде видѣнныхъ мною тунгусовъ: они блестѣли и потому казались еще чернѣе, тогда-какъ у другихъ тунгусовъ были чернобурыя, менѣе густыя брови“ [1]).

Разсмотрѣнные выше портреты Савильи и Прокопія показываютъ, однако, что только-что перечисленные признаки встрѣчаются и на сѣверѣ не только у норильцевъ, но также и у другихъ тунгусовъ, хотя этотъ типъ, по наблюденіямъ *М.*, свойственъ не большинству, а лишь нѣкоторой части сѣвернаго населенія. Таковъ выводъ изъ сообщаемыхъ *М.* фактовъ.... Но не таково его собственное мнѣніе. Тунгусы—подлинные монголы, а тюрки—чуть-ли не арійцы. Если большинство якутовъ монголовидно, то это объясняется очень просто: тюрки на Ленѣ перемѣшались съ тунгусами, а вѣдь потомство, по упоминавшейся выше теоріи *М.*,

[1]) Стр. 732.

всегда *цѣликомъ* воспроизводитъ типъ того или другого изъ предковъ, что не мѣшаетъ, однако-же, существованію такихъ группъ, у которыхъ „признаки монгольскаго типа измѣнены вліяніемъ кавказскаго племени“ и лица которыхъ—„татарскія лица кавказскаго типа“(?)...

Недавно появившійся очеркъ моего ближайшаго сотрудника по экспедиціоннымъ работамъ Н. Л. Геккера,[1]) какъ мнѣ кажется, убѣдительно показываетъ неправильность такого взгляда по отношенію къ якутамъ, монголовидность которыхъ достаточно объясняется ихъ тюркскимъ происхожденіемъ. Теорія *М.*, при современномъ уровнѣ нашихъ знаній о тюркахъ и о монголахъ, кажется чрезвычайно странной, но лѣтъ тридцать тому назадъ она пользовалась широкимъ распространеніемъ. Послѣдователемъ этой теоріи былъ и *Маакъ*, показанія котораго мы теперь и разсмотримъ.

Говоря о вилюйскихъ якутахъ, *Маакъ* выражается такимъ образомъ: „нѣкоторыя лица представляютъ совершенно монгольскій типъ, ясно указывающій на скрещиванье съ тунгусами“, или „попадаются между якутами типы тунгузскіе, т. е. монгольскіе, и наоборотъ, между тунгусами встрѣчаются типы якутскіе, т. е. тюрко-татарскіе[2]).

Частныхъ описаній въ только-что цитированномъ сочиненіи не дается, но въ другомъ своемъ трудѣ[3]) *М—къ* неоднократно передаетъ свои наблюденія надъ физическимъ типомъ встрѣчавшихся ему амурскихъ тунгусовъ.

Въ деревнѣ Князь-Береговой къ путешественнику заявился „рослый, статно сложенный, широкоплечій тунгусъ“ изъ рода князей Гантимуровыхъ, которые, имѣя дворянское званіе, „ничѣмъ, однакоже, не отличались отъ прочихъ тунгусовъ“[4]).

---

[1]) *Н. Л. Геккеръ. Къ характеристикѣ физическаго типа якутовъ.* Записки В. С. О. И. Р. Г. О. т. III, в. 1-й. Иркутскъ 1896 г.

[2]) *Р. Маакъ. Вилюйскій округъ Якутской области.* Ч. III, стр. 82.

[3]) *Р. Маакъ. Путешествіе на Амуръ.* С. Пб. Изд. 1859.

[4]) Пут. на Амуръ. Стр. 25.

На Шилкѣ *М—кз* встрѣтилъ орочоновъ, которыхъ онъ считаетъ прямыми потомками того полуцивилизованнаго тунгузскаго народа, который въ половинѣ XVII-го вѣка былъ подчиненъ князю Лавкаю, а въ 1650 г. подвергся разгрому знаменитой дружины Хабарова. Физическій типъ орочоновъ *М—кз* описываетъ такими чертами: „оленный тунгусъ легко отличается отъ прочихъ своихъ единоплеменниковъ въ особенности сухимъ тѣлосложеніемъ. Отличить оленныхъ тунгусовъ по чертамъ лица гораздо труднѣе и во многихъ случаяхъ совершенно невозможно. Голова у нихъ круглая и у мужчинъ покрыта большею частью черными, длинными, всклокоченными и падающими до плечъ волосами, рѣдко коротко остриженными или длинными, но заплетенными въ косу. Лицо отличается смуглымъ цвѣтомъ и *болѣе или менѣе выдающимися скулами*.... Глаза ихъ маленькіе, цвѣта темнокоричневаго и чернаго, съ рѣдкими бровями. Лобъ низкій; носъ *большею частью* маленькій и плоскій; ротъ средней величины. Они *большею частью* не имѣютъ бороды; мало случается видѣть орочоновъ даже съ рѣдкими волосами на подбородкѣ. Орочоны роста вообще малаго, *хотя между ними и встрѣчаются иногда люди средняго роста, съ весьма крѣпкимъ тѣлосложеніемъ*. Особенно бросаются въ глаза тонкія ихъ конечности. Языкъ орочоновъ тотъ-же самый, который употребляется и у тунгусовъ, живущихъ на отдаленномъ сѣверѣ, около Лены, Оленека и Анабара... Что особенно странно при сличеніи того и другого нарѣчія, это удареніе, которое у сѣверныхъ тунгусовъ бываетъ на предпослѣднемъ, а у здѣшнихъ, большею частью на послѣднемъ слогѣ“ [1]).

Подчеркнутыя мною выраженія указываютъ на то, что и въ этомъ племени не всѣ особи принадлежали къ одному и тому-же типу; къ сожалѣнію *М—кз* не говоритъ, соединялись-ли рѣже встрѣчавшіеся признаки въ однихъ и тѣхъ-же особяхъ, составлявшихъ болѣе или менѣе замѣтное меньшинство, или-же эти призна-

[1]) Ibidem. стр. 46.

ки встрѣчались, такъ-сказать, въ разбивку, не образуя особаго типа, свойственнаго лишь нѣкоторымъ родамъ или отдѣльнымъ лицамъ. Во всякомъ случаѣ, нельзя не обратить вниманія на то, что одна изъ характернѣйшихъ особенностей монгольскаго типа, ширина скулъ, показалась *М—ку* лишь „болѣе или менѣе“ выдающейся у большинства орочоновъ; если-бы ихъ скулы были такъ-же широки, какъ у бурятъ или калмыковъ, то можно думать, что *М—къ* выразился-бы въ этомъ случаѣ болѣе опредѣленно.

Слѣдующее племя, съ которымъ встрѣтился *М—къ* на своемъ пути по Амуру, это манегирцы или, по номенклатурѣ *М—ка*, манягры. О нихъ онъ говоритъ такъ: „манягры, какъ и орочоны, суть потомки лавкаевыхъ тунгусовъ. На верхнемъ Амурѣ Невиръ составляетъ западную границу ихъ распространенія, и вмѣстѣ съ тѣмъ отдѣляетъ ихъ отъ орочоновъ, хотя послѣдніе, не имѣя постояннаго мѣста жительства, часто переходятъ за эту границу. Впрочемъ и манягры, которые постоянно селятся на однажды избранныхъ мѣстахъ, лѣтомъ встрѣчаются на Амурѣ и выше Невира, напримѣръ, на Котаманградѣ; однако-же, они приходятъ сюда только для рыбной ловли и въ концѣ осени всегда возвращаются на свои зимнія становища. Маняґрскія юрты разсѣяны по обоимъ берегамъ Амура, на всемъ протяженіи его отъ Невира до мѣстности, въ которой находится устье Кумары... Это кочующее племя живетъ также въ долинахъ Зеи и Кумары, и, по словамъ амурскихъ манягровъ, населеніе тамъ, особенно на Кумарѣ,—гораздо гуще, чѣмъ въ долинѣ Амура. Относительно формы лица, манягры представляютъ замѣчательныя противоположности: у иныхъ лице широкое, чисто монгольское: маленькій носъ и выдающія скулы; у другихъ—и *такіе попадаются не рѣдко*—лице овальное, черты благородныя, скулы весьма пропорціональныя, носъ длинный, прямой или немного горбатый... Манягры *малорослые*, съ тонкими, какъ у орочоновъ, конечностями, *составляютъ исключеніе;* напротивъ, это—*большею частію люди крѣпкіе, хо-*

рошо сложенные, средняго или даже довольно высокаго роста. Женщины, особенно старыя, часто бываютъ весьма дурны. Впрочемъ, и между ними нерѣдко удается встрѣчать миловидныя и правильныя, по нашимъ понятіямъ, лица. Манягры говорятъ тѣмъже вообще языкомъ, какъ и тунгусы Восточной Сибири“ [1]).

Вѣрный своей теоріи, *М—ка* хочетъ объяснить присутствіе среди манегирцевъ высокорослаго и благообразнаго элемента податливостью манегирскихъ женщинъ и распущенностью манчжурскихъ чиновниковъ, но натянутость такого объясненія, какъ мнѣ кажется, слишкомъ очевидна: *большинство* населенія едва-ли могло усвоить признаки изрѣдка посѣщавшихъ этотъ край чиновниковъ; да помимо того, и сами манчжуры принадлежатъ къ той-же тунгузской расѣ, и ужь конечно не отъ монголовъ и китайцевъ они могли заимствовать овальное очертаніе лица, прямой носъ и т. п. признаки, прямо противоположные извѣстнымъ особенностямъ монгольскаго типа.

Воздерживаясь отъ преждевременнаго теоретизированья и подводя итогъ только фактамъ, которые мы до сихъ поръ нашли у Миддендорфа и Маака, о тунгусахъ можно будетъ заключить, что на дальнемъ сѣверѣ они въ большинствѣ малорослы и монголовидны, но на югѣ, уже при верховьяхъ Амура, въ племени орочоновъ, среди нихъ становится замѣтнымъ присутствіе другого—высокорослаго и сравнительно благообразнаго элемента, не вполнѣ отсутствующаго и на сѣверѣ; на среднемъ теченіи Амура, въ племени манегирцевъ, этотъ высокорослый элементъ, повидимому, весьма близкій къ манчжурскому, уже получаетъ численное преобладаніе. Въ слѣдующемъ далѣе на востокъ племени бираровъ, въ которыхъ „многое,—по словамъ *Маака*,—обличаетъ родство съ маняграми, безъ сомнѣнія составлявшими съ ними прежде одинъ народъ“ и говорящихъ языкомъ совершенно тождественнымъ съ манегирскимъ, сходство съ манчжурами проявляется еще очевид-

[1]) *Пут. на Амуръ.* стр. 68—69.

нѣй. „Тѣ немногіе члены племени бираровъ,—говоритъ *М—кз*,—которыхъ мнѣ удавалось видѣть, представляли и въ формѣ лица и въ общемъ складѣ тѣла гораздо болѣе сходства съ манджурами, чѣмъ съ живущими на Амурѣ орочонами. Широкія, вслѣдствіе сильнаго развитія скулъ, лица, столь обыкновенныя у орочоновъ, въ племени бираровъ мнѣ никогда не встрѣчались". Двоихъ представителей этого племени *М—кз* описываетъ такими чертами: „мужчина—съ тонкими, вытянутыми конечностями, но сильнаго тѣлосложенія, и съ пріятнымъ, весьма выразительнымъ лицемъ, и дѣвушка 15 лѣтъ,... у которой лице было полное и съ весьма пріятными чертами"[1]).

Къ востоку отъ Хинганскаго хребта, по наблюденіямъ *М—ка*, тунгузскія племена представляютъ типъ очень смѣшанный и нарѣчія этихъ племенъ, оставаясь по основѣ тунгузскими, пріобрѣтаютъ разнаго рода особенности, обусловленныя многоразличными вліяніями сосѣднихъ народностей не тунгузской крови.

Такимъ образомъ одного сличенія показаній такихъ предубѣжденныхъ наблюдателей, какъ Маакъ и Миддендорфъ, достаточно для того, чтобы поколебать взглядъ на тунгусовъ, какъ на чистыхъ представителей монгольскаго типа; всѣ манчжуры (т. е. огромное большинство тунгузской расы), нѣкоторые роды, обитающіе на сѣверныхъ скатахъ Станового хребта (нинганцы и тунгусы Щукина) и большая часть племенъ средне-амурскихъ оказываются вовсе не малорослыми, умѣренно скуластыми, и вообще, во многомъ не сходными съ тунгусами сѣвернаго края. Въ виду этого, поставленный Шренкомъ вопросъ о степени сходства или различія сѣверныхъ и южныхъ тунгусовъ пріобрѣтаетъ особый интересъ. Наиболѣе подробное описаніе южныхъ тунгусовъ даетъ самъ Шренкъ[2]), наблюденія котораго распространялись на двѣнадцать мелкихъ племенъ тунгузскаго происхожденія; тринадца-

[1]) *Пут. на Амуръ.* стр. 110.

[2]) *Л. Шренкъ. Объ инородцахъ Амурскаго края.* С. Пб. 1883.

тымъ племенемъ въ кругу описываемыхъ *Ш.* тунгузскихъ народностей были манчжуры. Считая необходимымъ вкратцѣ изложить тѣ выводы, къ которымъ пришелъ въ своемъ трудѣ покойный академикъ, я начну свое перечисленіе съ этого послѣдняго племени.

О физическомъ типѣ *манчжуровъ* *Ш.* не говоритъ ничего новаго; онъ ограничивается указаніемъ тѣхъ особенностей быта и общественнаго строя, въ силу которыхъ самобытность племени быстро исчезаетъ и различія межлу манчжурами и китайцами совершенно сглаживаются; одинъ изъ авторовъ, на которыхъ ссылается *Ш.*, (Нис.) находитъ, что манчжурскій типъ сохранился неприкосновеннымъ у народа *солоновъ*, и потому представляется интереснымъ выяснить по возможности отчетливо типъ этихъ послѣднихъ.

Къ сожалѣнію, на первомъ-же шагу насъ встрѣчаетъ большая трудность: гдѣ границы распространенія солоновъ на сѣверѣ? Центромъ ихъ разселенія можно признать побережья притока Сунгари р. Нонни, но *Ш.* (стр. 49) приводитъ много примѣровъ смѣшенія солоновъ различными наблюдателями то съ манегирцами, то съ даурами, то, наконецъ, съ орочонами. Ихъ племенное имя *Ш.* производитъ отъ тунгузскаго слова *соло*, что значитъ „вверхъ“, также какъ другое названіе, употребляемое для народа, проживающаго ниже по Амуру—хэчженъ, *Ш.* производитъ отъ слова *хычжи*—„внизу“. Чисто географическое значеніе племенныхъ названій и трудность отличить солоновъ отъ представителей другихъ пріамурскихъ племенъ говоритъ въ пользу того, что солоны не представляютъ собой особой разновидности, а являются просто частью манчжуровъ, усвоившей мѣстное названіе, которое для антропологіи имѣетъ не больше значенія, чѣмъ наши: волжане, донцы и т. п. О физическомъ типѣ этого племени *Ш.* отзывается такимъ образомъ: „что касается до *Дауровъ* и *Солоновъ*, то уже старинные миссіонеры восхваляли ихъ высокій ростъ и крѣпкое тѣлосложеніе“ (ссылка на Du Halde. Descrip. de l'Emp. de la Chine, Paris 1735).

Самому *Ш.* среди дауровъ и солоновъ „приходилось наблюдать... совершенно различныя лица,—то съ грубыми, какъ у Монголовъ, то съ положительно тонкими чертами, иногда съ почти четырехугольною, монгольскою формою и т. д., но всегда съ косымъ разрѣзомъ глазъ и жидкою бородою". (Стр. 303).

Народъ *дауровъ*, уже въ XVII в. имѣвшій довольно высокую культуру, перемѣшанъ съ другими туземными племенами еще сильнѣе солоновъ. Въ половинѣ нашего столѣтія дауры заселяли сплошною массой берега Комары, низовья Нонни и ея правые притоки, но въ моментъ прихода русскихъ область ихъ распространенія была гораздо шире. Языкъ ихъ составляетъ нарѣчіе манчжурскаго языка, а ихъ физическій типъ и Маакъ и Шренкъ описываютъ одинаковыми чертами, какъ типъ весьма близкій къ манчжурскому.

Съ сѣвера и съ запада ближайшими сосѣдями дауровъ являются *орочоны*, главная масса которыхъ кочуетъ по лѣвому берегу Амура и по его сѣвернымъ притокамъ; это племя географически связываетъ манчжурскія племена верхняго и средняго Амура съ тунгузскими племенами Якутскаго края; какъ народъ оленеводовъ (самое названіе—орочонъ многіе производятъ отъ *оронъ*—олень), орочоны легко передвигаются на громадныя разстоянія и свободно переваливаютъ черезъ вершины Станового хребта. Въ противоположность Мааку, Шренкъ считаетъ ихъ поздними пришельцами, спустившимися на Амуръ изъ страны, лежавшей на скатахъ Станового хребта; несомнѣнно, что нѣсколько десятковъ орочонскихъ семей переселились на Амуръ изъ Якутской области въ сравнительно недавнее время; такъ въ 20-тыхъ и въ 30-тыхъ годахъ нашего вѣка на обоихъ берегахъ Амура появились выходцы изъ Шологонскаго и изъ Беллѣтскаго родовъ Кангаласскаго вѣдомства; подобнымъ-же образомъ сливаются съ орочонами, какъ элементъ совершенно неразличимый отъ нихъ, тунгусы Олекминскаго и Баргузинскаго края, какъ скоро эти послѣдніе откочевываютъ

на Амуръ. Языкъ орочоновъ, какъ упоминалось выше, тождественъ съ языкомъ приленскихъ тунгусовъ. По заключенію Шренка „они и въ физическомъ отношеніи примыкаютъ непосредственно къ русско-сибирскимъ тунгусамъ. Но, *какъ у этихъ послѣднихъ*, такъ и у нихъ *монгольскій типъ въ строеніи лица выказывается далеко не такъ сильно, какъ у чисто монгольскихъ народовъ*, бурятовъ, калмыковъ, а равно у значительно омонголившихся въ физическомъ отношеніи якутовъ“ (Ссылка на Свербеева и Эрмана, стр. 303).

Выше мы видѣли, что, по мнѣнію Миддендорфа и Маака, монголовидность якутовъ объясняется именно примѣсью тунгузской крови, теперь передъ нами три другихъ свидѣтельства, утверждающія, что подлинные тунгусы гораздо менѣе монголовидны, чѣмъ эти, якобы ими-же омонголенные, якуты... Чѣмъ объясняется такое противорѣчіе одинаково добросовѣстныхъ наблюдателей? Не тѣмъ-ли, что Миддендорфъ, уже не говоря о его предвзятой теоріи, ознакомился съ тунгусами прежде всего на дальнемъ сѣверѣ—въ Таймырскомъ краѣ, а мы уже видѣли на примѣрѣ долганъ, какъ сильно отражалось на его сужденіи первое впечатлѣніе?... Высказавъ мимоходомъ эту догадку, вернусь къ дальнѣйшему изложенію взглядовъ и отзывовъ Шренка.

Ближайшими сосѣдями орочоновъ являются *манегирцы*, занимающіе область р. Зеи. За ними, еще далѣе на востокъ, слѣдуютъ *бирары*,—племя близко родственное манегирцамъ и не имѣющее особаго наименованія, такъ-какъ названіе „бираръ“, по толкованію *Ш.*, значитъ просто—порѣчанинъ (отъ „бира“, „биря“—рѣка, слово превращенное русскими въ собственное имя Бурея). На сѣверѣ нельзя указать границы, которая отдѣляла-бы область бираровъ и манегирцевъ отъ области алданскихъ и олекминскихъ тунгусовъ, такъ-какъ, по справедливому замѣчанію *Ш.*, „Становой хребетъ, водораздѣлъ обширныхъ системъ Амура и Лены, не есть въ то-же время и народораздѣльная линія“. Подобнымъ-же обра-

зомъ на западѣ манегирцы сливаются съ орочонами; различіе между тѣми и другими сводилось уже сорокъ лѣтъ тому назадъ почти исключительно къ образу жизни: орочонами называли тунгусовъ-оленеводовъ, а къ манегирцамъ и бирарамъ причисляли тунгусовъ конныхъ, обитавшихъ въ мѣстностяхъ болѣе низменныхъ и богатыхъ лугами. Однако-же *Ш.* весьма убѣдительно доказываетъ, что замѣна оленей конями совершилась у этихъ инородцевъ сравнительно недавно и что въ началѣ XVII в. ихъ предки еще бродили по скатамъ Станового хребта совершенно также, какъ и нынѣ бродятъ орочоны. Такимъ образомъ едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что эти три племени составляютъ въ сущности одинъ народъ, по своему происхожденію весьма близкій къ тунгусамъ Якутскаго края. Между тѣмъ ихъ физическій типъ показался *Ш—ку* „не очень отличающимся отъ манджурскаго“[1]) и характеристика манегирскаго типа, которая дается у Маака, приводится и *Ш.* безъ всякихъ оговорокъ. Въ виду того, что одинъ изъ манегирскихъ родовъ, Буягирскій, отчасти вошелъ въ составъ Кангаласскаго вѣдомства, можно ожидать, что и тамъ, на сѣверныхъ скатахъ Станового хребта, среди тунгусовъ доженъ встрѣчаться высокорослый, умѣренно монголовидный элементъ, отнюдь не соотвѣтствующій тому представленію о сѣверныхъ тунгусахъ, которое даютъ общія характеристики Миддендорфа и Маака.

Этотъ-же типъ, по всей вѣроятности, преобладаетъ и у *килей*,— народа, обитающаго по р. Куру и до сихъ поръ очень мало извѣстнаго. Слово „кили“ у китайцевъ означаетъ тоже самое, что у насъ слово „тунгусъ“; это общее наименованіе всей расы, а не частное названіе одного племени. Языкъ килей вполнѣ сходенъ съ нарѣчіями ленскихъ тунгусовъ, орочоновъ, бираровъ и манегирцевъ. Въ общемъ: всѣ основанія за то, чтобы причислить этотъ народецъ къ той-же группѣ, какъ и только-что названныя,

[1]) Стр. 302.

болѣе западныя развѣтвленія широко раскинувшагося тунгузскаго племени.

Слѣдуя по теченію Амура далѣе на сѣверо-востокъ, мы встрѣчаемъ народъ *самагирцевъ*, обитающихъ въ системѣ р. Горинъ. Названіе этого племени повторяется въ названіи нѣкоторыхъ родовъ другихъ тунгузскихъ племенъ далеко на западѣ,—вплоть до окрестностей Байкала; но физическій типъ самагирцевъ заставляетъ искать ближайшей связи этого народа не съ западными, а, наоборотъ, съ юго-восточными тунгусами, и всего болѣе—съ племенемъ гольдовъ.

Гольды (нрежніе натки и ачаны) занимаютъ обширное пространство въ началѣ нижняго теченія Амура и по р. Уссури. На западѣ они граничатъ непосредственно съ манчжурами, на востокѣ и сѣверо-востокѣ съ ольчами и орочами. Языкъ ихъ составляетъ нарѣчіе манчжурскаго языка, что является признакомъ, отличающимъ ихъ отъ самагирцевъ, болѣе близкихъ по своему нарѣчію къ сѣвернымъ тунгусамъ. О наружности гольдовъ *Ш.* говоритъ, что „у нихъ тунгусскій типъ обнаруживается сравнительно чисто и сильно.... Тѣлосложеніе ихъ вполнѣ соотвѣтствуетъ.... типическому сложенію сибирскихъ тунгусовъ (вполнѣ монголовидному). Такое-же соотвѣтствіе по большей части наблюдается и въ лицѣ: форма его кругловато-овальная, съ извѣстными монгольскими чертами, а именно—широкими скулами, косо разрѣзанными, узкими глазами, широкимъ, тонкимъ и низкимъ носомъ; все это встрѣчается часто, въ особенности у женщинъ и дѣтей, съ большою рѣзкостью. *Однако, рядомъ съ этими лицами, столь-же часто встрѣчаются другія,* въ которыхъ ширина скулъ меньше, глаза расположены менѣе косо, носъ выше, выпуклѣе, мясистѣе, губы толще, но бороды, какъ и въ первомъ случаѣ, все-таки нѣтъ, или, если она имѣется, то лишь въ видѣ рѣденькихъ усовъ и такой-же бородки. Точно также черепъ гольдовъ то съуживается ко лбу и бываетъ вытянутъ по направленію къ темени, то болѣе

четырехуголенъ, съ широкимъ лбомъ и плоскимъ теменемъ.... *Всѣ черты, болѣе или менѣе уклоняющіяся отъ общаго типа и однако различнымъ образомъ скомбинированныя, объяснять примѣсью того или другого чуждаго элемента, заимствованнаго отъ сосѣднихъ народовъ, нѣтъ никакой возможности.* Навѣрно можно лишь сказать, что юго-западные сосѣди гольдовъ, манчжуры,... обыкновенно имѣютъ болѣе грубыя и рѣзкія черты лица, болѣе высокій и толстый носъ, болѣе мясистыя губы, большій ротъ, болѣе четырехугольную голову, и обыкновенно бываютъ выше ростомъ; глаза у нихъ расположены косо, борода также рѣдкая. Такимъ образомъ второй типъ гольдовъ нѣсколько подходитъ къ манчжурамъ, тогда-какъ первый приближается къ сѣвернымъ тунгусамъ. Нѣкоторыя черты, какъ напримѣръ, изрѣдка попадающійся менѣе косой разрѣзъ глазъ, или немного болѣе густую бороду и т. п., можно отчасти приписать индивидуальности, отчасти примѣси цалэазіатской, и въ особенности гиляцкой крови, полученной гольдами или черезъ посредство ольчей, или прямо отъ гиляковъ и айновъ." [1]).

Ольчи, обитающіе у низовій Амура, въ близкомъ сосѣдствѣ и частью—въ перемежку съ гиляками, несомнѣнно могли заимствовать нѣкоторыя черты отъ нихъ и отъ айносовъ. „По своей внѣшности,—утверждаетъ *Ш.*,—они занимаютъ среднее мѣсто между гиляками и тунгусами. Они обыкновенно болѣе плотнаго и массивнаго тѣлосложенія, чѣмъ послѣдніе, съ болѣе грубыми чертами лица, мало выдающимися скулами, менѣе косымъ разрѣзомъ глазъ и болѣе густою бородою. Разумѣется, между ними есть и лица съ чисто тунгусскимъ типомъ.... Но такъ-какъ и среди гиляковъ, въ числѣ многочисленныхъ оттѣнковъ, встрѣчаются чисто тунгусскія лица, то оказывается невозможнымъ по лицу опредѣлить съ достовѣрностью національность отдѣльныхъ особей." [2]).

[1]) Ibid., стр. 299.
[2]) Ibid., стр. 298.

Изъ цитированнаго мѣста можно было-бы заключить, что гиляки,—народъ не тунгузскаго происхожденія,—сами по себѣ не похожи на монголовъ; но такое заключеніе совершенно не вѣрно. По описанію *Ш—ка* „гиляки вообще средняго, часто даже малаго роста.... Цвѣтъ кожи у гиляковъ всегда болѣе или менѣе желтоватый, часто довольно темный, желтовато-бурый.... Въ чертахъ лица гиляковъ выражается вообще такъ называемый монгольскій типъ: круглое, плоское лицо, низкій лобъ, выдающіяся скулы, косой разрѣзъ глазъ, короткій, не мясистый носъ“.... и т. д.[1]). Правда, наряду съ этимъ преобладающимъ типомъ, у гиляковъ встрѣчаются и другіе, но мы видѣли, что малорослый, монголовидный элементъ не составляетъ большинства ни въ одномъ тунгузскомъ племени Амурскаго края, кромѣ орочоновъ, у которыхъ онъ перемѣшанъ съ элементомъ близкимъ къ манчжурскому. Въ виду этого, присутствіе среди ольчей людей болѣе крупнаго роста и массивнаго сложенія едва-ли требуетъ объясненія смѣшеніемъ этого народа съ племенемъ иной расы. Ольчи, какъ и сходные съ ними сахалинскіе *ороки*, повидимому, сохраняютъ тотъ-же типъ, какъ и прочіе амурскіе тунгусы.

Подобное-же смѣшеніе двухъ уже извѣстныхъ намъ элементовъ замѣчено путешественниками у *негидальцевъ*, обитающихъ по р. Амгуни[2]); но рѣзче всего это смѣшеніе проявляется у народа *орочей*, заселяющихъ приморскую часть уссурійскаго края. Объ орочахъ мы имѣемъ свидѣтельства Лаперуза, Роллена, Шренка и Максимовича. Первые двое выражаются очень рѣшительно: „il n'existe peut-être pas de peuple d'une physiognomie plus eloignée des formes auxquelles nous attachons l'idée de la beauté“ говоритъ Лаперузъ, а Ролленъ называетъ орочей „les hommes les plus laids et le plus chétifs que j'aye vus sur les deux hémisphères“[3]). Максимовичъ и Шренкъ подтверждаютъ эту характери-

[1]) Ibid., стр. 222—234.
[2]) Ibid., стр. 299.
[3]) Ibid., стр. 301.

стику, лишь нѣсколько смягчая рѣзкость выраженій; но тотъ-же Максимовичъ замѣчаетъ, что „на р. Норѣ орочи даже выше средняго роста, красиво сложены, съ пріятнымъ лицомъ и высокимъ носомъ“, а Венюковъ нашелъ орочей менѣе монголовидными и болѣе крѣпкими, чѣмъ прибайкальскіе тунгусы[1])....

Изъ этого краткаго обзора отдѣльныхъ племенъ, какъ мнѣ кажется, вытекаетъ то общее заключеніе, что всѣ тунгузскія народности Амурскаго края обнаруживаютъ свое родство съ манчжурами, такъ какъ среди этихъ народностей или преобладаетъ, или составляетъ добрую половину населенія типъ рослый, умѣренно монголовидный. На крайнемъ западѣ—у орочоновъ—и на крайнемъ востокѣ—у орочей—замѣтнѣе, чѣмъ у другихъ племенъ, присутствіе малорослаго, скуластаго элемента, напоминающаго типъ „сѣвернаго тунгуса“ по характеристикѣ Миддендорфа. Къ „сѣвернымъ тунгусамъ“, вслѣдъ за Миддендорфомъ, Маакъ и Шренкъ причисляли всѣхъ тунгусовъ тогдашней Сибири (т. е. Сибири въ тѣхъ границахъ, которыя она имѣла до Айгунскаго трактата). Однако-же, изъ обстоятельныхъ изслѣдованій Шренка, а частью и изъ бѣглыхъ замѣчаній и нѣкоторыхъ тунгузскихъ портретовъ Миддендорфа, можно заключить, что, и на самомъ дѣлѣ, Становой хребетъ,—какъ замѣтилъ Шренкъ,—водораздѣльная, а не народораздѣльная линія. Въ такомъ случаѣ передъ этнографіей (въ широкомъ смыслѣ этого слова) возникаетъ вопросъ: гдѣ-же пролегаетъ эта народораздѣльная линія? и существуетъ-ли она болѣе или менѣе явственно, или-же одинъ типъ переходитъ въ другой цѣлымъ рядомъ промежуточныхъ формъ?

Самый фактъ рѣзкой противоположности двухъ основныхъ типовъ можно считать твердо установленнымъ, такъ-какъ при обозрѣніи южныхъ племенъ мы постоянно встрѣчали указанія на высокій ростъ, сильную мускулатуру, благообразныя черты лица, тогда какъ на дальнемъ сѣверѣ, по описаніямъ Миддендорфа и новѣйшаго

[1]) Ibid., стр. 302.

путешественника В. Л. Сѣрошевскаго, тунгусы представляются совершенно иными.

Г. Сѣрошевскій много странствовалъ по Колымскому и по Верхоянскому округамъ; въ Якутскомъ округѣ ему извѣстны по личнымъ наблюденіямъ сѣверныя мѣстности, граничащія съ Верхоянскимъ округомъ; южнѣе Амгинской слободы, насколько мнѣ помнится, т. Сѣрошевскій не бывалъ, и потому его описаніе можетъ относиться лишь къ тунгусамъ дальняго сѣвера. „На сѣверѣ, — говоритъ этотъ авторъ[1]), — за внутреннимъ хребтомъ, ближе къ морю, гдѣ якутское населеніе проникаетъ долинами рѣкъ и рѣчекъ далеко въ горныя страны, вліяніе тунгусской и юкагирской (монголо-манджурской) крови, даетъ себя чувствовать болѣе сильно... Сѣверные якуты, гдѣ помѣсь съ тунгусами болѣе значительна, свѣжа и не заглушена приливомъ русской крови, отличаются отъ южныхъ меньшимъ ростомъ, большей худощавостью, большею плоскостью и скуластостью лицъ, меньшимъ размѣромъ глазъ и болѣе косымъ ихъ прорѣзомъ". Далѣе, на стр. 241, дается весьма отчетливое описаніе тунгузскаго типа: „тунгусы и юкагиры, тѣ по крайней мѣрѣ, которыхъ авторъ могъ наблюдать, всѣ были коротко-головы. Лобъ у нихъ широкій, но низкій, бугристый и сильно покатый назадъ. Бровныя дуги сильно развиты, на нихъ жидкія, высоко на лбу приподнятыя брови, расположенныя далеко другъ отъ друга и отъ глазной щели. Глазная впадина мелкая, глазная щель узкая и прорѣзана немного вкось, рѣсницы рѣдкія. Скулы широкія и выдающіяся. Переносица низкая и широкая, носъ небольшой, плоскій, съ толстыми, мало подвижными ноздрями. Отверстіе ноздрей продолговатое, съ поперечнымъ направленіемъ большой оси, дѣлаетъ носъ еще болѣе плоскимъ. Онъ кажется вмѣстѣ съ тѣмъ вздернутымъ такъ, что отверстія его видны почти цѣликомъ при взглядѣ въ лицо. Ротъ сомкнутый, подбородокъ небольшой, острый и характерныя, многоугольныя „тунгусскія" уши съ маленькой мочкой.

[1]) *В. Л. Сѣрошевскій. Якуты.* стр. 239.

Глаза у молодыхъ до того темные, что радужная оболочка сливается со зрачкомъ; у стариковъ они немного выцвѣтаютъ. Блескъ глазъ обыкновенно тусклый, матовый, разгорается только въ минуты сильнаго возбужденія. Черные, жесткіе, прямые волосы, даже длинные не вихрятся, а ложатся прядями. Цвѣтъ кожи—свѣтло-шоколатный, съ просвѣчивающимъ на щекахъ румянцемъ. Но авторъ видѣлъ тунгусокъ, холеныхъ съ дѣтства,... и у нихъ цвѣтъ лица былъ почти бѣлый съ пріятной смуглостью и нѣжнымъ румянцемъ. Тунгусы невысокаго роста, 59—60, худощавы, тонкокостны. Руки и ноги у нихъ маленькія; мышцы рукъ и ногъ.... никогда не отличаются большими размѣрами. Шея тонкая, животъ втянутъ, грудная клѣтка объемистая и высокая. У женщинъ груди малыя, коническія; у дѣвушекъ очень малыя, почти мужскія; у замужнихъ и пожилыхъ сильно отвисшія. Тазъ у женщинъ очень узокъ, мужской..."[1]).

Прочитавъ это описаніе, я не могъ не вспомнить одной верхоянской тунгуски, которую я встрѣчалъ въ г. Якутскѣ. Эта особа вполнѣ подходила подъ описаніе г. Сѣрошевскаго; но замѣчательно, что всѣ тѣ сотни тунгусовъ, мужчинъ и женщинъ, которыхъ мнѣ доводилось видѣть къ югу отъ Охотскаго тракта, также мало подходили подъ только-что приведенную характеристику, какъ и любое не-тунгузское племя. Въ сѣверной части Якутскаго округа извѣстные мнѣ тунгусы соотвѣтствовали приведенной характеристикѣ *нѣкоторыми* существенными чертами,—но далеко не всѣми. Между тѣмъ, г. Сѣрошевскій—наблюдатель несомнѣнно весьма внимательный. Противорѣчіе между его наблюденіями и моими наводитъ на мысль, что сѣверный предѣлъ моихъ экскурсій, лишь не много переходившій за южный предѣлъ путешествій г.

[1]) Почти такими-же чертами описываетъ сѣверныхъ тунгусовъ и Шренкъ (главнымъ образомъ по Миддендорфу). Его личный вкладъ составляетъ лишь указаніе на меньшую выпуклость скулъ и вообще меньшую монголовидность, чѣмъ у настоящихъ монголовъ. Губы тунгусовъ, по Шренку, тонкія, подбородокъ округлый, а не острый. *Шренкъ. Объ инор. Амур. края.* стр. 297.

Сѣрошевскаго, болѣе или менѣе соотвѣтствуетъ дѣйствительно существующей народораздѣльной линіи и что линія эта пролегаетъ значительно сѣвернѣй Станового хребта. Ниже будетъ показано, что измѣренные мною тунгусы олекминскихъ и кангаласскихъ родовъ: во первыхъ, составляютъ расу чрезвычайно однородную, съ рѣзко выраженнымъ общимъ типомъ, и во-вторыхъ,—что этотъ типъ носитъ всѣ признаки близости изслѣдованныхъ группъ къ высокорослому, умѣренно монголовидному населенію Амурскаго края; съ другой стороны,—*всѣ* тунгусы разныхъ родовъ, измѣренные мною на Уланахѣ, т. е. въ сѣверной части края, оказались элементомъ также весьма однороднымъ, но только совсѣмъ иного типа,—болѣе близкаго къ типу сѣверянъ по описаніямъ Миддендорфа и Сѣрошевскаго. Не невозможно допустить, что послѣдній авторъ, подъ вліяніемъ теоріи Миддендорфа, а частью, быть можетъ, уступая требованіямъ художественнаго темперамента, слишкомъ обобщилъ сплошное преобладаніе отмѣчаемыхъ имъ особенностей и, въ безсознательномъ стремленіи къ пластической выпуклости изображенія, подчеркнулъ кое-какія черты ужъ слишкомъ рѣзко. Это предположеніе вызывается во мнѣ разсказами уланахскихъ жителей о верхоянскихъ тунгусахъ, среди которыхъ, въ видѣ исключенія, встрѣчаются рослыя и благообразныя *семьи*. Такъ за годъ до моей поѣздки, какъ мнѣ передавали, въ окрестностяхъ Уланаха появилось человѣкъ семь верхоянцевъ, рослыхъ и красивыхъ, которымъ мѣстные тунгусы съ удивленіемъ говорили: „по языку вы намъ братья, а съ виду—совсѣмъ чужой народъ“.... Миддендорфъ также упоминаетъ о *семьѣ* Норильскихъ тунгусовъ, поразившихъ его особенностями своего типа; тунгусъ Савильи, котораго я нахожу такимъ типичнымъ, принадлежитъ къ Буягирскому роду, т. е. къ роду южнаго происхожденія. Всѣ эти факты дѣлаютъ вѣроятнымъ предположеніе, что на дальній сѣверъ проникаютъ одиночныя семьи южанъ, сохраняющихъ свой типъ болѣе или менѣе упорно, тогда-какъ масса туземнаго насе-

ленія всѣхъ племенъ: якуты, русскіе, тунгусы и юкагиры,—всѣ отличаются малымъ ростомъ (разумѣется, не безъ исключеній въ частностяхъ), уступая въ этомъ отношеніи своимъ соплеменникамъ изъ болѣе южныхъ мѣстностей[1]). Эта малорослость сѣвернаго населенія *вообще*[2]), а не однихъ сѣверныхъ тунгусовъ, вызываетъ мысль о смѣшеніи здѣшнихъ народностей съ нѣкоторымъ древнимъ, искони туземнымъ элементомъ, утратившимъ нѣкогда свой языкъ и свою національность такимъ-же образомъ, какъ нынѣ утрачиваютъ ее на нашихъ глазахъ сами тунгусы. Называть этотъ элементъ именно тунгузскимъ, какъ мнѣ кажется, нѣтъ основаній въ виду того, что большинство тунгусовъ также мало похожи на сѣверянъ, какъ москвичъ на амгинскаго „Макара", извѣстнаго всему читающему люду по разсказу г. Короленко.

Высокорослый элементъ, какъ показываютъ мои измѣренія и сообщаемыя ниже преданія майцевъ и кангаласцевъ, надвигался съ юга, пользуясь, какъ путемъ своего распространенія, теченіемъ рѣкъ, связывающихъ своими притоками бассейны Лены и Амура. Главную роль при этомъ должна была съиграть р. Олекма, такъ-какъ ея верхніе притоки сплетаются съ притоками р. Витима на западѣ и съ притоками Шилки на югѣ, тогда-какъ въ своемъ среднемъ теченіи та-же Олекма лишь узкимъ Алданскимъ хребтомъ отдѣляется отъ верховій рр. Амги и Алдана, протекающихъ далеко на сѣверо-востокъ. Въ силу этого именно при-олекминскіе тунгусы должны сохранять наиболѣе тѣсную связь со своими амурскими родичами, представляя собой какъ-бы этнографическій мостъ между населеніемъ Амурскаго края и населеніемъ обширныхъ сѣверныхъ пространствъ, пересѣкаемыхъ правыми притоками Лены.

Съ другой стороны, широкая распространенность на сѣверномъ

[1]) Въ ожиданіи подробныхъ свѣдѣній о русскихъ колымчанахъ отъ г. Богораза, можно указать на прекрасную статью г. Рябкова „Очерки населенія Колымскаго края".

[2]) Высокій ростъ чукчей и коряковъ нисколько не противорѣчатъ излагаемой теоріи, такъ-какъ американское происхожденіе чукчей можно считать почти доказаннымъ, я-же говорю о древнѣйшихъ *аборигенахъ* сѣверной Азіи.

побережьѣ Тихаго океана крайне малорослой, тщедушной расы, констатированная для древнѣйшаго времени еще китайскими историками[1]), подтверждается наблюденіями многихъ позднѣйшихъ путешественниковъ, преимущественно англійскихъ и русскихъ. Вопросомъ можетъ являться только то, принадлежатъ-ли малорослыя племена сѣверо-востока къ разрозненнымъ остаткамъ одной первобытной расы, или-же въ этихъ мѣстахъ существовало и раньше нѣсколько расъ, сходныхъ по своему малому росту, но различныхъ по другимъ особенностямъ. Послѣднее предположеніе не покажется невѣроятнымъ, если вспомнить великое разнообразіе языковъ сѣверо-восточнаго приморья,—по заключенію авторитетныхъ изслѣдователей, языковъ вполнѣ самостоятельныхъ, каковы: юкагирскій, ительменскій, гиляцкій и айносскій. Предположеніе Шренка о существованіи расъ пале-азіатскихъ мнѣ кажется въ высшей степени вѣроятнымъ, и безъ помощи этой гипотезы я затрудняюсь найти объясненіе бьющей въ глаза противоположности типовъ сѣверныхъ и южныхъ тунгусовъ. Наоборотъ, допустивъ вслѣдъ за Шренкомъ, что нѣкоторая пале-азіатская раса (или расы) постепенно отодвигалась передъ натискомъ болѣе свѣжихъ племенъ къ окраинамъ материка: на острова, полуострова и на дальній сѣверъ, мы должны допустить и то, что эта раса на окраинахъ являлась болѣе однородной, сплошной и устойчивой въ сохраненіи своихъ антропологическихъ особенностей. Если мѣстами она сохранила даже древній языкъ своихъ предковъ, то въ болѣе широкомъ районѣ,—на крайнемъ сѣверѣ вообще, она никакъ не могла исчезнуть совершенно безслѣдно. Смѣшавшись съ пришельцами, утративъ національное самосознаніе и усвоивъ чуждый языкъ, древняя раса, если она дѣйствительно существовала, должна была передать свой типъ населенію окраинъ съ гораздо большей полнотой и отчетливостью, чѣмъ въ глубинѣ материка, откуда ея представители бы-

[1]) *Gustave Schlegel. Problèmes géographiques.* Les peuples étrangers chez les historiens chinois. Leide, 1893. v. IV, № 4.

ли оттѣснены столѣтіями раньше. Въ началѣ XVII в. населеніе Верхоянскаго края говорило на тунгузскомъ языкѣ, населеніе Колымскаго края—частью на тунгузскомъ, частью на юкагирскомъ; въ наше время юкагирскій языкъ почти вымеръ, область распространенія тунгузскаго языка сильно сократилась и большая часть жителей говорятъ по якутски, но физическій типъ сѣверныхъ „якутовъ", по свидѣтельству г. Сѣрошевскаго, ясно указываетъ на примѣсь туземнаго элемента... Пройдутъ вѣка; жители сѣвера будутъ говорить уже по русски; но ихъ типъ, по всей вѣроятности, сохранитъ въ себѣ еще многое изъ того антропологическаго наслѣдства, которое было завѣщано въ доисторическую эпоху позднѣйшимъ пришельцамъ исконными обитателями края. Въ извѣстный историческій моментъ владѣльцами завѣщаннаго наслѣдства являлись тунгусы, нынѣ ими являются сѣверные якуты, въ будущемъ-якутовъ смѣнятъ русскіе, но самое наслѣдство переходитъ отъ владѣльца къ владѣльцу, мѣняя названія, но сохраняя свою сущность. Съ точки зрѣнія этой общей теоріи, т. е. рѣзко разграничивая преходящее и условное понятіе народности отъ устойчиваго понятія расы, противорѣчія въ описаніи тунгусовъ перестаютъ казаться странными; скорѣе наоборотъ: они являются лишь подтвержденіемъ гипотезы Шренка.

На предыдущихъ страницахъ представлено достаточно доказательствъ существеннаго различія сѣверныхъ и южныхъ тунгусовъ по литературнымъ характеристикамъ; теперь мнѣ предстоитъ показать, какъ отражается давно замѣченная наблюдателями противоположность тунгузскихъ типовъ въ цифрахъ антропометрическаго изслѣдованія.

О времени и мѣстѣ изслѣдованій уже говорилось въ предисловіи и къ сказанному раньше мнѣ остается добавить лишь нѣсколько словъ о технической сторонѣ дѣла.

Главнымъ руководствомъ при работѣ для меня служила ин-

струкція Брока съ добавленіями пр. Богданова[1]). Этой инструкціей рѣшили руководствоваться безъ всякихъ отступленій всѣ члены якутской экспедиціи, предполагавшіе заниматься антропометрическими измѣреніями (Н. А. Виташевскій, Н. Л. Геккеръ, В. И. Іохельсонъ и я). Нѣкоторое знакомство съ пріемами измѣреній лично мнѣ удалось получить еще въ ранней юности отъ покойнаго В. Н. Майнова во время его работъ по изслѣдованію приволжской мордвы. Дальнѣйшимъ ознакомленіемъ съ техникой предстоявшаго дѣла мы (якутскіе экскурсанты) обязаны Д. А. Клеменцу. Подготовительной школой для насъ служили опыты измѣреній, производившіеся въ началѣ 1894 г. въ Якутскомъ музеѣ и имѣвшіе своей ближайшей цѣлью установленіе вполнѣ однообразныхъ пріемовъ работы у всѣхъ практикантовъ. Иногда въ этихъ опытахъ принимали участіе мѣстные ветеринарные врачи: Г. Л. Кондаковъ и С. Я. Дмитріевъ и двое изъ моихъ товарищей: Ф. Я. Конъ и А. А. Синовичъ. Общими силами названныя лица установили схему измѣреній, описаній и вопросовъ и выработали форму записного листа[2]).

При установленіи общаго плана работъ, я считалъ необходимымъ заблаговременно подвергнуть выработанныя нами программы критикѣ Д. Н. Анучина, практическими указаніями котораго (сообщенными въ письмѣ отъ 1-го Августа 1894 г.) я впослѣдствіи воспользовался, насколько это было возможно, при своихъ экскурсіяхъ.

Инструменты, при помощи которыхъ производились измѣренія: складной метръ, толстотный и скользящій циркули и метрическая лента получены мною отъ Д. А. Клеменца, а большой толстотный циркуль, употребительный въ зоометріи и весьма удобный для измѣренія разстоянія верхнеплечевыхъ отростковъ и подвздошныхъ

[1]) *„Извѣстія“* Антропологическ. Отдѣленія Общ. Люб. Естеств. при И. М. Универс. т. I, 1865 г.

[2]) Образецъ этого листа приведенъ въ брошюрѣ Н. Л. Геккера „Къ характеристикѣ физич. типа якутовъ“.

гребней, былъ переданъ въ мое пользованіе Н. А. Виташевскимъ, получившимъ этотъ инструментъ, если не ошибаюсь, отъ барона Толя.

Условія измѣреній были вполнѣ благопріятны лишь въ одномъ случаѣ: въ г. Олекминскѣ, при изслѣдованіи киндигирцевъ и хахагинцевъ; измѣренія производились на этотъ разъ въ благоустроенномъ русскомъ домѣ, гдѣ снарядъ былъ прочно прикрѣпленъ къ отвѣсной стѣнѣ; моими помощниками при работѣ въ этомъ случаѣ являлись: Г. Л. Кондаковъ и учитель Чекурской народной школы Н. М. Поповъ.

На Уланахѣ и по сосѣдству съ ними—на урочищѣ Этерджяхъ измѣренія производились въ якутскихъ юртахъ; снарядъ прикрѣплялся къ одному изъ опорныхъ столбовъ юрты; записывалъ цыфры подъ мою диктовку Н. Ф. Казакевичъ, а наблюденіе за правильнымъ положеніемъ снаряда имѣлъ служащій Т-ва Е. Олесовъ.

Въ окрестностяхъ Усть-Майскаго селенія, въ юртѣ старосты 2-го Эжанскаго рода Якима Бубякина, мнѣ пришлось работать одному, но это оказалось настолько неудобно, что я прекратилъ работу, изъ опасенія за точность получаемыхъ данныхъ, измѣривъ всего пять человѣкъ.

Кангаласскихъ тунгусовъ измѣрять приходилось уже въ урасахъ; снарядъ подвѣшивался къ одной изъ наклонныхъ жердей урасы при помощи ремешковъ; съ задней стороны, чтобы предотвратить выгибаніе складного метра, къ нему плотно прилаживалась какая-нибудь доска, закрѣпляемая въ устойчивомъ положеніи посредствомъ клиньевъ и подпорокъ; возиться съ установкой снаряда приходилось обыкновенно довольно долго, да и послѣ, во время работы, надо было посматривать, чтобы доска не шевельнулась, чтобы метръ не сдвинулся и не изогнулся. Помощниками въ наблюденіи за правильнымъ положеніемъ доски и въ записываньи данныхъ при этой экскурсіи являлись: о. Іоаннъ Поповъ и псаломщикъ И. А. Поповъ.

Тунгусы въ общемъ относились къ измѣреніямъ безъ предубѣжденія, хотя въ отдѣльныхъ случаяхъ и проявлялась нѣкоторая опасливость. Одинъ изъ эжанцевъ, когда дошла до него очередь, стремительно выбѣжалъ изъ юрты, вскочилъ на коня,—и былъ таковъ.... Напрасно другіе тунгусы, столпившись за порогомъ, махали руками, кричали и со смѣхомъ звали его назадъ,—перепуганный малый даже не оборачивался. Иногда молодые люди нѣсколько мялись, все подумывая о солдатчинѣ; женщины и дѣвушки подчасъ кобенились, а можетъ быть и вправду стыдились, но старики,—элементъ благоразумный,—обыкновенно безъ особаго труда успѣвали разсѣять опасенія молодежи; чаще всего они первыми становились подъ мѣрку и охотно отвѣчали на всѣ распросы. Казалось:—имъ даже нравится, что вотъ и ими кто-то интересуется.

При измѣреніяхъ, подвергавшійся изслѣдованію субъектъ становился подъ мѣрку разутый, скинувъ верхнюю куртку; при измѣреніи груди, субъектъ поднималъ рубашку и держалъ ея край, поднявъ свои руки надъ головой; лента накладывалась непосредственно подъ мышками; у женщинъ эта величина бралась по рубашкѣ со скидкой одного сантиметра при записи цифры.

Въ остальномъ пріемы работы не отступали отъ общепринятыхъ и потому не требуютъ особыхъ оговорокъ.

Предполагая заняться подробною разработкою собранныхъ мною данныхъ впослѣдствіи, когда обстоятельства позволятъ надѣяться на полное изданіе трудовъ якутской экспедиціи, въ настоящемъ очеркѣ я ограничусь группировкой лишь нѣкоторыхъ, наиболѣе существенныхъ данныхъ и вычисленіемъ только трехъ указателей: головного, лицевого и грудного. Въ группировкѣ данныхъ, для большей наглядности вывода, я располагаю родовыя группы въ порядкѣ ихъ слѣдованія съ юга на сѣверъ, а элементы каждаго ряда—въ порядкѣ нисходящаго роста.

Сберегая мѣсто, всѣ указатели и среднія я ввожу въ общую таблицу, тутъ-же обозначая буквами „м. я.“ и „б. я.“ примѣсь якутской крови черезъ мать или черезъ бабушку. При вычисленіи среднихъ роста, я сначала не исключалъ стариковъ, такъ-какъ ихъ въ числѣ измѣренныхъ немного, да и ростъ ихъ въ общемъ лишь немногимъ ниже средняго роста ихъ со-родниковъ такъ, что заключительная средняя, получившаяся при первомъ подсчетѣ, оказалась только на четыре миллиметра ниже той, которая получилась при второмъ подсчетѣ, т. е. при исключеніи изъ ряда всѣхъ лицъ 60-ти лѣтъ и болѣе.

См. общую таблицу.

Въ шести группахъ олекминскихъ, майскихъ и кангаласскихъ тунгусовъ, какъ показываютъ цыфры приведенной таблицы, наблюдается большое однообразіе всѣхъ особей каждаго отдѣльнаго рода и довольно правильная послѣдовательность въ пониженіи среднихъ *роста* по родамъ. Для 86-ти особей отдѣла *A.* средняя 162,7 оказывается выше минимальной—152,5 на 102 миллиметра и ниже наибольшей—177,6 на 149 миллиметровъ.

Если мы обратимъ вниманіе на численность особей того или иного роста, то увидимъ, что только 8 человѣкъ имѣютъ ростъ ниже 155,1 сант. и 6 человѣкъ выше 170 сант. такъ, что колебанія роста огромнаго большинства измѣренныхъ не выходятъ изъ предѣловъ 155,1—170,0 сант., а предѣлы колебаній всей группы удаляются лишь на 251 миллиметръ.

У 137-ми якутовъ, измѣренныхъ Н. Л. Геккеромъ, ростъ колеблется въ предѣлахъ 177,4—132,0 сант., т. е. даетъ разницу въ 454 м.м., хотя г. Геккеръ не вводилъ въ свои таблицы стариковъ свыше 60-ти лѣтъ отъ роду[1]). Средняя роста для якутовъ

[1]) Для сравненія привожу цыфры колебаній роста у нѣкоторыхъ другихъ народностей, заимствуя данныя у *Топинара:*

73 англичанина . . . . 241; (возрастъ 18—67 л.; измѣренія Райверса).
100 ливонцевъ . . . . 230; („ 19—68 „ „ Вальдауера).
60 леттовъ . . . . . 270; („ 19—55 „ „ Вебера).

Общая таблица главныхъ измѣреній и указателей.

№ по порядку.	Родъ. Имя. Отчество.	Лѣта.	Ростъ.	Объемъ груди.	Переднe-заднiй діаметръ наибольшій.	Поперечный діаметръ наибольшій.	Вся длина лица.	Разстояніе скуловыхъ дугъ.	Указатели. Грудной.	Головной.	Лицевой.	Примѣчанія.
			мм.		мм.	мм.						
	А.											
	Олекминскій округъ.											
	I. *Хахальинскій родъ.*											
1	Вас. Андр. Габышевъ 2-й	27	1776	910	195	163	—	—	51,24	83,59	—	
2	Василій Андреевъ	20	1708	940	200	166	186	155	55,08	88,00	83,33	
3	Афанасій Савинъ	35	1688	845	192	162	180	150	50,06	84,37	83,33	
4	Иннокентій ?	20	1668	870	199	153	181	150	52,16	76,88	82,87	
5	Евсей Николаевъ	27	1659	895	200	163	170	155	53,95	81,50	91,18	
6	Вас. Андр. Габышевъ 1-й (Братъ № 1-го).	30	1652	910	197	165	202	155	55,08	83,76	76,73	
7	Якимъ Николаевъ	25	1610	878	195	163	165	147	51,04	83,59	89,09	
8	Ник. Вас. Габышевъ	72	1606	855	190	155	200	146	53,23	81,56	73,00	
9	Петръ ?	15	[1]	[2]	200	158	181	150	55,34	79,00	82,87	
	Итого		13367	7103	1768	1448	1465	1208				Средніе указатели опредѣлены по суммарнымъ числамъ; такъ головной указатель $\frac{1448\times100}{1768}$ — 81,90
	Средняя		167,9 [3]	88,8 [4]	19,6	16,1	18,3	15,1	53,14	81,90	82,46	
	II. *Кындигирскій родъ.*											
10	Петръ Николаевъ	30	1701	928	192	160	170	150	54,55	83,33	88,24	
11	Семенъ Дмитріевъ	57	1700	880	189	161	192	156	51,76	85,19	81,25	*б. я.*
12	Филиппъ ?	18	1660	845	188	156	—	144	50,90	82,98	—	
13	Яковъ Максимовъ	35	1618	864	185	153	187	149	53,46	82,76	79,68	
14	Василій Ивановъ	50	1600	900	186	157	187	151	52,94	84,41	80,75	
15	Прокопій Максимовъ	50	1597	873	186	155	186	154	54,66	83,33	82,79	
	Итого		9876	5290	1126	942	922	904				Средній лицевой указатель выведенъ съ исключеніемъ изъ ряда № 12-го, по числамъ $\frac{760\times100}{922}$ — 82,43
	Средняя		164,6	88,1	18,8	15,7	18,4	15,1	53,56	83,66	82,43	
	Якутскій округъ.											
	III. *Майское вѣдомство* [5].											
16	Иванъ Еремѣевъ Ивановъ	80	1673	920	195	155	180	150	54,98	79,49	83,33	
17	Дмитрій Ник. Прокопьевъ	29	1667	905	196	160	208	154	54,29	81,63	74,04	*м.* и *б. як—ки*
18	Ивана Еремѣева сынъ	19	1651	865	190	149	175	145	52,39	78,42	82,86	
19	Денисъ Прокопьевъ	70	1636	910	191	168	201	155	55,62	87,96	77,11	
20	Якимъ Бубякинъ	50	1616	950	193	169	191	156	58,78	87,56	81,68	*м. я.*
21	Зотикъ Рѣшетниковъ	43	1600	890	194	162	194	152	55,63	83,51	78,35	*м.* и *б. я—ки.*
22	Петръ Перечинъ	57	1564	895	196	161	191	145	57,22	82,14	75,92	
	Итого		11407	6335	1355	1124	1340	1057		[8]		
	Средняя		162,9 [6]	90,5 [7]	19,4	16,1	19,1	15,1	55,54	82,96	78,88	
	Кангалласское вѣдомство.											
	IV. *Бунгирскій родъ.*											
23	Петръ Самсоновъ 1-й	52	1684	923	199	163	197	154	54,81	81,91	78,17	*м.* и *б. я -ки.*
24	Павелъ Гавриловъ	40	1673	950	187	161	190	155	56,78	86,09	81,58	*м. я.*
25	Егоръ Ивановъ	25	1659	892	182	155	182	147	53,77	85,16	80,77	
26	Егоръ Петровъ	20	1650	850	193	165	182	149	51,51	85,49	81,87	
27	Петръ Самсоновъ 2-й (Братъ № 23-го).	43	1647	900	192	156	201	152	54,68	81,25	75,62	
28	Кириллъ Петровъ	49	1598	800	190	157	181	152	50,06	82,68	83,98	
29	Иванъ Петровъ	44	1595	860	198	153	173	150	53,91	77,27	86,70	
30	Петръ Тимофеевъ	45	1580	848	193	158	177	147	53,67	81,86	83,05	
31	Алексѣй Петровъ	38	1570	780	185	154	187	147	49,68	83,24	78,61	
32	Иванъ Тимофеевъ	30	1566	855	195	155	186	154	54,59	79,49	82,79	
	Итого		16222	8658	1914	1577	1856	1507				
	Средняя		162,2	86,5	19,1	15,8	18,6	15,00	53,11	82,34	81,19	
	V. *2-й Беллетскій родъ.*											
33	Григорій Гермогеновъ	19	1756	930	192	161	172	155	52,96	83,85	90,12	
34	Петръ Павловъ	37	1708	922	193	158	192	154	53,98	81,86	80,21	*м. я.*
35	Афанасій Анабы	30	1687	920	192	151	195	144	54,53	78,64	73,84	*м. я.*
36	Петръ Прокопьевъ	35	1687	860	192	148	183	140	50,48	77,05	76,49	
37	Михаилъ Кирилинъ	43	1679	940	193	166	190	159	55,98	86,01	83,68	
38	Петръ Алексѣевъ	25	1673	890	188	160	188	150	53,19	85,10	79,79	
39	Павелъ Ивановъ	23	1668	860	182	156	178	143	51,50	85,71	80,44	
40	Петръ Александровъ	26	1662	915	190	166	187	161	55,05	87,37	86,09	
41	Степанъ Павловъ	28	1657	913	196	162	188	155	55,09	82,65	82,45	
42	Петръ Кириловъ	42	1655	888	191	162	196	159	53,65	84,81	81,12	*м. я.*
43	Прокопій Алексѣевъ	28	1655	940	198	168	188	157	56,79	84,84	83,51	
44	Николай Павловъ [9]	56	1652	950	215	162	205	161	57,50	75,35	78,54	*м. я.*
45	Павелъ Павловъ 1-й	24	1652	845	188	157	191	150	51,15	83,51	78,53	*м. я.*
46	Петръ ?	33	1650	870	198	161	191	150	52,42	81,81	78,51	
47	Прокопій Ивановъ	43	1648	890	184	161	176	145	53,39	82,06	82,39	*б. я.*
48	Маркъ Іонинъ	26	1647	900	193	171	182	154	54,03	88,60	84,67	
49	Иннокентій Алексѣевъ	27	1646	875	193	161	183	150	53,16	83,42	81,97	
50	Алексѣй ?	22	1639	913	195	157	168	153	55,70	80,51	91,07	
51	Николай Ивановъ	30	1635	925	194	165	186	152	56,57	85,45	81,72	
52	Михаилъ Алексѣевъ	23	1630	900	191	161	199	148	55,21	84,29	74,37	*м.* и *б. я—ки.*
53	Петръ Ивановъ	55	1618	900	200	151	178	148	55,62	75,50	83,15	
54	Павелъ Мартыновъ	55	1613	928	198	157	181	144	57,59	79,29	79,56	
55	Давидъ Александровъ (Братъ № 40-го).	30	1613	850	193	162	180	160	52,69	83,95	88,88	
56	Александръ Николаевъ	60	1610	893	196	163	180	151	55,46	83,16	83,88	*м. я.*
57	Владиміръ ?	48	1608	910	193	162	173	152	56,59	83,91	87,86	
58	Павелъ Александровъ (Сынъ № 56-го).	27	1607	840	187	159	187	152	52,27	85,04	81,28	
59	Павелъ Гермогеновъ	60	1603	980	196	156	193	157	61,13	79,59	81,35	*м. я.*
60	Илья ?	23	1595	845	187	155	167	146	52,98	83,12	87,42	
61	Іона Тихоновъ	50	1594	870	193	168	172	158	54,58	87,04	91,86	
62	Терентій Александровъ (Сынъ № 56-го).	24	1590	860	183	167	172	160	54,09	91,26	93,02	
63	Степанъ Гермогеновъ (Сынъ № 73-го).	36	1587	900	195	162	180	155	56,71	83,08	86,11	*м. я.*
64	Иванъ Федоровъ	60	1583	880	190	151	181	143	55,59	79,47	79,01	*м. я.*
65	Алексѣй Николаевъ	60	1574	875	188	152	183	145	55,59	80,85	79,23	*м. я.*
66	Илья Петровъ	35	1563	850	192	154	172	142	54,48	80,21	82,56	
67	Павелъ Павловъ 2-й	50	1557	840	191	152	187	156	53,95	79,58	83,42	*м. я.*
68	Илья Гермогеновъ	34	1557	862	186	157	175	145	55,96	84,41	82,86	
69	Иванъ Алексѣевъ	30	1554	835	192	156	178	145	53,78	81,25	81,46	*м.* и *б. я—ки.*
70	Федоръ Тарасовъ	72	1550	860	193	156	189	160	55,48	80,82	84,65	
71	Афанасій Павловъ	30	1546	920	193	156	187	151	59,51	80,82	80,75	*м.* и *б. я—ки.*
72	Прокопій Гермогеновъ (Сынъ № 73-го).	32	1540	945	199	163	167	152	61,36	81,81	91,02	
73	Иванъ Гермогеновъ	65	1539	930	192	161	190	154	60,43	83,85	81,05	
74	Василій Михайловъ	30	1530	910	177	160	179	150	59,48	90,39	83,79	*м.* и *б. я—ки*
75	Петръ Абрамовъ	60	1525	870	188	157	199	147	57,05	83,51	73,87	*м. я.*
	Итого		69542	38399	8260	6851	7888	6513		[14]		
	Средняя		161,7 [10]	89,3 [11]	19,2	15,9	18,3	15,1	55,22	82,94	82,57	

[1]) Ростъ ~1554 мм. [2]) Объемъ груди ~860 мм. [3]) При исключеніи старика ровно 168,10. [4]) При томъ-же условіи—89,2. [5]) №№ 16-й и 18-й—1-го Эжанскаго рода; всѣ остальные 2-го Эжанскаго. [6]) При исключеніи двоихъ стариковъ—162,80 [7]) При томъ-же условіи—90,00. [8]) При томъ-же условіи -55,03. [9]) Надбровныя дуги необыкновенно выпуклы; мускулатура замѣчательно крѣпкая; голова огромная. [10]) При исключеніи семи стариковъ 162,17. [11]) При томъ-же условіи -89,2. [12]) При томъ-же условіи- 54,81.

№ по порядку.	Родъ. Имя. Отчество.	Лѣта.	Ростъ.	Объемъ груди.	Передне-задній діаметръ наибольшій.	Поперечный діаметръ наибольшій.	Вся длина лица.	Разстояніе скуловыхъ дугъ.	УКАЗАТЕЛИ. Грудной.	Головной.	Лицевой.	Примѣчанія.
	VI. *Разныхъ родовъ* [1].											
76	Дмитрій Николаевъ	23	1711	940	191	158	177	152	54,94	82,78	85,87	
77	Петръ Михайловъ	50	1692	850	197	157	195	146	50,23	79,69	75,13	
78	Николай Ник. Петровъ	34	1687	870	200	160	187	152	51,57	80,00	81,28	
79	Илья Михайловъ	48	1683	854	189	157	197	150	50,75	83,07	76,14	
80	Павелъ Алексѣевъ	27	1635	880	193	160	183	145	53,88	82,90	79,23	
81	Николай Петровъ	68	1630	910	200	160	210	156	55,82	80,00	74,20	
82	Адамъ Адам. Семеновъ	46	1604	895	202	162	188	153	55,45	80,19	81,78	
83	Михаилъ Кирилинъ	40	1587	878	191	161	190	151	55,32	84,29	79,47	
84	Никифоръ Петровъ	16	1587	763	182	157	183	157	48,07	86,26	85,79	
85	Павелъ Яковлевъ	30	1563	900	188	160	188	145	57,58	85,11	77,11	
86	Павелъ Филипповъ	51	1550	928	201	162	187	152	59,87	80,58	81,28	
87	Петръ Семеновъ	36	1550	900	191	153	185	143	58,07	80,10	77,29	
	Итого		19479	10568	2325	1907	2270	1802				
	Среднія		162,3 [2]	88,1 [3]	19,4	15,9	18,9	15,0	54,25 [4]	82,02	79,38	
	ВСЕГО		139893	76353	16748	13849	15739	12991				
	Въ среднемъ		162,7	88,8	19,2	15,9	18,5	15,1	54,58	82,69	81,62	
	При исключеніи 11-ти стариковъ		122364	66470								
	При томъ-же условіи въ средн.		163,1	88,6					54,32			
	Б.											
	VII. *Съверныхъ родовъ* [5].											
88	Семенъ Кипріановъ	20	1604	880	186	155	175	143	54,86	83,34	81,72	
89	Монтрой (Слѣпцовъ)	24	1604	860	187	153	181	143	53,68	81,81	79,00	
90	Иванъ Афанасьевъ	40	1595	900	192	163	197	147	56,42	84,37	74,11	
91	Максимъ Ивановъ	30	1577	860	191	152	170	141	54,54	79,58	82,94	
92	Егоръ Михайловъ	34	1552	900	190	157	182	148	57,99	82,63	81,32	
93	Николай Макрузовъ	30	1549	845	191	161	177	152	54,55	84,29	80,23	
94	Алексѣй Даниловъ	41	1530	830	195	154	184	140	54,25	78,97	76,08	
95	Николай Михайловъ	19	1515	815	185	149	168	140	53,79	80,54	83,33	
96	Николай Алексѣевъ	30	1514	820	182	145	176	135	54,16	79,67	76,70	
97	Степанъ Андр. Софроновъ	23	1497	885	198	153	183	142	59,12	77,27	77,60	
98	Николай Голиковъ	18	1486	735	177	146	164	120	49,46	82,49	73,17	
	Итого		17023	9330	2074	1688	1957	1551				
	Среднія		154,8	84,8	18,9	15,3	17,8	14,1	54,81	81,39	79,25	
	ЖЕНЩИНЫ.											
	А.											
	VIII. *Южныхъ родовъ* [6].											
99	Марія Ник. Иванова	41	1607	860	190	152	187	145	53,51	80,00	77,54	
100	Анастасія Гермогенова	16	1553	830	190	152	177	145	53,44	80,00	81,92	
101	Прасковья Гермогенова	20	1534	955	182	156	177	150	62,25	85,71	84,74	
102	Марія Алексѣева	16	1533	840	170	148	172	140	54,79	87,06	81,39	
103	Ольга Ильина	17	1525	870	176	143	172	140	57,05	81,25	81,39	
104	Акулина Васильева	55	1490	870	189	153	182	158	58,39	80,95	86,81	
105	Марія ?	33	1468	860	186	150	170	142	58,67	80,64	83,51	
	Итого		10710	6085	1283	1054	1237	1020				
	Среднія		153,00	86,9	18,3	15,1	17,7	14,6	56,81	82,15	82,43	
	IX. *Съверныхъ родовъ* [7].											
106	Христина Голосова	16	1490	815	180	153	175	141	54,03	85,00	80,57	
107	Анна Мих. Николаева	23	1480	858	185	155	186	140	57,90	83,78	75,97	
108	Варвара Рѣшетникова	22	1457	865	184	144	158	133	59,36	78,26	85,69	
	Итого		4427	2538	549	452	519	414				
	Среднія		147,6	84,6	18,3	15,1	17,3	13,8	57,33	82,13	79,77	

[1]) Въ этой группѣ: №№ 76, 80, 83, 86 и 87—*1-го Шологонскаго* рода, №№ 77, 79 и 84—*3-го Беллетскаго* рода, №№ 78, 81 и 85—*Никашрскаго* рода и № 82 *Нюрьмашинскаго* рода

[2]) При исключеніи старика—162,2. [3]) При томъ-же условіи—87,8. [4]) При томъ-же условіи—54,11

[5]) Въ составъ этой группы вошли всѣ измѣренные мною сѣверяне; изъ нихъ: №№ 93, 96 и 97—*Горбиконскаго* рода **Охотскаго** округа; №№ 88, 89 и 98—*Мемельскаго* рода, подчиненнаго *Баягантайской* Инородной Управѣ **Якутскаго** округа; № 90—*Ламунхинскаго* рода, подчиненнаго Намской Инородной Управѣ **Якутскаго** округа, № 94 того-же рода, *Дёнгалинскаго* колѣна, № 91—оффициально числится якутомъ *Алданскаго* наслега *Батурусскаго* улуса и №№ 92 и 95—числятся якутами *Бадярскаго* рода *1-го Жекконскаго* наслега, *Батурусскаго* улуса. Объясненіе того, почему и причисляю этихъ трехъ субъектовъ къ тунгусамъ, дается въ слѣдующей главѣ.

[6]) № 103—3-го Беллетскаго рода, всѣ остальныя 2-го Беллетскаго.

[7]) № 106—**Охотскаго** округа, *Улькорскаго* рода, № 107 того-же округа *Хотьинскаго* рода и № 108—**Якутскаго** округа, *Намскаго* улуса, *Харахінскаго* рода.

оказалась 161,39, тогда-какъ у 75-ти тунгусовъ того-же возраста средняя—163,1. Такимъ образомъ тунгусы южныхъ родовъ оказываются, вопреки ходячему мнѣнію, не только не ниже, но даже выше якутовъ.

Совсѣмъ иной выводъ получится при сравненіи якутовъ съ тунгусами сѣверныхъ родовъ (группа VII, литера Б). Ростъ этихъ послѣднихъ колеблется въ предѣлахъ 160,4—148,6 сант., т. е. ихъ наивысшій ростъ все-таки ниже средней роста южанъ, а ихъ средняя 154,3 лишь на 18 м.м. выше средней женскаго роста въ населеніи Кангаласскаго вѣдомства.

Процентное распредѣленіе особей по росту у якутовъ и въ обѣихъ вѣтвяхъ тунгузскаго племени представляется совершенно различнымъ:

Якуты 138 человѣкъ.

Отъ 140 с.	и ниже	3 суб.	2,16%
„ 140 „	до 150	9 „	6,47%
„ 150 „	„ 160	42 „	30,22%
„ 160 „	„ 165	35 „	25,18%
„ 165 „	„ 170	33 „	23,74%
„ 170 „	„ 180	16 „	11,51%

Тунгусы лит. А. 86 челов.

Отъ 152,5 с. до 155	8 суб.	9,30%
„ 155,1 „ „ 160	22 „	25,58%
„ 160,1 „ „ 165	24 „	27,91%
„ 165,1 „ „ 170	26 „	30,23%
„ 170,1 „ „ 175	4 „	4,65%
„ 175,1 „ „ 177,6	2 „	2,32%

Тунгусы лит. Б. 11 челов.

Отъ 148,6 с. до 150	2 суб.	18,18%
„ 150,1 „ „ 155	4 „	36,36%
„ 155,1 „ „ 160	3 „	27,27%
„ 160,1 „ „ 161	2 „	18,18%

Отсюда видно, что южные тунгусы гораздо однороднѣе якутовъ по своему росту, при чемъ нельзя не отмѣтить того факта, что наи-

100 рижскихъ евреевъ . 283; (возрастъ 20—49 л.; измѣренія Блехмана).
58 гальчей . . . . . 300; („ — — „ „ Уйфальви).
135 японцевъ . . . . . 287; („ 20 — „ „ m-me Aystron).
74 башкира . . . . . 260; („ 20—22 „ „ Sommier).
147 ново-зеландцевъ . . 465; („ — — „ „ Томпсона)
126 австралійцевъ . . . 317; („ — — „ „ Ковэна).
59 лапландцевъ . . . 380; („ 14—83 „ „ Мантегацца).
„*Elém. d' Anthrop gén.*“ *p. 400.*

болѣе рослыми оказываются именно тѣ роды, которые наиболѣе свободны отъ якутской примѣси:

средняя *хахагынцевъ*	168,3 сант.	при колеб.	177,6	161,0
„ *киндигирцевъ*	164,6 „	„ „	170,1	159,7
„ *майцевъ*	162.0 „	„ „	166,7	156,4
„ *буннрцевъ*	162,2 „	„ „	168,4	156,6
„ *беллетцевъ*	162,7 „	„ „	175,6	153,0
„ *кангаласцевъ разн. родов.*	162,3 „	„ „	171,1	155,0
Съ другой стороны у *сѣверныхъ тунгусовъ* . .	154,8 „	„ „	160,4	148,6 [1])

Различіе обѣихъ географическихъ группъ по росту населенія оказывается до того рѣзкимъ и въ каждой изъ этихъ группъ настолько выдержаннымъ, что невольно является предположеніе о расовомъ различіи сравниваемыхъ элементовъ. Это предположеніе усиливается тѣмъ, что женщины обѣихъ группъ обнаруживаютъ такое-же различіе въ ростѣ, разумѣется, съ соотвѣтственнымъ пониженіемъ всѣхъ цыфръ.

Средняя *южанокъ*	153,0 сант.	при колебаніяхъ	160,7	146,8
„ *сѣверянокъ*	147,6 „	„ „	149,0	145,7 [2])

Единственное обстоятельство, которое не позволяетъ мнѣ категорически настаивать на расовомъ различіи сѣверныхъ и южныхъ тунгусовъ, это—малочисленность измѣренныхъ мною сѣверянъ. Одинадцать мужчинъ и три женщины сами по себѣ составляютъ матеріалъ недостаточный для рѣшительныхъ заключеній, но значеніе приводимыхъ мною цыфръ усиливается въ моихъ глазахъ согласіемъ этихъ цыфръ съ тѣми характеристиками сѣверныхъ тунгусовъ, которыя такъ часто огуломъ переносятся на все племя. Что касается до кангаласцевъ, хахагынцевъ и киндигирцевъ, то я надѣюсь, что число измѣренныхъ мною особей этой группы достаточно для вывода, на который можно положиться.

---

[1]) Цыфры взяты при исключеніи стариковъ.

[2]) *Топинаръ*, разработавъ 73 двойныхъ серіи данныхъ о ростѣ мужчинъ и женщинъ разныхъ племенъ, пришелъ къ тому выводу, что разница среднихъ мужского и женскаго роста въ общемъ составляетъ 12 сантиметровъ. У тунгусовъ сѣверной группы эта разница—7,2 сант., у южныхъ тунгусовъ—10,1 сант.

Переходя отъ измѣреній роста къ измѣреніямъ *окружности груди*, мы уже a priori должны ожидать уменьшенія абсолютныхъ размѣровъ этой величины и увеличенія ея отношенія къ росту у сѣверянъ по сравненію съ южанами; таково общее различіе высокорослыхъ и малорослыхъ группъ, независимо отъ ихъ принадлежности къ одной и той-же или къ двумъ различнымъ расамъ. Въ виду этого я не вижу необходимости останавливаться на разсмотрѣніи данныхъ о периметрѣ груди съ тою подробностью, съ какою это дѣлается въ трудахъ чисто антропометрическаго содержанія. Для моихъ цѣлей достаточно привести среднія величины грудного периметра и средніе указатели обѣихъ сравниваемыхъ группъ.

Южные тунгусы, лит. А.

	Средній периметръ.	Колебанія.	Средній указатель.	Колебанія.
Мужчины	88,8	98,0—76,3	54,58	61,36—48,07
Женщины	86,9	95,5—83,0	56,81	62,25—53,44

Сѣверные тунгусы, лит. Б.

	Средній периметръ.	Колебанія.	Средній указатель.	Колебанія.
Мужчины	84,3	90,0—73,5	54,81	59,12—49,46
Женщины	84,6	86,5—81,5	57,33	59,36—54,03

По измѣреніямъ Н. Л. Геккера тѣ-же величины у якутовъ:

91,01	104,0—71,0	56,39	?

По сравненію съ якутами и въ разсматриваемомъ отношеніи тунгусы южныхъ родовъ оказываются элементомъ болѣе однороднымъ; величина грудного периметра у первыхъ даетъ индивидуальныя уклоненія въ 330 м.м., тогда-какъ у вторыхъ лишь въ 217 м.м., у сѣверныхъ тунгусовъ индивидуальныя различія, повидимому, еще слабѣй; по крайней мѣрѣ у измѣренныхъ мною 11-ти субъектовъ величина колебаній—только 165 м.м.

По своей абсолютной величинѣ грудь сѣверянъ значительно уже, чѣмъ у южанъ, но по отношенію къ росту она оказывается даже шире, чѣмъ у первыхъ. По сравненію съ якутами тунгусы могутъ показаться узкогрудыми, но это едва-ли такъ, въ виду того, что

Н. Л. Геккеръ измѣрялъ окружность груди у якутовъ при опущенныхъ рукахъ, я-же, какъ было упомянуто выше, находилъ болѣе удобнымъ другой способъ измѣреній: при поднятыхъ рукахъ субъекта, накладывая ленту подъ мышками, а не на уровнѣ сосковъ. Принимая во вниманіе различіе способовъ измѣренія, грудь тунгусовъ надо признать приблизительно равной груди якутовъ, т. е. въ общемъ очень широкой [1]). Поскольку этотъ указатель заслуживаетъ названіе „жизненнаго", тѣлосложеніе тунгусовъ обѣихъ группъ можно признать весьма крѣпкимъ и благопріятнымъ для здоровья.

Мнѣ кажется не лишеннымъ интереса тотъ фактъ, что женщины малорослой группы по объему своей груди очень не многимъ уступаютъ мужчинамъ той-же группы, тогда-какъ въ рослыхъ родахъ различіе грудного периметра по поламъ довольно значительно, при чемъ отношеніе этого периметра къ росту въ обѣихъ группахъ у женщинъ гораздо выше, чѣмъ у мужчинъ: у южанъ разница указателей мужского и женскаго въ пользу послѣдняго составляетъ $2{,}23^0/_0$, у сѣверянъ—$2{,}42^0/_0$.

Минуя всѣ высоты и кривыя и разсматривая вслѣдъ за ростомъ и грудью лишь главныя измѣренія головы и лица, мы найдемъ, что по размѣрамъ *головы* южные тунгусы очень немногимъ превосходятъ якутовъ, которые въ свою очередь слегка превосходятъ какъ по длинѣ, такъ и по ширинѣ своихъ головъ тунгусовъ сѣвернаго края.

	Южные тунгусы.		Якуты.		Сѣверные тунгусы.	
		Колебанія.		Колебанія.		Колебанія.
Діаметръ пер. задн.	19,2;	21,5—17,7	19,0;	20,7—17,3	18,9;	19,8—17,7
Діаметръ поперечн.	15,8;	16,9—14,8	15,8;	17,2—14,2	15,3;	16,3—14,5

[1]) У бурятъ по измѣреніямъ И. И. Шендриковскаго средняя—84,4; у каракиргизовъ Зеланда—84,4; у киргизовъ А. Харузина (при опущенныхъ рукахъ)—91,3; у торгоутовъ А. А. Ивановскаго—84,2. Изъ 29-ти народностей, грудные указатели которыхъ приведены въ трудѣ г. Ивановскаго, указатель болѣе высокій, чѣмъ у тунгусовъ, оказывается у девяти племенъ (maximum—58,20 у лопарей по измѣреніямъ А. И. Кельсіева); у 20 остальныхъ племенъ онъ ниже (самый низкій у хевсуровъ—49,67 по измѣреніямъ Пантюхова). *А. А. Ивановскій. Монголы-Торгауты:* М. 1893.

Индивидуальныя колебанія длинника головы: у южныхъ тунгусовъ 38 м.м., у якутовъ 34 м.м. и у южныхъ тунгусовъ 21 м.м.

Колебанія поперечника: у южанъ 21 м.м., у якутовъ 30 м.м., у сѣверянъ 18 м.м.

Женщины южной и сѣверной вѣтви по размѣрамъ головы, какъ видно, не отличаются другъ отъ друга; у тѣхъ и у другихъ длинникъ—18,3, поперечникъ—15,1. Колебанія длинника 20 м.м. (19,0—17,0) колебанія поперечника—13 м.м. (15,6—14,3).

Нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что самая большая голова оказывается у хахагынцевъ, т. е. у представителей рода наиболѣе рослаго и сохранившагося до сихъ поръ отъ смѣшенія съ якутами; среднія этого рода: 19,6 и 16,1. Этотъ-же родъ отличается рѣзко выраженной наклонностью къ башнеголовости, которая у нѣкоторыхъ особей достигаетъ такого-же развитія, какъ у Прокопія Курбатова и Ивана съ р. Курейки въ изображеніяхъ Миддендорфа.

Для меня остается неяснымъ, почему родъ наиболѣе близкій къ хакагынцамъ по области скитаній, по росту, по условіямъ быта и, наконецъ, прямо по крови (послѣднее—благодаря постояннымъ взаимнымъ бракамъ), замѣтно уступаетъ хахагынцамъ по величинѣ головы; у киндигирцевъ мы находимъ длинникъ 18,8 и поперечникъ 15,7, тогда-какъ наклонность къ башнеголовости замѣчается и у нихъ съ гораздо большею яркостью, чѣмъ у какого-бы то ни было другого тунгузскаго рода, кромѣ хахагынцевъ.

Средняя величина *головного указателя* у якутовъ выше, чѣмъ у тунгусовъ, но отсюда ошибочно было-бы заключать, что якуты вообще болѣе короткоголовы, чѣмъ тунгусы южной вѣтви. Группировка особей по величинѣ ихъ головного указателя обнаруживаетъ относительное преобладаніе у южныхъ тунгусовъ особей болѣе или менѣе короткоголовыхъ и высокая средняя якутовъ объясняется болѣе рѣзкою брахицефальностью короткоголовыхъ субъектовъ, а не ихъ численностью. Наряду съ этимъ, и длинноголо-

вость среди якутовъ находитъ болѣе яркихъ представителей, чѣмъ среди южныхъ тунгусовъ, благодаря чему предѣлы колебаній головного указателя якутовъ оказываются болѣе широкими.

Съ другой стороны сѣверные тунгусы,—если только мои 11 субъектовъ не составляютъ почему-либо исключенія въ средѣ своихъ соплеменниковъ,—обнаруживаютъ совершенно иное распредѣленіе типовъ, подтверждающее мое предположеніе объ ихъ расовомъ отличіи отъ южанъ.

Сличимъ сначала цыфры среднихъ и предѣльныхъ указателей всѣхъ трехъ группъ.

	Якуты.	Южные тунгусы.	Сѣверные тунгусы.
Средній головн. указатель	83,11 —	82,69 —	81,39 —
Предѣльные указатели	94,80—71,72	91,26—75,35	81,37—77,27
Широта колебаній . . .	23,08 —	15,91 —	7,10 —

Послѣ чего обратимъ вниманіе на распредѣленіе въ каждой изъ этихъ группъ брахи и долихоцефаловъ разныхъ степеней.

	Якуты 139 чел.	Южные тунгусы 87 чел.	Сѣверные тунгусы 11 чел.
Ниже 75,0	0,72%	0	0
Отъ 75,0 до 78[1]) . . .	8,63%	6,89%	9,09%
„ 78 „ 80 . .	13,53%	11,49%	27,27%
„ 80 „ 83 . .	30,22%	31,03%	36,36%
Выше 83,0 „ — . .	46,76%	50,57%	27,27%

Изъ этихъ данныхъ видно, что собственно длинноголовыхъ въ инородческомъ населеніи якутскаго края почти не встрѣчается, но у сѣверныхъ тунгусовъ поддлинноголовые и среднеголовые составляютъ 36,36% всего населенія, у якутовъ они составляютъ 22,88% и у южныхъ тунгусовъ 18,38%; подкороткоголовые и короткого-

[1]) Для упрощенія счета я распредѣлялъ группы по круглымъ указателямъ: 78,0 или 80,0 и т. п., тогда какъ Н. Л. Геккеръ болѣе скрупулезно придерживался установленныхъ рубрикъ, причисляя къ поддлинноголовымъ особей съ указателемъ 75,01—77,77 и къ подкороткоголовымъ—особей съ указателемъ 80,01—83,33, практически это различіе въ пріемахъ группировки, по незначительности опускаемой дроби, едва-ли могло повліять сколько-нибудь замѣтно на высоту опредѣленныхъ въ таблицѣ процентныхъ чиселъ.

ловые вмѣстѣ у южныхъ тунгусовъ, наоборотъ, даютъ наиболѣе высокій процентъ—81,60, тогда-какъ у якутовъ этотъ процентъ хотя и высокъ, но все-таки ниже тунгузскаго, лишь—76,98; у сѣверныхъ тунгусовъ онъ еще ниже—63,63.

Отсюда слѣдуетъ, что по формѣ черепа, также какъ и по своему росту, южные тунгусы однороднѣе якутовъ, при чемъ преобладающей чертою южанъ является умѣренная короткоголовость. Подсчитавъ по таблицѣ указателей, приложенной къ монографіи Н. Л. Геккера, число лицъ съ головнымъ указателемъ выше 87-и, я нахожу, что среди якутовъ такихъ лицъ оказалось 21 человѣкъ или 15,11% всѣхъ измѣренныхъ, тогда-какъ у южныхъ тунгусовъ ихъ 7 человѣкъ или 8,04% всѣхъ измѣренныхъ.

Если въ общемъ выводѣ можно сказать, что малорослая сѣверная группа заключаетъ въ себѣ вдвое большій процентъ особей умѣренно длинноголовыхъ, то внутри каждой группы изъ моихъ цыфръ не видно никакой связи между высотою роста и шириною головы отдѣльныхъ особей. Эта связь устанавливается только при сличеніи цѣлыхъ группъ, и выяснившееся путемъ такого сличенія различіе южанъ и сѣверянъ не можетъ не вызвать въ памяти словъ Топинара: „en Asie, et sans parler de la région aryenne, les plus anciennes races que l'on entrevoit directement ou par l'analyse, sont également dolichocéphales, telles que les noirs de l'Inde représentés aujourd'hui par les Veddahs, les autochtones de la Chine représentés entre autres par un certain crâne de mendiant de Peking, qui est au Muséum et dont l'indice est de 70, et un grand nombre de types esquimoïdes qu'on retrouve çà et là au sud de la Sibérie, et jusque dans la province de Kouldja“ [1]).

Сопоставляя двѣ гипотезы: только-что приведенную—о длинноголовости древнѣйшихъ расъ [2]) и ранѣе упоминавшуюся гипотезу

[1]) *Topinard.* „Elém. d'Anthr. Gén.“ p. 406.

[2]) Топинаръ настаиваетъ на томъ, что подобная-же смѣна типовъ имѣла мѣсто и на другихъ материкахъ. Ibid. стр. 406—408.

Шренка—объ оттѣсненіи на приморья и на крайній сѣверъ Азіи ея древнѣйшаго населенія, мы найдемъ, что онѣ обѣ вполнѣ согласуются съ тѣми фактами, которые обнаруживаетъ антропометрическое изслѣдованіе якутовъ и тунгусовъ Якутской области. Населеніе болѣе сѣверное, т. е. по Шренку и болѣе древнее, оказывается менѣе короткоголовымъ, чѣмъ позднѣйшіе выходцы съ Амура. Если-бы дальнѣйшія изслѣдованія показали, что охотскіе тунгусы, ламуты и юкагиры приближаются по своему росту и по формѣ головы къ измѣреннымъ мною тунгусамъ сѣверной части Якутскаго округа, то это было-бы вѣскимъ подтвержденіемъ высказаннаго мною выше предположенія объ ихъ принадлежности къ нѣкоторой древней расѣ, не тунгузской по крови, но лишь денаціонализированной тунгусами подобно тому, какъ нынѣ сами тунгусы денаціонализируются якутами; къ сожалѣнію, при томъ ограниченномъ кругѣ наблюденій, какой мнѣ удалось собрать на Уланахѣ, я не могу высказываться о сѣверянахъ иначе, какъ предположительно, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не опубликуютъ своихъ трудовъ г.г. Іохельсонъ и Богоразъ, работавшіе въ Колымскомъ округѣ.

Ограничивалсь сказаннымъ выше о различіяхъ туземныхъ народностей Якутскаго края по росту и по формѣ головы, я перейду, въ заключеніе, къ третьей парѣ признаковъ, характерныхъ для опредѣленія расовыхъ особенностей, и разсмотрю данныя о наибольшей длинѣ и наибольшей ширинѣ *лица*.

Ранѣе этого считаю, однако-же, не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о томъ общемъ впечатлѣніи, какое производили на меня лица тунгусовъ различныхъ мѣстностей, т. к. цыфры не всегда примѣнимы для характеристики физіономическихъ различій.

Прежде всего необходимо отмѣтить, что среди тунгусовъ глазъ уловляетъ не два, а три очень несходныхъ типа, изъ которыхъ одинъ свойственъ огромному большинству южанъ, другой встрѣчается среди нихъ спорадически, но, какъ кажется, совершенно

несвойственъ какой-бы то ни было другой народности, кромѣ тунгусовъ, и, наконецъ, третій—широко распространенъ на сѣверѣ, но рѣзче всего проявляется у тунгусовъ Охотскаго округа;—по крайней мѣрѣ изъ числа встрѣченныхъ мною тунгусовъ, хахагынцы съ одной стороны и горбиконцы съ другой представляли типы наиболѣе противоположные.

А), а) *Преобладающій типъ южанъ.* Разсматривая фигуры, изображенныя на имѣющихся у меня фотографическихъ снимкахъ, можно видѣть, что почти всѣ южные тунгусы обладаютъ широкимъ, четырехъ-угольнымъ или близкимъ къ этой формѣ лбомъ, у большинства мужчинъ скорѣе низкимъ, чѣмъ высокимъ, но у нѣкоторыхъ большимъ и прекрасно развитымъ въ верхней части. Брови почти у всѣхъ довольно густы и рѣзко очерчены. Надбровныя дуги болѣе или менѣе выпуклы. Глаза узки, но прорѣзаны прямо или почти прямо, и при томъ сидятъ довольно глубоко. Благодаря этому корень носа не расплывается, какъ у многихъ монголовъ и якутовъ, а даже на фотографическихъ снимкахъ выдѣляется совершенно ясно; точно также и спинка носа у киндигирцевъ, и—нѣсколько слабѣе—у кангаласцевъ, обозначена довольно отчетливо; носъ почти у всѣхъ особей этой группы очень короткій, чаще всего—слегка вогнутый, нерѣдко—совершенно прямой, кое-когда—прямой, съ едва замѣтной горбинкой (форма такого носа хорошо передана въ портретѣ буягирца Савильи у Миддендорфа). Скулы у всѣхъ широки, но кажутся еще шире, чѣмъ онѣ есть на самомъ дѣлѣ, благодаря необыкновенной впалости, такъ сказать—втянутости щекъ. Ротъ у всѣхъ южныхъ тунгусовъ очень большой, съ длинными, прямыми и очень тонкими губами, которыя, при спокойномъ состояніи субъекта, почти всегда остаются плотно сомкнутыми. Быть можетъ именно эта особенность придаетъ тунгузскимъ лицамъ то спокойное, безстрастное, нѣсколько задумчивое выраженіе, которое меня такъ удивило въ наружности этихъ завѣдомо страстныхъ и экспансивныхъ людей.

Волосы на головѣ у всѣхъ тунгусовъ, какихъ я только видѣлъ, были совершенно черные, густые, прямые и нерѣдко—длинные[1]). На прилагаемыхъ рисункахъ усовъ не замѣтно почти ни у кого, но я встрѣчалъ многихъ мужчинъ съ длинными, хотя и рѣдкими, свѣтло-рыжими или рыжеватыми усиками. У нѣкоторыхъ, особенно у пожилыхъ людей, бываетъ и рѣденькая бородка кустикомъ или клинышкомъ, такого-же, почти песочнаго цвѣта. (См. рисунокъ I, старикъ въ картузѣ)[2]). Глаза у всѣхъ безъ исключенія темно-каріе, почти черные, въ спокойномъ состояніи тускловатые, при легкомъ возбужденіи красиво разгарающіеся. Цвѣтъ лица у всѣхъ олекминцевъ очень смуглый, почти коричневый, у многихъ съ красноватымъ оттѣнкомъ; у кангаласцевъ лица то-же смуглыя, хотя и не въ такой степени, съ оттѣнкомъ чаще желтоватымъ, чѣмъ мѣдно-краснымъ. На покрытыхъ мѣстахъ, къ немалому своему удивленію, я почти всегда находилъ кожу довольно бѣлую, чаще желтоватаго, чѣмъ красноватаго оттѣнка, въ общемъ пожалуй не болѣе смуглую, чѣмъ у русскихъ брюнетовъ, и, какъ мнѣ показалось, болѣе свѣтлую, чѣмъ у якутовъ.

Съ точки зрѣнія европейскихъ понятій о красотѣ, всѣ тунгусы этой группы некрасивы собой, но безобразными изъ нихъ можно назвать развѣ очень немногихъ. (Напримѣръ: дюжій мужчина съ края на рисункѣ I).

У большинства особей, изображенныхъ на рисункѣ II, можно замѣтить нѣкоторое уклоненіе отъ преобладающаго типа: лица тунгусовъ этой группы кажутся удлиненнѣй и очертанія нижней части лица овальнѣй; лобъ у такихъ субъектовъ выше; носъ крупнѣй; глаза больше. Къ сожалѣнію, въ моментъ съемки тунгусамъ II-й

[1]) Изъ числа встрѣченныхъ мною особей блондиновъ было двое, но оба они завѣдомо сыновья русскихъ.

[2]) Исключеніе составляетъ одинъ Якимъ Бубякинъ; у этого субъекта лице широкое, почти четырехъ-угольное, обрамлено очень длинными, но рѣдкими и жесткими бакенбардами, сливающимися съ такою-же длинной и рѣдкой бородою; волоса этой бороды совершенно прямые и черные. Все это придаетъ его лицу очень странное выраженіе. Можно думать, что тутъ имѣла мѣсто русская примѣсь.

группы свѣтъ билъ прямо въ глаза и всѣ они вышли прищуренными и какъ-то напряженно скривившими лица. Впрочемъ, даже если-бы этого и не было, то ихъ все-таки нельзя было-бы признать представителями того типа, который, какъ я упоминалъ выше, временами встрѣчается среди южныхъ тунгусовъ. Скорѣе они составляютъ переходъ къ этому типу.

А), б). Среди тунгусовъ *Майскаго вѣдомства*, при рѣшительномъ преобладаніи двухъ типовъ: одного—близкаго къ якутскому и другого—напоминающаго типъ кангаласцевъ и олекминцевъ, я встрѣчалъ иногда людей, не лишенныхъ какой-то совершенно своеобразной, но вполнѣ понятной для европейца красоты. Всѣ люди этого типа (въ моихъ измѣреніяхъ №№ 16, 18 и 19), даже старики, казались на видъ довольно рослыми, статными и крѣпкими. У стариковъ цвѣтъ лица желтовато-смуглый, но у молодыхъ людей оттѣнокъ кожи скорѣе можно назвать золотистымъ; на этихъ золотисто-смуглыхъ щекахъ почти всегда алѣетъ легкій, ровный румянецъ. Подъ пушистыми, красиво очерченными, черными бровями, скрашивая все лице, сіяютъ глубокіе, мягкіе и бархатистые глаза, которыми, говоря безъ всякаго преувеличенія, нельзя не залюбоваться. Не вѣрится, что человѣкъ съ такими поэтическими глазами дикарь, звѣроловъ, не знающій болѣе высокихъ наслажденій, чѣмъ побѣда надъ медвѣдемъ или изступленная пляска съ выкрикиваньемъ цѣлую ночь на пролетъ одного и того-же слова „харья-харья-харья“.... Къ сожалѣнію, я долженъ сказать, что при всѣхъ своихъ поѣздкахъ я повстрѣчалъ не больше десятка такихъ людей, но десятка полтора или два очевидно приближались къ тому-же типу: или широкимъ разрѣзомъ и блескомъ глазъ, или овальнымъ очертаніемъ нижней части лица, или, наконецъ, красивымъ, золотистымъ оттѣнкомъ кожи.

Б) Главное отличіе *сѣверныхъ тунгусовъ*—это ихъ ростъ. На второмъ мѣстѣ, если можно дѣлать общій выводъ на основаніи моихъ личныхъ наблюденій:—мнѣ удалось видѣть на сѣверѣ че-

ловѣкъ около 30,—я поставилъ-бы сравнительную бѣлизну лица. Лицъ очень смуглыхъ, съ краснымъ оттѣнкомъ, я на сѣверѣ совсѣмъ не встрѣчалъ; преобладалъ у всѣхъ, и особенно—у охотскихъ тунгусовъ, оттѣнокъ желтоватый, подчасъ нѣсколько дымчатый. Наконецъ, третье отличіе, или вѣрнѣе—группу отличительныхъ признаковъ, очень трудно охарактеризовать словами. При первомъ-же взглядѣ на горбиконцевъ нельзя было не замѣтить въ складѣ ихъ лица чего-то особеннаго, но только послѣ долгаго высматриванья и усиленнаго старанія доискаться того, какія-же именно физическія черты придаютъ этимъ лицамъ ихъ особенное выраженіе, я наконецъ пришелъ къ нѣкоторому выводу, на которомъ, однако, не буду настаивать. Возможно, что я все-таки ошибаюсь; но мнѣ кажется, что главная особенность этихъ лицъ состоитъ въ томъ, что ихъ нижняя челюсть очень коротка и какъ-бы подтянута внутрь, а такъ-какъ лобъ по большей части невысокъ и нѣсколько покатъ, то наиболѣе выступающей частью оказывается именно средняя часть: короткій, широкій носъ и довольно короткая верхняя губа.

Антропометрическая провѣрка физіономическихъ различій, схваченныхъ невооруженнымъ глазомъ, дѣло слишкомъ кропотливое для того, чтобы я могъ удѣлить ей мѣсто въ этомъ сжатомъ очеркѣ, и я ограничусь анализомъ данныхъ, получившихся лишь при двухъ измѣреніяхъ: лицевого и скулового діаметровъ. Первый діаметръ я бралъ, ставя одну ножку циркуля у корня волосъ, а другую на нижней точкѣ подбородка; при измѣреніи широтного діаметра ножки циркуля устанавливались на наиболѣе удаленныхъ точкахъ скуловыхъ дугъ, т. е. недалеко отъ ушей.

Лицевая линія и наибольшее разстояніе скуловыхъ дугъ у тунгусовъ обѣихъ вѣтвей по сравненію съ якутами даютъ такія среднія:

	Южные тунгусы.		
	Среднія.	*Колебанія.*	
Вся длина лица	18,5	21.0	16,7
Наиб. ширина лица	15,1	16,1	14,0

	Якуты.			Сѣверные тунгусы.		
	Среднія.	*Колебанія.*		*Среднія.*	*Колебанія.*	
Вся длина лица	18,6	21,2	13,6 (15,3)[1]	17,8	19,7	16,4 (16,8)[2]
Наиб. ширина лица . .	15,01	16,1	13,2	14,1	15,2	12,0 (13,5)[3]

По средней длинѣ лица южные тунгусы и якуты оказываются почти одинаковы, но сравнительная однородность южанъ ни въ чемъ не выступаетъ такъ ясно, какъ именно въ этой, только-что разсмотрѣнной нами величинѣ. Даже при исключеніи якута съ мордочкой въ 13,6 сант., мы находимъ въ этомъ племени разницу maximum'a и minimum'a въ 59 м.м., тогда какъ у тунгусовъ разница составляетъ только 43 м.м., но въ дѣйствительности различіе кажется еще болѣе слабымъ вслѣдствіе того, что лишь 7 человѣкъ изо всѣхъ 87-ми тунгусовъ или 8,04% имѣютъ лица длиною въ 20,0 и болѣе сант., у огромнаго большинства предѣлы колебаній 19,9—17,0 сант., тогда-какъ у якутовъ особи съ лицемъ длиною свыше 20,6 сант. составляютъ 15,11%.

Разстояніе скуловыхъ дугъ у тунгусовъ чуть-чуть пошире, чѣмъ у якутовъ, но, вслѣдствіе относительной коротколикости, оно кажется чрезвычайно широкимъ; притомъ-же среди якутовъ встрѣчаются особи съ такими умѣренными скулами, какихъ совсѣмъ не замѣтно у тунгусовъ южной вѣтви[4]).

Сѣверные тунгусы, пропорціонально своему росту, уступаютъ

[1]) По разъясненію Н. Л. Геккера величина 13,6 является исключительной.

[2]) Величина 16,4 получилась у 18-ти-лѣтняго Николая Голикова, который на видъ кажется совсѣмъ ребенкомъ.

[3]) Величина 12,0 получилась у того-же Голикова.

[4]) У торгоутовъ А. А. Ивановскаго, наоборотъ, какъ средняя, такъ и максимальная цыфры выше, чѣмъ у тунгусовъ: 15,8 (16,6—14,4); у донскихъ калмыковъ по измѣреніямъ того-же автора средняя 15,9 (16,9—15,2); у волжскихъ калмыковъ по Деникеру средняя 14,8; у бурятъ по Шендриковскому 14,6 (15,9—12,5).

южанамъ какъ въ длинѣ, такъ и въ ширинѣ лица; въ общемъ ихъ лице можно назвать небольшимъ.

У женщинъ обѣихъ группъ выдерживается то-же различіе, какое мы нашли у мужчинъ.

	Вся длина лица.		Ширина лица.	
	Среднія.	*Колебанія.*	*Среднія.*	*Колебанія.*
Южанки	17,7	18,7—17,0	14,6	15,8—14,0
Сѣверянки	17,3	18,6—15,8	13,8	14,1—13,8

Разсматривая *лицевой указатель* обѣихъ группъ (опредѣляемый мною по формулѣ $\frac{\text{Н. Ш. Л.} \times 100}{\text{Н. Д. Л.}}$), мы найдемъ, что сѣверные тунгусы болѣе узколицы, чѣмъ южане, которые по этому признаку,— и, какъ кажется, только по одному этому,—оказываются болѣе монголовидными, чѣмъ якуты. У южанъ средній указатель 81,62; у якутовъ—80,68; у сѣверныхъ тунгусовъ—79,25. У южныхъ женщинъ—82,49, у сѣверныхъ—79,77.

Двѣ послѣднія цыфры указываютъ на то, что женщины въ обѣихъ вѣтвяхъ тунгузскаго племени обладаютъ болѣе широкими лицами, чѣмъ мужчины, и такимъ образомъ утвержденіе старыхъ путешественниковъ, что у женщинъ „монгольскій типъ“ выражается рѣзче, чѣмъ у мужчинъ, повидимому потверждается данными антропометрическаго изслѣдованія.

Разсматривая всю совокупность признаковъ, установленныхъ предыдущими изысканіями, можно придти къ тому выводу, что тунгузская народность, по крайней мѣрѣ та часть этой народности, которая обитаетъ въ двухъ южныхъ округахъ Якутской области, состоитъ изъ двухъ ни мало не сходныхъ расовыхъ элементовъ, въ заленскомъ краѣ географически рѣзко разграниченныхъ, примѣрно—линіей Аянскаго тракта.

Сѣверный элементъ отличается сплошь: весьма малымъ ростомъ; дымчато-желтоватымъ цвѣтомъ лица; сравнительно высокимъ

процентомъ особей умѣренно-длинноголовыхъ, и едва-ли не полнымъ отсутствіемъ крайнихъ брахицефаловъ; короткимъ, умѣренно скуластымъ лицемъ и, наконецъ, сравнительно слабымъ различіемъ по росту и по другимъ измѣреніямъ мужчинъ отъ женщинъ.

Южный элементъ, непосредственно примыкающій къ тунгусамъ Амурскаго края и сохраняющій живое воспоминаніе о своемъ кровномъ родствѣ съ амурцами, по росту, по тѣлосложенію и по чертамъ лица напоминаетъ манчжуровъ, какими ихъ описываютъ путешественники. *Именно этотъ элементъ слѣдуетъ считать собственно тунгузскимъ.* За это говорятъ какъ географическія и историческія, такъ и чисто антропологическія соображенія.

Особенности этого элемента: довольно хорошій средній ростъ; весьма крѣпкое тѣлосложеніе; почти сплошная умѣренная коротноголовость; очень смуглый цвѣтъ лица при довольно бѣлой кожѣ на защищенныхъ частяхъ тѣла; брови довольно густыя; глаза не особенно узкіе, прорѣзанные прямо или почти прямо; носъ короткій, не особенно толстый, почти прямой; щеки впалыя; углы нижней челюсти очерченные грубо и рельефно; руки и ноги не такія маленькія, какъ у якутовъ и нѣкоторыхъ другихъ азіатскихъ племенъ[1]).

Цвѣтъ волосъ у всѣхъ тунгусовъ на югѣ и на сѣверѣ—черный; цвѣтъ глазъ—темно-карій.

Давъ себѣ отчетъ въ особенностяхъ обоихъ типовъ, позволительно вновь поставить вопросъ: имѣются-ли хоть какія-нибудь основанія причислять тунгусовъ къ чистокровнымъ монголамъ? и не правильнѣе-ли будетъ разсматривать ихъ какъ самостоятельную вѣтвь желтой расы, настолько-же, или даже-болѣе обособленную по своимъ соматическимъ признакамъ, какъ тюрки, китайцы японцы?

Остановивъ вниманіе на одномъ изъ основныхъ признаковъ, на головномъ указателѣ, мы найдемъ, что эта величина сближаетъ

---

[1]) Это я говорю на основаніи имѣющихся у меня еще не разработанныхъ данныхъ.

тунгусовъ вовсе не съ монголами, а скорѣе съ финнами, средніе указатели которыхъ чрезвычайно близки къ тунгузскимъ.

Пользуясь данными, заимствованными у разныхъ авторовъ, г. Харузинымъ, а частью имъ-же и собранными[1]), можно построить такую таблицу распредѣленія нашихъ инородцевъ по формѣ головы:

Съ указателемъ 80,5 и ниже:	Тюрки.	Татаре бахчисарайскіе	77,37 (Н. И. Лыжинъ)
		„ перекопскіе	79,58 (Н. И. Лыжинъ)
		„ черневые	79,49 (Н. М. Ядринцевъ)
	Финны.	остяки	79,36 (Чугуновъ)
		вогулы	77,82 (Н. М. Маліевъ)
		эсты	79,38 (Грубе)
		ливы	80,00 (Вальдгауеръ)
80,6—85,0	Тюрки.	киргизы большой орды	83,26 (Ѳ. В. Поярковъ)
		узбеки Самарканда	84,01 (Уйфальви)
		„ Заравшана	83,24 (А. Н. Федченко)
		часть башкиръ	81,74 (Н. М. Маліевъ)
		туркмены	83,19 (Н. М. Маліевъ)
		тіуруки	82,53 (Уйфальви)
		таранчи	84,32 (Уйфальви)
		мещеряки	82,51 (Н. Л. Зеландъ)
		татаре касимовскіе	83,12 (В. Н. Бензенгръ)
		„ ѳеодосійскіе	81,38 (Н. И. Лыжинъ)
		„ мелитопольскіе	80,73 (Н. И. Лыжинъ)
		часть каракиргизовъ	84,47 (Уйфальви)
		кумандинцы	82,60 (Н. М. Ядринцевъ)
		телесы	83,09 (Н. М. Ядринцевъ)
		теленгиты	82,96 (Н. М. Ядринцевъ)
		соёнцы	83,20 (Н. М. Ядринцевъ)
		якуты	83,11 (Н. Л. Геккеръ)
	Монголы.	калмыки арбунсунумы	82,93 (Ѳ. В. Поярковъ)
		„ чухары	84,75 (Ѳ. В. Поярковъ)
		„ торгоуты	84,47 (А. А. Ивановскій)
		„ волжскіе	81, 4 (Деникеръ)

[1]) *А. Харузинъ. Киргизы Букеевской орды.* М. 1891 г. Ч. II, стр. 162—182.

Съ указателемъ 80,6—85,0	Тунгусы.	тунгусы сѣверные	(И. И. Майновъ) 81,39
		„ южные	82,69
		манчжуры шибинцы	(Ѳ. В. Поярковъ) 82,32
		манчжуры	(Уйфальви) 84,91
	Финны.	лопари	(Кельсіевъ) 83,42
		вепсы	(Уйфальви) 83,31
		тавасты	(Ретціусъ) 82,25
		корелы	81,52
		вотяки	(Н. М. Маліевъ) 81,78
		пермяки	82,50
		мордвины	(В. Н. Майновъ) 83,10
„ *85,0 и больше:*	Тюрки.	киргизы Буксевской орды	(А. Н. Харузинъ) 86,28
		„ Малой	(Уйфальви) 87,52
		„ Средней	(А. А. Ивановскій) 89,30
		узбеки Ферганы	(Уйфальви) 86,13
		башкиры карагай-кипчак. рода	(П. С. Назаровъ) 85,32
		„ дангаурскаго рода	85,12
		часть каракиргизовъ	(Н. Л. Зеландъ) 87,28
	Монголы.	калмыки турфанскіе	(Ѳ. В. Поярковъ) 85,49
		„ кульджинскіе	(Уйфальви) 86,97
		буряты	(Шендриковскій) 88,40

Изъ этого перечня видно, что многіе изъ тюрокъ гораздо болѣе брахицефальны, чѣмъ тунгусы, а слѣдовательно объясненіе монголовидности якутовъ ихъ смѣшеніемъ съ тунгусами надо признать окончательно устарѣлымъ. Сѣвернымъ тунгусамъ свойственъ малый ростъ, но они не особенно скуласты; южане широкоскулы, но они не малорослы; обѣ группы многимъ отличаются отъ ходячаго представленія о типичномъ монголѣ и еще болѣе отличаются одна отъ другой;—какимъ-же образомъ именно ихъ вліяніемъ можетъ объясняться многочисленность среди якутовъ малорослыхъ и въ то-же время широкоскулыхъ особей?

Насколько я могъ ознакомиться съ фактами, мнѣ кажется, что „цѣлая пропасть“ лежитъ не только между языками, но и между

особенностями физическаго типа монголовъ и тунгусовъ. Кое-какія черты отличія мною указаны въ этомъ очеркѣ; кое-что по всей вѣроятности еще выяснится изъ той части моихъ данныхъ, которая остается не разработанной; но всѣхъ моихъ данныхъ, разумѣется, еще далеко не достаточно для полнаго рѣшенія вопроса о томъ, что-же за народъ такой эти тунгусы, изъ какихъ расовыхъ элементовъ они состоятъ и въ какомъ отношеніи находятся эти элементы къ другимъ народностямъ сѣверо-восточной Азіи.

По условіямъ своей личной дѣятельности я могъ затронуть намѣченные вопросы только слегка, такъ-какъ исчерпать ихъ можно было-бы не иначе, какъ побывавъ въ Охотскѣ, въ Вилюйскѣ, въ Жиганскѣ, въ Туруханскѣ и на рѣкѣ Учурѣ. Такой объѣздъ доставилъ-бы свѣдѣнія о населеніи сѣвернаго края,—а тамъ все-таки оставалось-бы не изслѣдованнымъ всё пріамурье съ его десятками разноименныхъ и разнокалиберныхъ народностей....

Изслѣдованіе, требующее такой сложной работы, очевидно выполнимо лишь соединенными усиліями многихъ лицъ, и я вполнѣ допускаю, что въ концѣ концовъ предположенія, высказанныя мною въ этомъ очеркѣ, окажутся недостаточно обоснованными и ихъ придется оставить.... Но къ чему приведутъ будущія изслѣдованія,—неизвѣстно, а пока ихъ нѣтъ, я позволю себѣ думать, что высказанные выше взгляды все-таки болѣе согласуются съ обнаруженными до настоящаго времени фактами, чѣмъ старыя представленія о „типѣ монгольскомъ, т. е. тунгузскомъ“, а наряду съ этимъ,—о крайней длинноголовости (!) тунгусовъ, о ихъ исключительномъ безобразіи и т. п.

IV.

Путевыя замѣтки.

Въ началѣ этого очерка я вкратцѣ указывалъ на тѣ условія, при которыхъ мнѣ приходилось совершать свои поѣздки. Мои встрѣчи съ тунгусами были слишкомъ мимолетны для того, чтобы я могъ сколько-нибудь полно ознакомиться съ ихъ бытомъ, а тѣмъ менѣе—съ ихъ внутреннимъ міромъ. Единственное, что я могъ подмѣтить,—это чисто внѣшнія черты быта, бросающіяся въ глаза при самомъ бѣгломъ ознакомленіи съ населеніемъ. Въ виду этого, въ настоящей главѣ я долженъ ограничиться сообщеніемъ кое-какихъ отрывочныхъ наблюденій да пересказомъ того немногаго, что удавалось разузнать при болтовнѣ за чаемъ гдѣ-нибудь на роздыхѣ или на ночлегѣ. Если бѣглыя путевыя замѣтки не отбрасываются мною въ сторону, а все-таки нѣсколько систематизируются и сводятся въ особую главу, то это лишь потому, что о жизни тунгусовъ Якутскаго края въ литературѣ не имѣется почти никакихъ свѣдѣній; мало того,—не только люди, но и мѣстность, которую я посѣтилъ при объѣздѣ кангаласцевъ, это въ полномъ смыслѣ слова—terra incognita; мнѣ передавали, что только разъ одинъ изъ мѣстныхъ чиновниковъ,—П. К. Атласовъ,—поднимался на лодкѣ на 100 верстъ выше Амгинской слободы; дальше этого представители власти уже не заглядывали. Въ долинахъ рѣкъ Монды и Тёнгутти русскіе изрѣдка появлялись, но это были почти исключительно духовныя лица, не оставившія никакихъ свѣдѣній о краѣ. Вслѣдствіе этого, до поры до времени даже мои краткіе наброски останутся не лишними для болѣе полнаго ознакомленія съ Якутскимъ краемъ.

Начиная свой разсказъ съ описанія тѣхъ мѣстностей, въ которыя я забирался для встрѣчи съ тунгусами, я прежде всего нахожу нужнымъ совершенно отклонить отъ себя задачу описанія побережья Лены и такъ-называемаго амгинско-ленскаго плоскогорья,

т. к. всякій интересующійся Якутскимъ краемъ можетъ найти свѣдѣнія объ этихъ мѣстностяхъ въ сводныхъ работахъ двухъ авторовъ: въ статьѣ М. И. Сосновскаго „Очерки физической географіи Якутской области“ [1]) и въ первыхъ главахъ труда г. Сѣрошевскаго „Якуты“; точно также весь путь на юго-востокъ отъ Якутска до устья р. Маи подробно описанъ въ книжкѣ г-на Стефановича „Отъ Якутска до Аяна“ [2]) и я со своей стороны ничего не могъ-бы прибавить къ сказанному г. Стефановичемъ.

Послѣ такихъ ограниченій моя задача сведется къ тому, чтобы сказать нѣсколько словъ о пути на Уланахъ, а затѣмъ, уже съ большей подробностью, остановиться на кангаласской поѣздкѣ, т. е. на описаніи побережій рѣкъ Монды, Тёнгутти и средняго теченія р. Амги.

На Уланахъ я отправился 6-го марта. Въ эту пору въ Якутскомъ краѣ лютыхъ „зимнихъ“ морозовъ, т. е. морозовъ градусовъ въ 40—50 уже не бываетъ; случается даже, что днемъ солнце чувствительно грѣетъ и путнику въ полномъ зимнемъ облаченіи въ дорогѣ становится жарко; но было-бы очень неосторожно довѣриться этому обманчивому теплу; наступитъ вечеръ—и въ воздухѣ быстро похолодѣетъ; ночью почувствуется уже сильный холодъ, а къ разсвѣту температура легко можетъ упасть до 30—35 градусовъ. Въ виду этого, при отправкѣ въ дальній путь, одѣваться приходится потеплѣй, и мы съ моимъ спутникомъ снарядились совершенно по зимнему.

Ѣхать намъ приходилось въ легкихъ тунгузскихъ нартахъ, всѣ достоинства которыхъ я только въ эту поѣздку могъ оцѣнить достаточно полно. Экипажъ болѣе тяжелый и менѣе гибкій не прошелъ-бы по узкимъ лѣснымъ дорожкамъ и ни въ какомъ случаѣ не могъ-бы выдержать постояннаго подскакиванья и нырянья по

---

[1]) „Памятная Книжка Якутской области на 1896-й годъ.“

[2]) *А. В. Стефановичъ. Отъ Якутска до Аяна.* Записки Вост. Сиб. Отд. Имп Рус. Геогр. Общ. т. II, выпускъ 3. Иркутскъ. 1896.

громадным кочкам за-амгинских болот. Дугообразная, вертикально поставленная переборка въ передней части нарты въ критическихъ случаяхъ помогаетъ путнику, придерживаясь за нее, уравновѣшивать тяжесть наклонившейся нарты соотвѣтственнымъ перегибаніемъ собственнаго тѣла или, если этого мало, быстро соскакивать и поддерживать падающій экипажъ, пробѣгая нѣсколько шаговъ рядомъ съ нимъ и упираясь рукой въ эту спасительную дугу. Когда ѣдешь съ кладью, то для удобства эквилибристики сидѣть приходится бокомъ, всегда оставаясь на готовѣ или спрыгнуть или перевалиться всѣмъ корпусомъ поперекъ нарты. При долгомъ пути по пустыннымъ аласамъ[1]), кочковатымъ лощинамъ и узкимъ лѣснымъ просѣкамъ это постоянное движеніе и необходимость слѣдить за ходомъ нарты, присматриваться къ ухабамъ и раскатамъ дороги, править конемъ, а по временамъ соскакивать и бѣжать, не выпуская изъ рукъ возжей,—вся эта дорожная тормошня и маленькія дорожныя случайности не только не тяготятъ, а скорѣе развлекаютъ и поддерживаютъ оживленное настроеніе духа. Если-бы ѣхать „по купечески“, съ ямщикомъ на передкѣ, растянувшись во всю длину нарты и укутавшись съ головы до ногъ въ тяжелые мѣха, то путь показался-бы слишкомъ однообразнымъ: кругомъ все такъ бѣло и пустынно, всѣ эти аласы, лощины и перелѣски, по которымъ ѣдешь и ѣдешь безъ конца, день и ночь покоятся въ такой глубокой тишинѣ, что лежа и не двигаясь самому можно только спать отъ юрты до юрты или полудремать въ состояніи близкомъ къ гипнозу. Отправившись изъ города одни, безъ ямщиковъ, на собственныхъ лошадяхъ, мы съ моимъ спутникомъ не могли соскучиться. Въ иномъ мѣстѣ, на крутомъ подъемѣ, намъ приходилось вставать и версту-другую итти пѣшкомъ; иногда нарта, несмотря на всѣ предосторожности, опрокидывалась или наскакивала

[1]) Ала́сь—котловина; по большей части—дно высохшаго озера. Эти продолговатыя и кругловатыя котловины, иногда довольно глубокія, составляютъ одну изъ самыхъ характерныхъ особенностей якутскаго пейзажа.

на какой-нибудь пенекъ, и тогда приходилось возиться съ укладкой и увязкой разметавшейся клади, съ усмиреніемъ испуганныхъ коней и т. п.... Въ общемъ, однако-же, ѣхали мы хорошо и никакихъ особенныхъ приключеній въ пути не испытали.

Дорога наша отъ города и вплоть до Уланаха была главною артеріей заленскаго края—охотскимъ трактомъ. Въ былое время этотъ трактъ имѣлъ для края большое значеніе. Еще въ двадцатыхъ годахъ нашего столѣтія въ Охотскъ проходило до 18 тысячъ вьючныхъ лошадей и плата, которая поступала якутамъ отъ казны, составляла для туземнаго населенія крупный источникъ денежныхъ полученій, едва-ли не превышавшій всей выручки отъ продажи пушнины. Въ 1783 году, одновременно съ учрежденіемъ въ Якутскѣ областнаго управленія, возникло предположеніе заселить весь путь до Охотска русскими крестьянами и основать по тракту станціи на разстояніи 20—25 верстъ одна отъ другой. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія этотъ проектъ былъ отчасти осуществленъ: на Алданѣ, на Аллахъ-Юнѣ, на Мундуканѣ, на Метѣ и на Медвѣжьей Головѣ было разселено 64 семьи крестьянъ и якутовъ, изъ числа высылавшихся съ родины за разные проступки[1]). Къ нашему времени у мѣстныхъ жителей объ этихъ поселеніяхъ сохранились только глухія воспоминанія. На Уланахѣ окрестные якуты мнѣ разсказывали, что „когда-то въ старину“ по станкамъ жили русскіе, что они держали по многу лошадей и разводили огородныя овощи; занимались-ли прежніе ямщики хлѣбопашествомъ, объ этомъ якуты говорили разно: одни утверждали будто-бы кое-гдѣ по станкамъ сохраняются признаки старыхъ запашекъ, другіе категорически отрицали всякую возможность вызрѣванія хлѣбовъ къ востоку отъ Алдана. Какъ-бы тамъ ни было, но окрестное населеніе, къ слову сказать—чрезвычайно рѣдкое, повидимому ничего не позаимствовало отъ этихъ колонистовъ, самое пребываніе которыхъ въ за-алданскомъ краѣ продолжалось очень

[1]) *Андріевичъ. Историческій очеркъ Сибири.*

недолго. Съ упадкомъ административнаго значенія г. Охотска, а затѣмъ съ открытіемъ въ 1852 г. болѣе удобнаго порта на Аянѣ, движеніе грузовъ по охотскому тракту все болѣе и болѣе сокращалось, а вмѣстѣ съ этимъ ухудшался самый путь и сокращалась его провозоспособность. Въ настоящее время охотскій трактъ можно назвать сколько-нибудь благоустроеннымъ лишь на очень короткомъ протяженіи: до р. Амги, т. е. менѣе чѣмъ на 300 верстъ отъ Якутска. На этомъ участкѣ трактъ пересѣкаетъ центральныя части Мегинскаго и Батурусскаго улусовъ, заселенныхъ сравнительно густо, благодаря чему полотно дороги хорошо укатано, черезъ овраги вездѣ перекинуты легкіе, но довольно прочные мостики, которые время отъ времени хоть кое-какъ, но всетаки чинятся наслежными обществами; въ особенно топкихъ мѣстахъ на нѣсколько верстъ безъ перерыва тянутся бревенчатыя гати, разумѣется, полупрогнившія, шаткія и ненадежныя, но въ весенній разливъ это все-таки лучше, чѣмъ якутскій „бадаранъ“[1]) во всей его естественной прелести. Черезъ каждыя десять-пятнадцать верстъ, а ближе къ городу и чаще, какъ ручьи, впадающіе въ рѣку, на трактъ выходятъ боковыя дорожки изъ окрестныхъ юртъ, притаившихся гдѣ-то въ лѣсахъ, въ сторонѣ отъ большой дороги. Въ 50-ти верстахъ отъ города одна изъ такихъ дорожекъ ведетъ въ Мегинскую Инородную Управу. Верстахъ въ 70-ти путникъ подъѣзжаетъ къ небольшому пригорку и видитъ передъ собою сѣренькую улусную церковь съ зеленой крышей; рядомъ съ церковью, на томъ-же пригоркѣ, у самой опушки лѣса, двѣ-три скромныхъ постройки: усадьбы священника и псаломщика; другихъ жилищъ — никакихъ..... Таковы и вообще улусныя церкви. Неожиданно выступая изъ за лѣса въ совершенно безлюдной мѣстности, своей тишиной и одиночествомъ онѣ производятъ странное и меланхолическое впечатлѣніе: кажется, что это живая частица какого-то другого міра, частица коренной, деревенской Россіи, словно чудомъ

[1]) Бадаранъ — топь, болото.

очутившаяся здѣсь, въ этой холодной пустынѣ съ ея чуждой для русскаго взора природой.... Уже обогнувъ пригорокъ, все еще невольно оборачиваешься, какъ-бы ожидая, не прозвучитъ-ли колоколъ, не выйдетъ-ли изъ церкви русоволосый, бородатый народъ изъ сосѣдней деревни, которая непремѣнно должна находиться гдѣ-то тутъ, невдалекѣ,—но все остается тихо и, съ новымъ поворотомъ дороги, сверкающій крестъ и зеленая крыша колокольни исчезаютъ изъ глазъ, промелькнувъ какъ видѣніе.... Кругомъ опять снѣга и снѣга, запушенные снѣгомъ лѣса, гладкія и бѣлыя какъ скатерть озера, ложбины, аласы, да изрѣдка—синія струйки дыма надъ шатрообразными и тоже бѣлыми отъ снѣга якутскими юртами.

Лишь въ полутораста верстахъ отъ города на пути встрѣчается единственной по всему тракту поселокъ—Чурапча, состоящій изъ двухъ-трехъ десятковъ дворовъ. На холмахъ, прилегающихъ къ западному краю длиннаго озера Чурапчи, въ одиночку и небольшими группами расположены постройки—домики и юрты; на одномъ холмѣ стоитъ церковь и тутъ-же неподалеку-усадьбы духовенства; за полверсты отъ церкви, въ ложбинѣ,—Батурусская Инородная Управа, а близъ нея „станки“ обывательскій и почтовый; оба станка—обыкновенныя якутскія юрты, ничѣмъ не отличающіяся отъ другихъ; за четверть версты отъ управы, на лѣсистомъ холмикѣ, улусное училище и дома управскихъ писарей; на самомъ краю-русскій домъ и высокій, башнеобразный амбаръ мѣстнаго богача, бывшаго священника, сложившаго свой санъ, чтобы свободно отдаться болѣе мірскимъ дѣламъ: хозяйству и т. п....

Несмотря на близость такихъ учрежденій, какъ церковь, школа и управа, чурапчинскіе якуты, кромѣ двухъ-трехъ человѣкъ, не понимаютъ по русски и вліяніе русской культуры отражается въ ихъ жизни главнымъ образомъ тѣмъ, что почти всѣ они занимаются хлѣбопашествомъ и почти всѣ отличаются страстью къ азартнымъ играмъ. Великимъ постомъ, когда сотни якутовъ изъ двухъ обширныхъ приходовъ чурапчинской церкви съѣзжаются го-

вѣть, чуть-ли не всѣ домики и юрты поселка превращаются во временныя гостинницы, гдѣ съ утра до ночи ведется азартная игра, не прекращаются попойки, и въ разныхъ закоулкахъ чуть не явно творится всякая гадость.... Духовенство безсильно предотвратить все это, т. к. выѣздъ на Чурапчу для захолустнаго улусника составляетъ исключительное событіе, дѣйствующее на его нервы возбуждающимъ образомъ, а для самихъ чурапчинцевъ пріемъ исповѣдниковъ является небезвыгоднымъ промысломъ. Улусникъ круглый годъ живетъ обособленно, встрѣчаясь лишь съ очень немногими ближайшими родовичами, а на Чурапчѣ онъ видитъ передъ собой по его понятіямъ великое множество народа, и все народа, настроеннаго на праздничный ладъ, т. к. юрты, стада и обыденные интересы всѣхъ этихъ людей остались далеко, а здѣсь они чувствуютъ себя какъ-бы на ярмаркѣ.... У пріѣзжаго является охота развернуться, показать себя, попытать своего счастья....

Уголовные ссыльные и теперь съ наивнымъ восторгомъ вспоминаютъ блаженную для нихъ пору, когда одному аферисту удалось было выхлопотать разрѣшеніе на открытіе въ Чурапчѣ кабака. Якуты набросились на водку съ жадностью дикарей. Скотъ, масло, мѣховыя шубы, дорогія праздничныя шапки, нарѣзныя сѣдла, серебряные пояса,—все якутское богатство потекло въ кабакъ; ложбины и перелѣски поселка постоянно были покрыты безчувственными тѣлами мужчинъ и женщинъ. „Ужь тогда-то мы попользовались,—признаются поселенцы,—кабы здѣсь и теперь кабакъ, такъ мы-бы небось такъ не горевали, какъ нынче“!.... Къ огорченію поселенцевъ, кабакъ вскорѣ-же былъ закрытъ и теперь пьянство принимаетъ широкіе размѣры только въ періодъ говѣнья, въ другое-же время якуты пьютъ не особенно часто, а заправскихъ алкоголиковъ среди нихъ почти не встрѣчается.

Болѣе отрадную сторону мѣстной жизни, чѣмъ только что описанный великопостный разгулъ, составляетъ возрастающая склонность чурапчинскихъ якутовъ къ занятію хлѣбопашествомъ. Въ

тридцатыхъ годахъ нашего столѣтія администрація понуждала инородцевъ производить засѣвы и раздавала имъ сѣмена, которыя однако не высѣвались, а шли въ раздѣлъ среди писарей и старостъ, послѣ чего властямъ представлялись донесенія, что хлѣбъ былъ посѣянъ, но побитъ морозомъ.... Съ тѣхъ поръ времена настолько измѣнились, что теперь въ понужденіяхъ уже не представляется надобности и по всей линіи охотскаго тракта и въ стороны отъ него вплоть до р. Амги всѣ якуты, имѣющіе свое хозяйство, непремѣнно сѣютъ отъ 1—2 пудовъ до 8—10 пудовъ на одинъ дворъ; самые богатые высѣваютъ пудовъ до 50-ти,—но это составляетъ уже рѣдкое исключеніе. При такомъ размѣрѣ посѣвовъ потребность мѣстнаго населенія въ хлѣбѣ и теперь далеко не удовлетворяется урожаями собственныхъ, якутскихъ полей, а т. к. климатическія и почвенныя условія края вполнѣ допускаютъ дальнѣйшее развитіе земледѣлія, то я думаю, что въ будущемъ площадь запашекъ въ при-таттинскихъ наслегахъ[1]) значительно расширится. Насколько я могъ присмотрѣться къ быту мѣстныхъ якутовъ (а именно въ этомъ улусѣ я провелъ раньше нѣсколько лѣтъ), главнымъ препятствіемъ къ быстрому возрастанію площади запашекъ здѣсь служитъ то, что бѣднякамъ дѣло новыхъ расчистокъ не подъ силу, а богатые люди (тойоны) находятъ болѣе вѣрный барышъ въ занятіяхъ торговлей и ростовщичествомъ (что въ улусахъ тѣсно связывается одно съ другимъ); вкладывать свой капиталъ въ землю для нихъ далеко не такъ выгодно, какъ закупать на тѣ-же средства товаръ и вымѣнивать его своимъ должникамъ на масло, на скотъ и на сѣно. Масло и мясо всегда въ спросѣ на пріискахъ,—ихъ можно превратить въ наличныя деньги; сѣно служитъ тойону для прокорма собственнаго скота и для дальнѣйшаго задалживанья экономически зависимаго окрестнаго населенія;—

[1]) Батурусскій улусъ перерѣзывается протекающей съ юга на сѣверъ рѣкою Таттой, почему якуты называютъ его обыкновенно не Батурусскимъ, а Таттинскимъ;—Татта улусъ.

слѣдовательно въ рукахъ богача оно является лишь средствомъ для пріобрѣтенія масла, т. к. везти его на продажу въ городъ было-бы слишкомъ далеко и убыточно. Хлѣбъ, точно также, въ улусной глуши могъ-бы служить лишь для потребностей мѣстнаго, улуснаго рынка, на которомъ покупатель пріобрѣтаетъ товаръ не на чистыя деньги, а въ обмѣнъ на свой трудъ или на продукты своего скотоводческаго хозяйства; если эти продукты можно привлечь въ какой-нибудь башнеобразный амбаръ въ обмѣнъ на кирпичный чай или на дабу, то для тойона нѣтъ никакихъ побужденій итти навстрѣчу риску неурожая и тратиться на сравнительно дорогое дѣло новыхъ расчистокъ; дѣлая большой посѣвъ, тойонъ старается воспользоваться уже расчищеннымъ или отъ природы открытымъ мѣстомъ; это и проще и дешевле; а продажная цѣна хлѣба на Таттѣ, какъ и въ другихъ отдаленныхъ мѣстностяхъ, опредѣляется не издержками производства здѣсь, на мѣстѣ [1]), а рыночной цѣной хлѣба въ г. Якутскѣ, плюсъ предполагаемая стоимость провоза, плюсъ обычный процентъ по ссудамъ, т. к. тойонскій хлѣбъ, хлѣбъ—товаръ, наряду съ прочими улусными товарами, почти всегда отпускается въ долгъ. Такимъ образомъ въ тойонскомъ хозяйствѣ хлѣбопашество не можетъ занять перваго мѣста; для богача оно является однимъ изъ второстепенныхъ видовъ помѣщенія капитала или вѣрнѣе—однимъ изъ способовъ утилизаціи кабальнаго труда должниковъ; главною задачей такого хозяйства останется привлеченіе масла и пушнины, непосредственно превращаемыхъ въ деньги на городскомъ рынкѣ.

Совсѣмъ иначе глядитъ на дѣло заурядный родовичъ, хозяйственная дѣятельность котораго направлена прежде всего къ тому, чтобы обезпечить себѣ и своему семейству сколько-нибудь сносное пропитаніе. При обыкновенныхъ условіяхъ эта цѣль для огромнаго большинства якутовъ недостижима; въ концѣ зимы семья средняго

[1]) Т. к. хлѣбъ мѣстнаго производства почти цѣликомъ потребляется въ хозяйствѣ самихъ производителей и лишь въ малой мѣрѣ—отчуждается въ ближайшей округѣ.

достатка непремѣнно голодаетъ, а недоѣдаетъ она круглый годъ. Увеличивать площадь сѣнокосовъ въ настоящее время можно лишь кое-гдѣ, улучшать ихъ качество якуты не умѣютъ, въ борьбѣ съ эпизоотіями они совершенно безсильны, и въ общемъ—улусное скотоводство, не удовлетворяя потребностямъ современнаго населенія, имѣетъ очень мало шансовъ на количественное развитіе въ будущемъ и ровно никакихъ на качественное улучшеніе[1])..... Населеніе между тѣмъ увеличивается и нужды его растутъ..... Масло у средняго родовича обыкновенно заранѣе запродано тойону, нерѣдко запродана впередъ и часть будущаго сѣна, задолжена и часть собственнаго рабочаго времени..... Въ такомъ положеніи, если остается для этого хоть какой-нибудь досугъ, якутъ не можетъ не обратиться къ новому способу добыванія пищи,—къ земледѣлію. И улусникъ средняго достатка, дѣйствительно, пользуется всякой возможностью урвать денекъ—другой для того, чтобы наскоро вспахать какой-нибудь клочекъ и засѣять его ячменемъ. Для большихъ расчистокъ и крупныхъ засѣвовъ у зауряднаго якута не хватаетъ ни средствъ, ни свободной рабочей силы, и потому площадь пашенъ увеличивается главнымъ образомъ не на счетъ матерой тайги, а на счетъ площади выгоновъ и т. наз. „чарановъ“, т. е. плоскихъ возвышенностей, покрытыхъ мелкими купами березняка и лиственника[2]). Матерая тайга въ глубинѣ улусовъ еще ждетъ своей очереди, валясь на пространствѣ многихъ десятинъ только тамъ, гдѣ сотни рабочихъ рукъ сосредоточиваются именно для земледѣльческаго труда скопческимъ капиталомъ, долгое время не имѣвшимъ въ этомъ краѣ никакого другого примѣненія[3]).

---

[1]) Подробнѣе о скотоводствѣ у якутовъ см. *„Замѣтки по якут. скотовьдьнію“ С. Я. Дмитріева* и *„Къ вопросу о скотоводствѣ у якутовъ Якутскаго округа“ В. М. Іонова. „Памятная книжка Якут. обл. на 1896 годъ“*; помимо этого, соотвѣтственныя главы у Миддендорфа, Маака и Сѣрошевскаго.

[2]) О земледѣліи у якутовъ см. *„Къ вопросу о развитіи земледѣ. въ Якут. обл.“* В. И. Іохельсона въ „П. кн.“ и поправка къ этой статьѣ Ф. Я. Кона въ той-же книжкѣ; кромѣ того статью г. Сѣрошевскаго *„Якутскій хлѣбъ“*. „Р. Бог.“ 95 г. XII.

[3]) О скопческомъ земледѣліи—Ф. Я. Конъ *„Хатынъ-Аринское селеніе“. Извѣстія* В. С. О. И. Р. Г. О. 1896 г.

Въ окрестностяхъ Чурапчи скопцы прожили недолго, но нельзя отрицать, что они оставили по себѣ извѣстный культурный слѣдъ. Быстрое возникновеніе на глазахъ у якутовъ колосящихся хлѣбомъ полей явилось болѣе убѣдительнымъ доказательствомъ пользы земледѣлія, чѣмъ прежнія предписанія и благожелательныя понужденія Окружной полиціи. Хотя и на тяжелыхъ условіяхъ, но якутъ всегда могъ добыть у скопца сѣмена, могъ позаимствоваться по сосѣдству наглядным примѣромъ.... И примѣръ несомнѣнно подѣйствовалъ.

Не менѣе чѣмъ самое пребываніе скопцовъ, для якутовъ было полезно и то, что эти пришельцы зажились въ краѣ не долго. Въ 1888 г. они по собственному желанію перевелись на другой берегъ, поближе къ городу. Въ своихъ настойчивыхъ домогательствахъ перевода скопцы ссылались на пресловутые морозы, яко-бы губившіе всѣ всходы. На самомъ-же дѣлѣ причина ихъ недовольства своимъ положеніемъ заключалось въ отсутствіи рынка для торговыхъ операцій. Не имѣя семьи, скопецъ нуждается въ очень незначительномъ количествѣ хлѣба для собственнаго пропитанія. Если скопческія нивы широко разстилаются вокругъ унылыхъ скопческихъ селеній, то это только потому, что волны хлѣбовъ вызываютъ въ умѣ разсчетливаго сектанта представленіе о хорошихъ барышахъ[1]). Нѣтъ базара,—для сектанта нѣтъ смысла и расширять свои запашки. Въ обмѣнѣ хлѣба на масло туземный тойонъ является для скопца слишкомъ опаснымъ конкуррентомъ; тойонъ, во-первыхъ,—человѣкъ свободный, который всегда можетъ ѣздить и въ городъ и куда ему угодно, а скопецъ—ссыльный, и поѣздки въ городъ ему разрѣшаются только послѣ большихъ хло-

[1]) Т. к. бо́льшая часть хлѣба, поступающаго въ продажу на мѣстномъ рынкѣ, привозится въ г. Якутскъ изъ Иркутской губерніи, то хлѣбныя цѣны въ городѣ колеблются въ зависимости отъ высоты урожая на югѣ, отъ успѣшности сплава по Ленѣ, т. е. иначе—отъ весенняго многоводья или мелководья рѣки, и лишь въ нѣкоторой степени—отъ высоты мѣстнаго урожая. Такимъ образомъ высокій урожай гдѣ-нибудь на Чурапчѣ легко можетъ совпасть съ моментомъ наибольшей дороговизны хлѣба въ городѣ.

потъ, да и то не всегда. Помимо этого, у тойона давно образовалась своя привычная кліентура, на которую онъ можетъ повліять не только своимъ богатствомъ, но и своимъ общественнымъ положеніемъ, какъ староста, голова или родственникъ головы. Наконецъ,—что важнѣе всего,—провозъ одного пуда клади отъ Чурапчи до г. Якутска обходится со всѣми накладными расходами (прокормъ коня, собственное содержаніе въ городѣ) копѣекъ въ 50 или около того, а дважды въ годъ, въ ледоходъ и въ рѣкоставъ, сообщеніе праваго берега съ городскимъ прекращается почти на мѣсяцъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ на городскомъ рынкѣ чурапчинскій хлѣбъ не могъ конкуррировать съ подгороднымъ, коммерческое земледѣліе въ окрестностяхъ Чурапчи оказывалось невозможнымъ, а слѣдовательно и скопцамъ въ этой мѣстности нечего было дѣлать. Они тосковали, томились, пускались на всякія уловки, и въ концѣ концовъ добились своего и перевелись на лѣвый берегъ. Отъ этого перевода выиграли и сами скопцы и чурапчинскіе якуты. Прочные и помѣстительные скопческіе домики были раскуплены на свозъ богатыми якутами, заброшенныя скопческія поля, освободившіяся изъ подъ лѣса только благодаря приложенію скопческихъ капиталовъ, въ значительной части пригодились якутамъ, и тамъ, гдѣ, по оффиціальнымъ завѣреніямъ скопцовъ, хлѣба постоянно вымерзали, на самомъ дѣлѣ и теперь мѣстными жителями ежегодно дѣлаются успѣшные посѣвы.

Недолго просуществовавшее скопческое селеніе было расположено въ трехъ верстахъ отъ якутскаго поселка, у дальняго края Чурапчинскаго озера, на узкой и лѣсистой косѣ. Съ одной стороны эта коса омывается восточною половиною озера, а съ другой—вытекающей изъ того-же озера почти на серединѣ его протяженія рѣчкою Кохарой. Дома скопцовъ стояли въ одинъ рядъ, окнами къ рѣкѣ; на обращенныхъ къ Кохарѣ скатахъ косы передъ каждымъ домикомъ былъ разведенъ огородъ, тщательно обнесенный плетнемъ. Ниже этихъ плетней, въ ложбинѣ, по обоимъ берегамъ

извилистой рѣки, теряясь изъ виду гдѣ-то далеко на востокѣ, разстилаются поемные луга, а за ними, на холмистомъ противоположномъ берегу донынѣ уцѣлѣла густая тайга. На самой косѣ, позади селенія, между усадьбами и озеромъ, лѣсъ былъ разрѣженъ при постройкахъ и теперь изъ за деревьевъ мѣстами просвѣчиваетъ широкая гладь озера и темнѣетъ въ видѣ узкой полоски дальній берегъ, замыкающій горизонтъ, какъ-бы оградой, ровной стѣной густого лѣса.... Въ общемъ,—мѣстность была-бы недурна, будь она хоть немного оживленнѣй. Но жизнь проявляется на Кохарѣ только лѣтомъ, при уборкѣ сѣна. Тогда по всей ложбинѣ мелькаютъ полуобнаженныя, коричневыя фигуры якутскихъ косцовъ, пестрѣютъ бѣлыя, красныя и синія рубахи якутокъ, сгребающихъ сѣно, тамъ и сямъ виднѣются шалаши, кое-гдѣ изъ за копенъ вьется дымокъ временнаго огнища.... Въ другую пору года все тутъ мертво и пусто.

Въ первый разъ я посѣтилъ эту мѣстность лѣтомъ 1888 г., вскорѣ-же послѣ удаленія скопцовъ. Трудно передать на словахъ, какое унылое и гнетущее зрѣлище представляла собой эта покинутая деревня. На протяженіи слишкомъ версты передъ глазами тянулся длинный рядъ развалинъ: повалившіеся плетни, нижнія звѣнья уже вывезенныхъ домовъ, пустые остовы немногихъ, въ то время еще стоявшихъ безъ рамъ и безъ дверей въ ожиданіи скораго слома, глубокія ямы на мѣстѣ бывшихъ подполій, кучи мусора на мѣстѣ печей, сорныя травы на опустѣвшихъ дворахъ, полынь и бурьянъ на раскрытыхъ огородахъ.... Въ трехъ мѣстахъ, не близко одна отъ другой, уцѣлѣли жилыя постройки. Тамъ пріютилось трое политическихъ ссыльныхъ, не успѣвшихъ къ тому времени ни обзавестись, ни осмотрѣться на новомъ мѣстѣ. Они часто испытывали затрудненіе въ пріобрѣтеніи съѣстныхъ припасовъ, не зная, гдѣ ихъ искать, у кого купить. Ни одинъ изъ нихъ въ то время еще не рѣшилъ для себя вопроса: что-же ему предстоитъ дѣлать въ этомъ странномъ мѣстѣ?... Впослѣдствіи число ссыльныхъ на

Чурапчѣ увеличилось и въ началѣ 90 годовъ дошло до 10-ти человѣкъ. Всѣ они мало по малу обстроились и нѣкоторые занялись хозяйствомъ, хотя далеко не въ такихъ широкихъ размѣрахъ, какъ ранѣе сконцы. Несмотря на полное отсутствіе хозяйственнаго опыта, въ общемъ дѣла этихъ новыхъ земледѣльцевъ шли довольно успѣшно и если въ отдѣльныхъ случаяхъ у нихъ и бывали неудачи, то чаще всего причиною этихъ неудачъ являлась непрактичность и промахи самихъ хозяевъ. Основываясь на ихъ опытѣ, можно сказать, что главную опасность для благополучнаго вызрѣванія хлѣбовъ въ этой мѣстности представляютъ не столько лѣтніе морозы, сколько весеннія засухи, за которыми въ иные годы слѣдуютъ продолжительные и сильные осенніе дожди.

Далѣе по тракту, вплоть до р. Амги, всѣ домохозяева ежегодно дѣлаютъ посѣвы почти одинаковаго размѣра: 6—8 пудовъ на одинъ дворъ. На мои вопросы, съ какой поры привилось въ этой мѣстности хлѣбопашество, мнѣ всюду отвѣчали, что первые опыты были сдѣланы „еще отцами“ теперешнихъ жителей, лѣтъ сорокъ тому назадъ. Отсутствіе болѣе крупныхъ запашекъ всѣ родовичи, съ которыми мнѣ приходилось бесѣдовать, объясняли болотистымъ характеромъ почвы. Матерой тайги никто изъ нихъ не расчищаетъ, находя это невыгоднымъ. Подъ пашни здѣсь идутъ только рѣлки и сухія, открытыя возвышенности.

По переѣздѣ черезъ рѣку Амгу характеръ мѣстности рѣзко измѣняется. Подъемы и спуски становятся выше и круче. Широкія, открытыя поляны встрѣчаются за Амгой еще рѣже, чѣмъ раньше; на большей части своего протяженія дорога идетъ узкими лощинами съ сильно кочковатымъ дномъ. Лѣтомъ, какъ говорятъ, переѣздъ по этимъ сплошнымъ болотамъ труденъ даже для привычнаго путника. Лѣсъ, покрывающій каменистые и глинистые скаты лощинъ, по величинѣ деревьевъ замѣтно уступаетъ лѣсамъ западнаго берега. Растительные уроды: лиственницы шпалерной и метлообразной формы начинаютъ встрѣчаться все чаще; очень

часто бросаются въ глаза и тѣ уродства, не особенно рѣдкія и въ лѣсахъ центральной части округа, которыя состоятъ въ образованіи на здоровомъ и вѣтвистомъ деревѣ шарообразнаго скопленія мелкихъ, недоразвившихся сучьевъ при средней или верхней части ствола; издали такія скопленія очень похожи на глубокія гнѣзда, свитыя какою-нибудь крупною птицей[1]).

Дорога за рѣкой Амгой сильно запущена. Старая просѣка, шириною сажени въ двѣ, густо заросла молодятникомъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ узкая нарта лишь съ трудомъ проходитъ по свободной полосѣ, имѣющей въ ширину менѣе аршина; гибкія вѣтви молодятника въ такихъ тѣсныхъ проѣздахъ то и дѣло хлещутъ коня и путника. Въ двухъ мѣстахъ, на небольшихъ прогалинахъ, близъ дороги виднѣются обугленныя коряги и клочки сѣна; это— обычныя мѣста роздыха проѣзжающихъ по тракту якутовъ, такъ какъ жилища за Амгою расположены на далекихъ разстояніяхъ и путникамъ приходится дѣлать привалъ подъ открытымъ небомъ. Въ общемъ и мѣстность и путь ясно говорятъ о дикости и заброшенности края, по сравненію съ которымъ страна, оставшаяся за рѣкой, начинаетъ казаться культурной и густо населенной.

Лично для меня впечатлѣніе дикости края усилилось тѣмъ, что въ тальникахъ, густо разросшихся по берегамъ рѣчки Нухи, мы спугнули великолѣпнаго лося. Звѣрь, отбѣжавъ саженъ двѣсти, остановился въ рѣдкомъ лѣсу и долго смотрѣлъ на насъ, повернувшись въ полъ-оборота. Его ноги почти по колѣно ушли въ снѣгъ и длинное туловище, благодаря этому, казалось еще длиннѣй; массивная голова и могучіе рога насторожившагося звѣря намъ были хорошо видны. Сопровождавшійся меня отъ Чурапчи якутъ

[1]) Своеобразныя особенности сѣверныхъ лѣсовъ превосходно описаны и воспроизведены въ рисункахъ у *Миддендорфа* въ главѣ „полярный предѣлъ древесной и лѣсной растительности". Часть I. отдѣлъ IV, стр. 560—575. Изъ описанныхъ *М.* формъ на моемъ пути не встрѣчалось только искривленной, стелющейся по землѣ лиственницы; но береза по своей малорослости, чахлости и кривизнѣ ствола уже сильно приближалась въ этихъ мѣстностяхъ къ низшимъ представительницамъ своей породы на крайнемъ сѣверѣ.

Гаврило сильно заволновался. Хотя при насъ не было хорошаго ружья, но охотничье сердце якута не могло примириться съ мыслью, что такой рѣдкостный экземпляръ избѣгнетъ пули. Когда наши нарты приблизились всего саженъ на семьдесятъ къ тому мѣсту, на которомъ сохатый стоялъ въ своей чуткой позѣ, Гаврило соскочилъ и хотѣлъ „на счастье“ стрѣльнуть изъ своего дрянного ружьишка, какъ онъ самъ говорилъ,—бившаго всего саженъ на тридцать. Звѣрь, однако, не сталъ дожидаться и побѣжалъ въ чащу. Сушникъ затрещалъ подъ его ногами, густыя хлопья снѣга посыпались съ тонкихъ деревьевъ, стоявшихъ на пути.... Не прошло и минуты, какъ все затихло. Только на снѣгу оставались глубокіе слѣды.... Гаврило не преминулъ побродить по снѣгу, чтобы опредѣлить, въ какомъ направленіи убѣжалъ звѣрь, и послѣ этого, въ дальнѣйшемъ пути, при каждой остановкѣ подходилъ ко мнѣ и съ увлеченіемъ распространялся о томъ, какой это былъ звѣрь, да какъ-бы хорошо можно было его подстрѣлить изъ винчестера, и сколько изъ него вышло-бы чистаго мяса и т. д.

Выѣхавъ на Алданъ, мы еще издали увидѣли нѣсколько построекъ и высокій шестъ со спущеннымъ флагомъ, стоявшій на возвышенности противоположнаго берега. Этотъ шестъ обозначаетъ пристань, у которой въ весенній разливъ останавливается пароходъ фирмы Громовыхъ. Хотя Алданъ въ этомъ мѣстѣ очень широкъ,—около версты, если не больше,—судоходство по нему лѣтомъ выше устья р. Бѣлой считается затруднительнымъ вслѣдствіе мелководья; русло Алдана наполняется только весною и послѣ сильныхъ дождей, когда рѣка получаетъ видъ мощнаго и внушительнаго потока. Амурское Товарищество потому и основало свой складъ именно въ этомъ мѣстѣ, что отсюда всю кладь можно сплавлять въ Якутскъ на пароходѣ.

Завѣдующій складомъ К. Ф. Казакевичъ жилъ здѣсь въ простой юртѣ, наблюдая за поступленіемъ товара отъ возчиковъ и удовлетворяя многихъ изъ нихъ, по ихъ собственному желанію,

вмѣсто денегъ, отпускомъ соотвѣтственныхъ количествъ кирпичнаго чая. Оборотливые якуты развозятъ этотъ чай по своимъ наслегамъ и тамъ сбываютъ его сосѣдямъ въ обмѣнъ на мѣха, на мясо и на масло, которые затѣмъ опять-таки вымѣниваются ими Товариществу на чай, на муку и т. д. Такимъ образомъ каждый возчикъ—якутъ является мелкимъ „подторговщикомъ", какъ говорятъ въ Якутской области, или полусамостоятельнымъ агентомъ Товарищества по сбыту товаровъ. Помимо этого, Т-во входитъ въ сношенія съ болѣе крупными торговцами заленскаго края: съ тойонами, цисарями, и вообще съ болѣе состоятельными и благонадежными жителями, открывая имъ широкій кредитъ, а черезъ ихъ посредство втягивая въ кругъ своихъ операцій все мѣстное населеніе. Тутъ-же, на Алданѣ, Т-во держало свой собственный табунъ лошадей, употреблявшихся для перевозки грузовъ съ Уланаха до алданскаго склада. На Уланахѣ, во время моей поѣздки, жилъ служащій, принимавшій кладь отъ тунгусовъ, которые заподряжаются для провоза всѣхъ грузовъ отъ Охотска особымъ лицемъ; это лице постоянно разъѣзжало по всему краю и вербовало возчиковъ отовсюду. Прибытія первыхъ нартъ на Уланахъ можно было ожидать дней черезъ пять и потому, проживъ на Алданѣ двое сутокъ, я выѣхалъ съ К. Ф. Казакевичемъ дальше на востокъ, намѣреваясь поселиться на Уланахѣ и прожить тамъ работая недѣли двѣ.

Рѣка Алданъ составляетъ еще болѣе рѣзкую географическую грань, чѣмъ Амга, отдѣляя описанную выше за-амгинскую мѣстность отъ края, имѣющаго вполнѣ горный характеръ. На правомъ берегу горы спускаются къ берегу крутыми уступами. Кое-гдѣ ихъ гряда перерѣзана глубокими падями и краемъ одной изъ такихъ падей идетъ въ гору охотскій трактъ; верстахъ въ десяти отъ берега трактъ выводитъ на вершину лѣсистаго плоскогорья съ очень незначительнымъ подъемомъ, высшая точка котораго лежитъ верстъ на десять дальше. Тамъ на небольшой полянѣ вырыта

довольно глубокая яма; обугленный сушникъ, утоптанный снѣгъ и сѣнная труха показываютъ, что это мѣсто привала. Верстахъ въ трехъ оттуда лѣсъ рѣдѣетъ и передъ путникомъ открывается очень крутой спускъ въ долину рѣки Бѣлой.

Изъ этой долины мы больше уже не выбирались, постоянно крутясь то съ праваго берега на лѣвый, то съ лѣваго на правый. Нашъ путь проходилъ то по гладкому полотну самой рѣки, то по густымъ зарослямъ тальника и березника, покрывающаго низменности и поймы; мѣстами мы забирались въ чащу худосочнаго, шестообразнаго лиственичника, перевитаго бѣлымъ мхомъ. Не разъ, по выѣздѣ на открытое полотно рѣки, намъ приходилось сворачивать съ дороги и медленно брести по цѣльному снѣгу, обходя широкія наледи. Разсказываютъ, что подъ этими наледями коренной ледъ иногда трескается и въ немъ образуются пустоты, въ которыя легко можетъ провалиться неосторожный путешественникъ. Вообще рѣка Бѣлая, какъ свободолюбивая дочь горъ, имѣетъ свой норовъ: прихотливый, коварный, склонный къ плохимъ шуткамъ; объ ея капризахъ жители передаютъ много удивительнаго. Говорятъ, напримѣръ, будто-бы иногда зимой въ ея холодныхъ водахъ пробиваются какія-то теплыя струйки; будто на ея днѣ кипитъ много ключей самаго различнаго свойства и т. п.... Насколько все это вѣрно, я не знаю, но что несомнѣнно, такъ это то, что ея вода по вкусу и цвѣту сильно отличается отъ прозрачной и мягкой воды Алдана.

Проѣхавъ сорокъ-пять верстъ мы прибыли на урочище Этерджяхъ,—первое жилое мѣсто на нашемъ пути. На этомъ урочищѣ построилъ себѣ юрту одинъ бѣдный якутъ и тутъ-же неподалеку проводитъ каждую зиму одинъ старый тунгусъ съ женою и девятнадцатилѣтнимъ сыномъ. И старикъ, Иванъ Еремѣевъ, и его сынъ не замедлили явиться къ намъ, чтобы поболтать съ русскими. Старикъ—бодрый, несмотря на свои 80 лѣтъ, рослый и статный, оказался большимъ шутникомъ и балагуромъ. Намъ онъ отрекомен-

довался на ломаномъ русскомъ языкѣ: „я—старый налимъ; зубы нѣту—все равно налимъ“. Его сынъ, красивый и сильный юноша отцовскаго типа, со свѣжимъ цвѣтомъ лица и мягкими, мечтательными глазами, въ присутствіи старшихъ больше молчалъ и только отвѣчалъ на вопросы. Изъ разговора со старикомъ выяснилось, что эта семья принадлежитъ къ числу южныхъ тунгусовъ и числится въ 1 Эжанскомъ родѣ Майскаго вѣдомства. Охотскій трактъ составляетъ самую сѣверную границу, до которой доходятъ майскіе тунгусы, на югѣ они имѣютъ зимники у верховій Алдана, на западѣ ихъ земли кончаются у Мокуйской станціи, въ тридцати верстахъ отъ Усть-Майскаго селенія, а на востокѣ майцы добираются до моря, смѣшиваясь съ тунгусами Удскаго и Охотскаго края[1]). На зиму Еремѣевъ перебирается на Этерджяхъ въ надеждѣ на кое-какіе, совершенно грошевые заработки около тракта, но съ 20-го апрѣля до Покрова и онъ, какъ и всѣ другіе здѣшніе тунгусы, уходитъ „въ горы“ на промыселъ. Мое замѣчаніе, что пора-бы ему было попокоить свои старыя кости, вызвало со стороны старика оживленныя возраженія; онъ положительно не представлялъ себѣ возможности усидѣть въ полутемной юртѣ, когда на дворѣ уже пахнетъ весной и всѣ добрые люди чинятъ свои ружья и собираются въ привычный для нихъ путь по разнымъ ущельямъ и переваламъ въ излюбленныя мѣста родной тайги.

Кромѣ Еремѣевыхъ, въ окрестности Уланаха, лежащаго на 45

[1]) Старикъ Денисъ Прокопьевъ, измѣренный мною въ эжанцахъ, разсказывалъ мнѣ, будто-бы предокъ ихняго рода, по имени Байтыръ Ордзинъ, жилъ нѣкогда „за моремъ, далеко на востокѣ, на большомъ островѣ Саантаръ“ и доходилъ до устья Маи только временами, имѣя здѣсь свои ловы, но впослѣдствіи, еще задолго до ясачной комиссіи, переселился на Маю окончательно въ виду обилія этой мѣстности звѣремъ. Такъ-какъ Шренкъ, подробно разсмотрѣвъ спорный вопросъ о населенности когда-то встарь острова Шантара, убѣдительно высказывается противъ этой легенды, то я готовъ допустить, что старикъ Прокопьевъ ошибается и что его предокъ Байтыръ на самомъ дѣлѣ не жилъ на Шантарѣ, а лишь имѣлъ тамъ ловы. Во всякомъ случаѣ преданіе о происхожденіи эжанцевъ съ Шантара служитъ намекомъ на древнюю связь этого рода съ тунгусами Удскаго края. Миддендорфъ въ дѣлахъ Удскаго архива встрѣтилъ указанія на то, что эжанцы ходили на Шантаръ еще въ 1784 году.

верстъ восточнѣй Этерджяха, каждую зиму выходитъ съ десятокъ тунгузскихъ семей и съ юга и съ сѣвера. Всѣ эти семьи мѣсяцъ другой кочуютъ со своими оленями по лѣснымъ моховищамъ въ долинѣ Бѣлой, затѣмъ отходятъ куда-нибудь подальше, но все-таки не слишкомъ отдаляются отъ тракта. Иные изъ мужчинъ между прочимъ выполняютъ зимой какія-нибудь работы для Амур. Т-ва или для мѣстныхъ якутовъ; другіе просто пережидаютъ суровую пору въ такомъ мѣстѣ, гдѣ все-таки живутъ люди и гдѣ, благодаря этому, при полномъ истощеніи припасовъ, остается хоть какая-нибудь возможность не умереть съ голоду, а съ грѣхомъ пополамъ перебиться до весны.

Выѣздъ именно на Уланахъ облегчается для тунгусовъ расположеніемъ горныхъ хребтовъ и ущелій: не вдалекѣ отъ этой станціи (по слухамъ—верстахъ въ двадцати) выходитъ въ долину Бѣлой одно ущелье съ сѣвера; этимъ ущельемъ выѣзжаютъ сюда верхоянскіе тунгусы; другая падь, прорѣзывая горы съ лѣваго берега рѣки, служитъ началомъ южнаго пути, который ведетъ прямо на Маю; а такъ-какъ съ Маи существуетъ прямой путь на Нельканъ, то Верхоянскій край, въ силу этого, могъ-бы пользоваться прямымъ сообщеніемъ съ Амуромъ. Однако-же, въ виду рѣдкости верхоянскаго населенія и ничтожнаго развитія въ этомъ краѣ торговли и промышленности, указанные выше пути составляютъ лишь потенціальную связь якутскаго сѣвера съ Амуромъ; фактически этими путями изрѣдка пользуются одиночные тунгусы для своихъ личныхъ надобностей; при другихъ-же условіяхъ Уланахъ, какъ узловой пунктъ, пожалуй могъ-бы пріобрѣсти для края извѣстное значеніе.

Въ настоящее время вся страна между рѣками Алданомъ и Аллахъ-Юной почти пустуетъ и лишь кое-гдѣ на побережьѣ Алдана, по теченію Бѣлой и по близости отъ Аллахъ-Юны разселилось три рода якутовъ Алданскаго наслега. Жители Уланаха принадлежатъ къ Аллахъ-Юнскому роду. По оффиціальнымъ свѣ-

дѣніямъ[1]) во всѣхъ трехъ родахъ числится только 61 дворъ съ общей цыфрою жителей: 119 мужчинъ и 98 женщинъ; но исповѣдная роспись Чичилахской часовни за 1895 годъ даетъ, какъ мнѣ кажется, болѣе вѣрныя цифры: 140 муж. и 124 женщ.; дворовъ по росписи въ наслегѣ значится только 26, но церковные „дворы“ почти никогда не совпадаютъ съ административно-экономическимъ понятіемъ двора: обыкновенно подъ этимъ словомъ въ росписяхъ подразумѣвается весь кругъ близкихъ родственниковъ, хотя-бы и разобщенныхъ въ совершенно отдѣльныя хозяйства.

Территорія Алданскаго наслега на картахъ Областной Чертежной представляетъ собою блинообразную плоскость, примыкающую къ Алдану, но на самомъ дѣлѣ якуты заняли почти всѣ луговины, какія имѣются въ этомъ гористомъ краѣ. Здѣсь, какъ и всюду въ Якутскомъ округѣ, якуты, какъ скотоводы, считаютъ себя естественными и неоспоримыми хозяевами всѣхъ пастбищъ. Въ другихъ мѣстностяхъ тунгусы не раздѣляютъ такого взгляда и, въ качествѣ болѣе древнихъ обитателей края, горячо отстаиваютъ свои собственныя права на тѣ земли, которыя не были отведены якутамъ Ясачными Комиссіями; но здѣсь, по Охотскому тракту, никакихъ споровъ не происходитъ, такъ какъ сами тунгусы, повидимому, нисколько не претендуютъ на захваты якутовъ. Это не удивительно, такъ-какъ здѣшнее тунгузское населеніе слишкомъ рѣдко и слишкомъ подвижно для того, чтобы дорожить какими-то лужайками. Сосѣдство якутовъ,—людей осѣдлыхъ и сравнительно обезпеченныхъ,—для нихъ скорѣе выгодно, давая опору неудачливому звѣролову въ минуту острой нужды. Въ силу этого заселеніе за-алданскаго края якутами происходитъ совершенно мирнымъ и безобиднымъ образомъ. Насколько я могъ выяснить со словъ самихъ якутовъ, движеніе за Алданъ началось не ранѣе первой четверти нынѣшняго столѣтія. Первые выходцы съ того

[1]) *Памятная книжка Якутской области на 1896 годъ.* Списокъ населенныхъ мѣстъ.

берега продолжали числиться въ своемъ прежнемъ обществѣ—1-мъ Жексогонскомъ наслегѣ Батурусскаго улуса и лишь въ 1836 г. ихъ число оказалось настолько значительнымъ, что они были выдѣлены въ особую единицу—Алданскій наслегъ.

Наряду съ движеніемъ якутовъ nach Osten, въ болѣе слабой степени, можно отмѣтить и противоположный фактъ выхода нѣкоторыхъ тунгусовъ „съ горъ“ и приселенія ихъ къ якутамъ. Мотивомъ, заставляющимъ этихъ людей бросать свои любимыя горы съ ихъ дикимъ привольемъ, является падежъ оленей и полное обнищаніе. Утративъ возможность самостоятельнаго существованія, тунгусъ идетъ къ якутамъ и кормится у нихъ, выполняя за это всякую работу. Съ теченіемъ времени иной изъ такихъ пришельцевъ успѣваетъ добыть средства на пріобрѣтеніе новыхъ оленей и опять исчезаетъ въ тайгѣ, но часто бываетъ, что, батрача у якутовъ, человѣкъ свыкается съ ихъ образомъ жизни, иногда даже женится на якуткѣ, а впослѣдствіи строитъ себѣ юрту и пріобрѣтаетъ покосное мѣсто отъ тестя или отъ общества. Сыновья такого тунгуса при ближайшей ревизіи включаются въ число родовичей наслега и совершенно сливаются съ коренными якутами. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ полное слiяніе происходитъ однако-же не такъ скоро и потомки переселенца еще долго сохраняютъ въ своей психикѣ и въ образѣ своей жизни явственныя черты своего тунгузскаго происхожденія. Именно такой случай я могъ наблюдать на Уланахѣ, встрѣтившись тамъ съ представителями Бадирскаго рода. Въ началѣ я никакъ не могъ разобраться, что это за люди: тунгусы они или якуты? Въ своихъ разговорахъ мѣстные жители часто упоминали о какихъ-то „бадиркахъ“, какъ объ особой породѣ не то тунгусовъ, не то якутовъ. Съ одной стороны оказывалось, что эти бадирки живутъ въ юртахъ и имѣютъ скотъ, а съ другой,—что они надолго уходятъ въ тайгу на промыселъ звѣря, что, не въ примѣръ другимъ якутамъ, всѣ они свободно говорятъ по тунгузски и вообще какъ-то особенно тяго-

тѣютъ къ тунгусамъ. Только встрѣтившись съ нѣкоторыми представителями этого рода, я узналъ отъ нихъ, что ихъ дѣды были настоящими тунгусами, лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ поселившимися среди якутовъ. Въ настоящее время этотъ родъ путемъ браковъ сильно перемѣшался съ якутами, а такъ-какъ въ административномъ отношеніи, по своей малочисленности, бадирцы подчинены непосредственно старостѣ 1-го Жексогонскаго наслега, то они и числятся какъ-бы якутами. Наслѣдственная склонность къ бродяжеству въ нихъ и теперь не исчезла. Между прочимъ мнѣ разсказывали на Уланахѣ такой любопытный фактъ: сынъ одного богатаго якута, женатаго на бадирской женщинѣ, воспитывался въ совершенно якутской обстановкѣ; отецъ боялся опасностей охотничьяго быта и ни за что не хотѣлъ пускать его въ тайгу; лѣтъ до шестнадцати мальчикъ росъ какъ и всѣ, не обнаруживая никакихъ особенныхъ склонностей къ бродяжеству, но на шестнадцатомъ году онъ началъ сильно тосковать, его неудержимо потянуло въ тайгу, и въ концѣ концовъ онъ ушелъ къ своему родственнику тунгусу; послѣ долгихъ скитаній юноша вернулся, но всякій годъ послѣ этого онъ сталъ по временамъ уходить къ тунгусамъ и бродить вмѣстѣ съ ними....

Что касается до мѣстныхъ якутовъ, то они очевидно не остались свободны отъ примѣси тунгузской крови. Всѣ тѣ аллахъюнцы, которыхъ я видѣлъ, были не высоки, худощавы и малосильны. Физіономіи съ рѣзко обозначеннымъ горбоносымъ и долголицымъ якутскимъ типомъ мнѣ среди нихъ не встрѣтилось ни разу. Характеръ у нихъ, повидимому, миролюбивый и общій строй быта совершенно патріархальный.

По пріѣздѣ на Уланахъ мы съ К. Ф. Казакевичемъ поселились въ юртѣ пришлаго якута Андрея (не помню хорошенько какого улуса, кажется — Баягантайскаго). Эта юрта служила для возчиковъ-тунгусовъ конечнымъ пунктомъ ихъ пути. Тутъ они сдавали свою кладь служащему товарищества Е. Олесову и полу-

чали разсчетъ отъ К. Ф. Казакевича. При обыкновенныхъ условіяхъ такой пунктъ былъ-бы для моихъ цѣлей очень удобенъ, но случайныя обстоятельства, о которыхъ говорилось въ предисловіи, совершенно испортили все дѣло. Двѣ недѣли я провелъ въ этой юртѣ въ самомъ томительномъ бездѣйствіи, измѣривъ за все время только 12 человѣкъ, да и то больше мѣстныхъ, уланахскихъ тунгусовъ, считая въ ихъ числѣ двоихъ подростковъ и двухъ женщинъ.

Подробныхъ распросовъ я также не могъ производить въ это время по отсутствію вполнѣ надежнаго переводчика. Мой переводчикъ—Е. Олесовъ—сынъ якутскаго мѣщанина, женатаго на якуткѣ, въ общемъ—человѣкъ очень смѣтливый и добросовѣстный, свободно объяснялся по-русски, но извѣстный ему запасъ русскихъ словъ и оборотовъ былъ очень невеликъ; какъ только разговоръ выходилъ изъ круга обыденныхъ предметовъ, Олесовъ затруднялся пріискать подходящее выраженіе, а многихъ вопросовъ онъ прямо не понималъ именно по недостаточному знакомству съ русскимъ языкомъ. Съ другой стороны я самъ, проживъ девять лѣтъ въ Якутской области, довольствовался только обиходнымъ знаніемъ мѣстнаго языка; изучать его во всей тонкости мнѣ раньше не было надобности и теперь я испытывалъ большое затрудненіе въ ясной и удобопонятной для моихъ слушателей постановкѣ вопросовъ. Особенно трудно оказалось установить тунгузскую номенклатуру родства, которая меня сильно интересовала. Составивъ въ своей путевой книжкѣ цѣлую табличку тунгузскихъ терминовъ, я не рѣшаюся привести ее здѣсь, въ силу неувѣренности въ полной точности перевода.

Несмотря на безрезультатность моихъ экскурсовъ въ область лингвистики, я не могу не упомянуть объ одномъ обстоятельствѣ: при провѣркѣ записанныхъ мною на Уланахѣ тунгузскихъ словъ въ разговорахъ съ кангаласцами, нѣкоторыя слова и тамъ и здѣсь оказались одинаковы; произнося передъ кангаласцами по своимъ

уланахскимъ записямъ слова: бóйе, няры, ордонъ и т. д. (человѣкъ, мужчина, олень), и прося перевести эти слова на якутскій языкъ, я получалъ такое-же объясненіе ихъ смысла, какъ и на сѣверѣ, но многія слова кангаласцамъ оказались неизвѣстны или произносились ими нѣсколько иначе. Происходило-ли это отъ неточности моихъ записей или отъ различія въ нарѣчіяхъ,—рѣшать не берусь, но во всякомъ случаѣ отмѣченный фактъ заслуживаетъ вниманія.

Съ бóльшимъ довѣріемъ можно отнестись къ тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя я извлекалъ изъ бесѣдъ съ уланахцами объ ихъ обыденной жизни. Въ особенныя подробности я и тутъ не вдавался, но въ общихъ чертахъ эта однообразная и не мудреная жизнь для меня достаточно выяснилась. Немногочисленная группа притрактовыхъ якутовъ уланахскаго околодка занимается почти исключительно скотоводствомъ; пріемы ухода за скотомъ на Уланахѣ тѣ-же, что и въ другихъ наслегахъ. Извозъ и звѣроловство составляютъ подсобные промыслы, имѣющіе совершенно второстепенное значеніе; земледѣліе, по мнѣнію якутовъ, здѣсь совершенно невозможно и весь хлѣбъ пріобрѣтается жителями въ обмѣнъ на мѣха и на масло.

Тунгусы этого края, въ отличіе отъ своихъ южныхъ собратій, прежде всего оленеводы и уже затѣмъ—звѣроловы. Въ Майскомъ вѣдомствѣ, какъ сообщаетъ Я. В. Стефановичъ[1]), за исключеніемъ богачей Карамзиныхъ, брата и сестры, имѣющихъ вмѣстѣ 300 головъ, другого богача Дичковскаго, имѣющаго 1000 головъ, и еще двоихъ тунгусовъ, владѣющихъ стадами въ 300—500 головъ, всѣ остальные довольствуются стадами въ два—три десятка оленей, а многіе остаются вовсе безъ скота. Средняя цѣна оленя въ Аянскомъ краѣ, по словамъ того-же автора, 30—45 руб., а за лучшаго бѣгуна тамъ дадутъ и 100 руб., а пожалуй, даже болѣе ста. По охотскому тракту цѣна средняго оленя 10—15 руб. и тунгусъ, владѣющій стадомъ въ 500—1000 головъ, считается хозяиномъ сред-

[1]) *Я. В. Стефановичъ. Отъ Якутска до Аяна.* Стр. 119—120.

няго достатка. Особеннаго развитія оленеводство достигаетъ въ Охотскомъ округѣ, гдѣ есть богачи, имѣющіе по 12,000 оленей; ближе къ Уланаху такихъ огромныхъ стадъ нѣтъ ни у кого, но все-же 5—10 оленей имѣютъ только самые жалкіе бѣдняки. Тунгусъ, у котораго пали его послѣдніе олени, если онъ во что-бы то ни стало хочетъ продолжать свой прежній образъ жизни и не склоненъ переселяться къ якутамъ, нанимается въ работники къ богачу и пасетъ его стада на особыхъ моховищахъ. Содержаніемъ работникъ пользуется отъ хозяина и за лѣтній періодъ получаетъ вмѣсто жалованья двухъ оленей, что считается равнымъ денежной суммѣ въ 20 руб.; за зимній періодъ въ уплату дается три оленя. Сѣвернѣе охотскаго тракта, по Оймяконской дорогѣ, въ ущельяхъ иногда дѣлаются завалы съ двухъ узкихъ сторонъ; для стада въ 100 головъ загораживается такимъ образомъ пространство длиною верстъ въ 10 и такія мѣста остаются въ пользованіи своего первоначальнаго владѣльца неопредѣленное время. Богачи весь зимній періодъ проводятъ на одномъ излюбленномъ мѣстѣ, а бѣдняки передвигаются на сравнительно небольшомъ пространствѣ, тогда-какъ лѣтомъ и тѣ и другіе снимаются съ зимнихъ стойбищъ и уходятъ въ горы на промыселъ, нигдѣ не останавливаясь въ это время больше, чѣмъ на 5—8, самое большое—на 10 дней.

Главной добычей для охотниковъ служитъ сохатый, мясо котораго разрѣзывается на тонкіе и длинные ломти и вывѣнивается для просушки на деревьяхъ; хорошо провяливпись, эти ломти складываются въ сумы, въ которыхъ они скоро превращаются въ труху; въ такомъ видѣ мясо выдерживаетъ очень долгое время, не загнивая и сохраняя питательность. Въ Охотскомъ округѣ подобнымъ-же образомъ высушиваютъ и превращаютъ въ труху какую-то мѣстную рыбу, которую я пробовалъ у пріѣзжихъ горбиконцевъ и нашелъ вполнѣ съѣдобной. Медвѣдей и лисицъ въ этомъ краѣ еще много, но цѣнный пушной звѣрь встрѣчается

все рѣже и по общимъ опасеніямъ промыселъ падетъ еще больше въ томъ недалекомъ будущемъ, когда правительство серьезно приступитъ къ эксплуатаціи предполагаемыхъ горныхъ богатствъ Охотскаго края. Тунгусы не скрывали передо мной, что ихъ сильно тревожатъ упорные слухи о скоромъ прибытіи большихъ поисковыхъ партій съ учеными людьми, умѣющими находить и золото и всякія драгоцѣнности: „придутъ русскіе, начнутся лѣсные пожары, звѣрь разбѣжится, моховища навсегда погибнутъ,—что тогда будетъ съ нами“?... Признаюсь, что эти грустные вопросы приводили меня, какъ русскаго, въ большое смущеніе. Разумѣется, съ точки зрѣнія общегосударственныхъ интересовъ невозможно пренебрегать какими-бы то ни было дарами природы; есть гдѣ-нибудь золото,—надо его извлечь и пустить въ оборотъ;—но хотѣлось-бы думать, что съ увеличеніемъ добычи золота не уменьшится численность оленей, а вслѣдъ за тѣмъ и численность самихъ тунгусовъ, какъ это было въ Олекминскомъ округѣ.

Въ настоящее время недостатка въ моховищахъ не ощущается и главной угрозой благосостоянію тунгуса служатъ болѣзни, отъ которыхъ олени,—животное очень нѣжное,—страдаютъ сильнѣе, чѣмъ рогатый скотъ. Если изъ 10 родившихся телятъ въ первые-же дни умираетъ штуки три, то это на Уланахѣ считается нормальнымъ. Весьма возможно, что одной изъ причинъ высокой смертности телятъ является переутомленіе матокъ работой или грудныя болѣзни матокъ, такъ-какъ недолговѣчный теленокъ, по наблюденіямъ тунгусовъ, уже при рожденіи отличается отъ здоровыхъ острой, сжатой грудью, а среди взрослыхъ оленей грудныя болѣзни растространены очень широко. Легкія больного оленя сильно увеличиваются въ объемѣ, животное кашляетъ, тощаетъ и гибнетъ на второй или на третій годъ болѣзни. Отъ этой хвори, по словамъ уланахцевъ, у нихъ пропадаетъ приблизительно пятая часть всѣхъ оленей. На вопросъ о томъ, какъ называется болѣзнь легкихъ по тунгузски, мнѣ отвѣчали словомъ *эдерьманъ*, но, по разъясненію

кангаласцевъ, слово *эдерьманъ* означаетъ вообще падёжъ, внезапную смерть, а особаго названія легочная болѣзнь оленей не имѣетъ и сами кангаласцы обозначаютъ ее простымъ выраженіемъ *„оронъ кёнтёрёальджи онёнёкки“*, т. е. олень хвораетъ легкими. Кангаласцы видятъ причину этой болѣзни въ грибныхъ червяхъ, которыхъ олени съ жадностью поѣдаютъ вмѣстѣ съ грибами (масленками). По охотскому тракту особенно гибельными для слабогрудыхъ оленей считаются жаркіе годы, обильные грозами. Единственнымъ средствомъ борьбы съ болѣзнью служитъ обращеніе къ шаману, а если и это не поможетъ,—къ священнику.

Самымъ страшнымъ врагомъ оленеводства въ Якутскомъ краѣ является болѣзнь, развивающаяся обыкновенно въ промежности копыта одной изъ заднихъ ногъ (изрѣдка и на переднихъ ногахъ); едва замѣтная ранка вызываетъ опухоль, которая съ ноги распространяется на все тѣло и влечетъ за собою смерть животнаго на третій мѣсяцъ, послѣ появленія ранки. Источникомъ этой опустошительной болѣзни является почва, заражаемая какимъ-то гнусомъ если не навсегда, то во всякомъ случаѣ на очень долгое время. Названіе болѣзни—*буттукà*. (У кангаласцевъ это слово извѣстно, но кромѣ того употребляется слово—*алгамрá*).

Олекминцы сильно жаловались на вредоносное дѣйствіе оленьяго клеща и парши, отъ которыхъ, по ихъ словамъ, въ послѣдніе годы у нихъ погибла большая часть оленей, такъ, что нынѣ у средняго хозяина остается только отъ 2 до 10 оленей; на Уланахѣ клещъ (названіе—*будаттанъ*, у кангаласцевъ—*куямчà*) извѣстенъ, но не вызываетъ особенныхъ потерь. Парша (уланах.,—*хорьбандандъ*, кангалас.,—*олгыйчà*) также встрѣчается не особенно часто, такъ что повидимому, эти бичи преслѣдуютъ тунгузскія стада преимущественно въ южной части края[1]).

[1]) Приводя въ текстѣ тунгузскія обозначенія болѣзней, я еще разъ оговариваюсь, что не могу поручиться за вполнѣ точную передачу смысла уланахскихъ выраженій; возможно, что эти выраженія обозначаютъ болѣзнь лишь косвенно, не составляя собственно названія въ прямомъ смыслѣ слова. Разобраться въ этомъ безъ помощи интеллигентнаго переводчика болѣе, чѣмъ трудно.

При нормальныхъ условіяхъ здѣшній олень доживаетъ лѣтъ до 15 и пріобрѣтаетъ хозяйственную цѣнность уже на второмъ году. Молодыхъ олешковъ начинаютъ подпрягать къ нартѣ уже въ концѣ перваго года; въ этомъ-же возрастѣ телки начинаютъ спариваться, тогда-какъ у самцовъ способность воспроизведенія развивается нѣсколько позже,—только на третьемъ году, хотя рога появляются уже на первомъ. На одного быка (уланах.—*кюёрьбе*, кангалас.—*сёрюу*)[1]) полагается 20—30 коровъ (оленица въ обѣихъ мѣстностяхъ—*намычанъ*)[2]). Спариванье происходитъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ, телята рождаются съ 13 апрѣля по 9 мая. Какъ выкидыши, такъ и появленіе двоенъ случаются рѣдко.

Особыхъ названій для оленей разнаго возраста у кангаласцевъ немного, но на сѣверѣ номенклатура этого рода развита полнѣй. Годовой теленокъ на языкѣ уланахскихъ тунгусовъ обозначается словомъ—*аньнканъ*, а въ произношеніи кангаласцевъ тоже слово

---

[1]) Въ приложеніи къ изданнымъ *А. Шифнеромъ „Grundzüge einer tungusischen Sprachlehre“* Кастрена *(„Nordische Reisen und Vorschungen“* St. P. 1856). помѣщенъ сборникъ тунгузскихъ словъ, составленный по Миддендорфу, Спасскому и Герстфельдту. Записи *М.* разбиты въ этомъ сборникѣ по двумъ рубрикамъ: слова изъ нарѣчія норильскихъ тунгусовъ и слова изъ нарѣчія удскихъ и частью кангаласскихъ тунгусовъ; Спасскій собиралъ свой матеріалъ среди населенія Удскаго, Майскаго и частью Охотскаго края; Герстфельдтъ записывалъ слова амурскихъ тунгусовъ и манчжуровъ. Сличая лексическій матеріалъ, распредѣленный по этимъ четыремъ рубрикамъ, можно видѣть, что лишь немногія понятія выражаются во всѣхъ нарѣчіяхъ однимъ и тѣмъ-же словомъ; чаще—слова двухъ—трехъ группъ происходятъ отъ одного и того-же корня, но различаются произношеніемъ, или-же слова одной—двухъ группъ не имѣютъ ничего общаго съ однозначущими словами другихъ группъ. Какъ на примѣръ послѣдняго можно указать на слово *сныгъ:* у норильцевъ—*sinelgan*, въ удско-кангаласской группѣ—*etandra*, въ амурско-манчжурской группѣ—*imana*. Особое названіе оленя—самца въ этомъ сборникѣ приводится только въ словахъ удско-кангаласской группы, при чемъ въ Удскомъ краѣ *М.* записалъ слово *Kôrba* (очевидно сходное съ уланакскимъ *кюёрьбе)* и въ кангаласскомъ краѣ—*siru*, несомнѣнно упрощенное нѣмецкой транскрипціей, но болѣе точно передаваемое русскими буквами и записанное мною, слово—*сёрюу*.

[2]) У тунгусовъ, какъ и у насъ, въ большомъ ходу уменьшительныя, которыя часто совершенно вытѣсняютъ изъ обыденнаго языка первоначальную форму слова. Такъ названіе самки оленя у *М.* записано въ прямой формѣ—*nâme*, я-же всегда слышалъ только уменьшительную форму—*намычанъ*.

звучитъ нѣсколько иначе—*э.ль.канъ*[1]); самый маленькій теленокъ на сѣверѣ—*хангначанъ*[2]), у кангаласцевъ—*сокко;* двухъ-годовалый быкъ—*мунниканъ;* двухъ-годовалая корова—*хайтты,* у кангаласцевъ—*сачары;* 3 -годовалый быкъ—*иктэнъ,* у кангаласцевъ *иктянь;* взрослая самка въ обоихъ нарѣчіяхъ—*намычанъ;* быкъ свыше 3—лѣтняго возраста у кангаласцевъ *гэльляхъ,* но на сѣверѣ это слово примѣняется только къ быкамъ свыше 6—лѣтняго возраста, а 4—лѣтній быкъ называется *нюоркянъ,* 5—лѣтній—*амаркянъ* и 6—лѣтній—*джюонтанъ.*

Оленье молоко, очень густое и сладкое, вкусомъ похожее на коровьи сливки, получается отъ каждой отдѣльной матки въ самомъ ограниченномъ количествѣ и употребляется исключительно въ свѣжемъ видѣ, въ приправу къ чаю; никакихъ продуктовъ изъ оленьяго молока не выдѣлывается и въ пищу идетъ только мясо убитаго животнаго, при чемъ самою вкусною частью считается хорошо провяленный и прокопченный языкъ. Туша убитаго оленя безъ кожи и копытъ вѣситъ до 5 пудовъ.

Несмотря на свою незначительную величину и тонкое, стройное, почти хрупкое тѣлосложеніе, здѣшній олень настолько силенъ, что одна упряжка, т. е. пара животныхъ, по сносной дорогѣ вывозитъ въ нартѣ до 20 пудовъ клади; въ долгомъ пути, при такомъ грузѣ, олени дѣлаютъ въ день верстъ по 30, въ краткомъ пути—верстъ по 40. Одинъ сѣдокъ, безъ всякаго груза, можетъ проѣхать не мѣняя упряжки верстъ сотню съ однимъ коротенькимъ роздыхомъ

---

[1]) Буквами *ль* я обозначаю очень твердое и глухое *л*, произносимое нѣсколько въ носъ и потому звучащее почти какъ *м.*

[2]) Буквами *нг* я передаю въ этомъ словѣ совершенно своеобразный звукъ, близкій въ одно и то-же время и къ твердому *х* (французское ch), и къ носовому *н*—нг, и къ совершенно несходному съ двумя первыми звуку вродѣ *тч* (въ произношеніи русскаго слова лучше—*лутче).* Благодаря неопредѣленности этого звука Хахагынскій или Хангагынскій родъ иначе называется Хатчигынскій или Хатчегирскій, въ старинномъ русскомъ правописаніи (въ оффиціальныхъ актахъ)—Хачегарскій. Отсюда-же названія русской деревни Олекминскаго округа—Качегарская.

за весь переѣздъ; въ долгомъ пути сѣдокъ можетъ проѣзжать ежедневно верстъ по 50—60[1]).

Свѣдѣнія, которыя я могъ собрать въ юртѣ Андрея отъ него самого и отъ немногихъ посѣтителей его жилья, меня, конечно, не удовлетворяли и я съ нетерпѣніемъ поджидалъ прибытія возчиковъ; но вскорѣ-же послѣ моего пріѣзда подули сильные вѣтра, въ воздухѣ потеплѣло и надъ вершинами горъ заклубились безконечныя вереницы тучъ. Еще день другой—и повалилъ густой снѣгъ, продолжавшійся нѣсколько сутокъ. Крупные хлопья замутили все пространство; лѣсъ побѣлѣлъ и вѣтви лиственницъ поникли подъ тяжелымъ покровомъ снѣжныхъ гирляндъ; на полотнѣ рѣки, тамъ, гдѣ раньше отчетливо змѣилась дорога, сугробъ нарасталъ за сугробомъ и съ берега на берегъ не стало ни прохода, ни проѣзда.... Все время, пока не прекратилась вьюга, и мы и сосѣди отсиживались по своимъ юртамъ, не зная, что дѣлается по ту сторону рѣки, въ полуверстѣ отъ насъ....

Послѣ того, какъ небо прояснилось и сосѣди опять начали посѣщать Андрея, всѣ ихъ разговоры нѣсколько дней вращались около одной темы:—минувшей вьюги и порчи пути. Собесѣдники вспоминали много случаевъ, когда обозъ, застигнутый пургою, застревалъ въ пути, олени и лошади гибли, а возчикамъ приходилось думать уже не о клади, а о собственной жизни. Особенно трудно въ такую пору пробираться по обнаженнымъ вершинамъ горныхъ хребтовъ, пересѣкающихъ охотскій трактъ во многихъ мѣстахъ. Былъ случай, когда возчики, бросивъ въ дорогѣ кладь, пѣшкомъ брели по саженному снѣгу, навстрѣчу страшной вьюгѣ, не имѣя возможности ни отдохнуть, ни обогрѣться на совершенно голой вершинѣ хребта; до укромнаго мѣста имъ оставалось только 10 верстъ, но эти *10 верстъ* они смогли пройти лишь *въ трое*

[1]) Подробнѣе объ оленѣ, какъ объ упряжномъ животномъ, см. у *Миддендорфа;* часть II, отдѣлъ V, стр. 489—519.

сутокъ;—понятно, что до ближайшей юрты они добрались полуживые отъ изнеможенія.

Разсказы о подобныхъ происшествіяхъ оставляли мало надежды на скорое прибытіе возчиковъ. И дѣйствительно:—время тянулось, а съ востока никто не пріѣзжалъ... Я не зналъ: ждать-ли мнѣ дальше или ѣхать назадъ?

Единственнымъ событіемъ, нарушившимъ за это время пустоту нашего безцѣльнаго пребыванія на Уланахѣ, явилось прибытіе съ запада артели плотниковъ-якутовъ, заподряженныхъ Т-вомъ для постройки паузковъ на верховьяхъ рѣки Юдомы.

Открытіе, или вѣрнѣе—возстановленіе судоходства по этой рѣкѣ[1]) составляло любимую мечту одного изъ руководителей Т-ва П. А. Калмыкова, который самъ изслѣдовалъ фарватеръ и еще прошлымъ лѣтомъ взорвалъ наиболѣе выступавшій камень; тѣмъ-же лѣтомъ для пробы по Юдомѣ былъ спущенъ паузокъ, совершившій путь до Усть-Маи вполнѣ благополучно. П. А. Калмыковъ проѣзжалъ черезъ Уланахъ изъ Охотска во время моего пребыванія и съ увлеченіемъ говорилъ о переворотѣ, который послѣдуетъ въ мѣстной торговлѣ послѣ расчистки Юдомы. Для полнаго устраненія опасности, по словамъ П. А., оставалось взорвать еще двѣ скалы; но даже раньше этого фарватеръ уже можно было считать достаточно расчищеннымъ для сплава судовъ, и весной 1896 года близъ мѣста пересѣченія Юдомы и Охотскаго тракта Т-во рѣшило построить и тѣмъ-же лѣтомъ спустить на Маю и оттуда на Алданъ три паузка съ полнымъ грузомъ[2]).

Старостой артели судостроителей, добравшихся до Уланаха частью пѣшкомъ, частью на вольныхъ, былъ якутъ по прозвищу Амери-

[1]) Въ прошломъ столѣтіи русскіе отправляли по Юдомѣ свои грузы въ Охотскъ, но для этого имъ приходилось строить лодки вмѣстимостью пудовъ на 70 и съ посадкою въ водѣ не болѣе трехъ футовъ. Подробности о тогдашнемъ характерѣ плаванія по Юдомѣ и Маѣ смотри у *Сарычева. „Путешествіе флота капитана Сарычева по сѣверовосточной части Сибири и т. д.... съ 1785 по 1793 годъ“* С. П. 1802 г. Ч. I, стр. 122—131.

[2]) Какъ я узналъ впослѣдствіи, это предпріятіе вполнѣ удалось.

канецъ,—человѣкъ, по слухамъ ходившій раньше матросомъ на китобойныхъ судахъ и побывавшій въ Америкѣ. Этотъ Американецъ,—пожилой мужчина весьма почтеннаго вида, степенный, разсудительный и дѣльный,—оказался интереснымъ собесѣдникомъ: бывалъ онъ и въ Камчаткѣ и во Владивостокѣ, ко всему присматривался, все примѣчалъ, и, какъ истый якутъ, изо всякаго знанія старался извлечь для себя пользу. При разговорѣ сразу-же выяснилось, что въ Америкѣ онъ не бывалъ, но съ американцами дѣйствительно встрѣчался и зналъ нѣсколько англійскихъ словъ. Среди своихъ этотъ старикъ пользовался большимъ авторитетомъ и умѣлъ держать всю „команду“—17 человѣкъ—въ полномъ порядкѣ.

Съ Уланаха артель была отправлена дальше на оленяхъ Т-ва въ сопровожденіи пятерыхъ рабочихъ, надъ которыми старшимъ былъ назначенъ мой чурапчинскій спутникъ Гаврило. Въ тотъ-же вечеръ пріѣхало трое возчиковъ изъ Охотска и съ ихъ словъ окончательно выяснилось, что въ скоромъ времени нельзя ожидать кого-нибудь еще.

Посовѣтовавшись съ К. Ф. Казакевичемъ, мы рѣшили вернуться на Алданъ, но нашъ отъѣздъ былъ замедленъ однимъ характернымъ обстоятельствомъ: пріѣзжіе тунгусы, сдавъ кладь, остались у Андрея, чтобы напиться чаю и затѣмъ сейчасъ-же отправиться на ночлегъ верстъ за 10 къ знакомому тунгусу. Несмотря на дорожную усталость, они охотно позволили себя измѣрить, довѣрчиво отвѣчали на всѣ мои вопросы и вообще имѣли видъ людей, съ которыми не случилось ничего особеннаго. Поговоривъ со мной, они перешли на другую половину юрты, гдѣ помѣщался Андрей со своимъ семействомъ, и стали пить чай, закусывать и благодушно калякать съ Андреемъ и съ Олесовымъ. Мы съ К. Ф. также принялись чаевать въ своемъ углу юрты. Черезъ полчаса въ обѣихъ группахъ велись уже совсѣмъ разныя бесѣды и мы не обращали вниманія на пріѣзжихъ, какъ вдругъ среди якутовъ обнаружилось

какое-то волненіе; и Андрей и Олесовъ, казалось, были очень затронуты тѣмъ, что сообщили прибывшіе, и мы сами невольно стали прислушиваться къ ихъ рѣчамъ (разговоръ велся на якутскомъ языкѣ). Гости совершенно спокойнымъ тономъ, нисколько не жалуясь, разсказывали о своей встрѣчѣ съ артелью. По ихъ словамъ, верстахъ въ семи отсюда, когда возчики поравнялись съ обозомъ, нашъ „капралъ“ (т. е. старшій надъ рабочими)—Гаврило ни съ того ни съ сего на нихъ набросился, избилъ, перерылъ обѣ нарты и отнялъ хорошій тѣлляхъ (мѣховую постель). Тунгусовъ это обстоятельство повидимому нисколько не удивляло и они сообщали о немъ, какъ о простой случайности, вовсѣ не разсчитывая на вмѣшательство К. Ф. Казакевича; но самъ К. Ф., узнавъ о происшествіи, вышелъ изъ себя и рѣшилъ немедленно вернуть Гаврилу и выпроводить его съ Уланаха. Изъ дальнѣйшаго разговора я узналъ, что „капралъ“,—неоцѣненный работникъ по смѣтливости и расторопности,—въ то-же время уже съ издавна отличался склонностью къ буйству и грабительству; мѣстныхъ якутовъ онъ держалъ въ страхѣ, превосходя ихъ силой и смѣлостью[1]), а тунгусовъ

[1]) Я уже говорилъ, что уланахскіе якуты очень слабосильны. Это обстоятельство не могло не броситься мнѣ въ глаза, когда по вечерамъ сосѣдняя молодежь собиралась въ юртѣ Андрея. Разговоры перемежались у собравшихся шутками, играми и физическими состязаніями. Олесовъ, мужчина 12-ти вершковъ роста, самый высокій изъ всѣхъ русскихъ якутянъ, какихъ я только видѣлъ, одолѣвалъ ихъ какъ дѣтей; на палкѣ онъ легко перетягивалъ двоихъ и троихъ якутовъ, а между тѣмъ по худощавости тѣлосложенія и самъ онъ вовсе не производилъ впечатлѣнія особенно сильнаго человѣка. Я предложилъ ему помѣряться со мной и изъ нѣсколькихъ состязаній пришелъ къ заключенію, что Олесовъ, для русскаго, обладаетъ силой средней или немного выше средней. Между прочимъ, мы пробовали нѣсколько разъ подрядъ отчетливо и медленно креститься деревяннымъ обрубкомъ, имѣвшимъ сверху отогнутый сучекъ вродѣ ручки и замѣнявшимъ у Андрея стулъ; вѣсилъ этотъ обрубокъ 37 фунтовъ. Олесовъ могъ сдѣлать вполнѣ отчетливо только 7 крестовъ (послѣ каждаго креста опуская руку прямо), самый сильный изъ мѣстныхъ якутовъ—только 3 креста, а нѣкоторые якуты даже первый крестъ дѣлали неправильно, съ замѣтной дрожью руки и не полнымъ выгибаніемъ локтя. Въ центральной части округа якуты крѣпче уланахскихъ, хотя, судя по опытамъ съ динамометромъ, и они все-таки значительно уступаютъ русскимъ. Знаменитѣйшій силачъ Батурусскаго улуса могъ поднимать не свыше 13-ти пудовъ, хотя тяжесть въ 9 пудовъ (круги топленаго масла въ переметныхъ сумахъ) онъ однажды перенесъ на собственныхъ плечахъ отъ лѣтняго перевоза на р. Ленѣ до города Якутска, т. е. на разстояніе верстъ въ пять,—конечно, не разъ отдыхая на этомъ пути.

обижалъ при всякомъ удобномъ случаѣ, пользуясь ихъ миролюбивымъ характеромъ. Лѣтомъ, напившись пьянъ съ пароходными матросами, онъ однажды затѣялъ ссору и сталъ стрѣлять изъ револьвера; присутствовавшіе при этомъ тунгусы смотрѣли на его безчинство совершенно равнодушно, но когда г. Казакевичъ приказалъ связать буяна и никто изъ якутовъ не посмѣлъ къ нему подойти, одинъ тунгусъ, не покидая своего покойнаго вида, подошелъ, свалилъ и связалъ разбушевавшагося малаго безъ особеннаго труда. Послѣ этого случая Гаврилу хотѣли прогнать, но онъ, протрезвившись, обѣщалъ исправиться и до послѣдняго времени велъ себя смирно.

На этотъ разъ, чтобы вернуть улуснаго лихача и отобрать у него похищенный тѣлляхъ, мы вызвали родового старшину, нѣкоего Торго́, еще молодого якута, скромнаго и тихаго, какъ и всѣ его сосѣди. Торго́ выслушалъ разсказъ тунгусовъ очень сочувственно, но заявилъ, что онъ рѣшительно ничѣмъ не можетъ помочь, такъ какъ его родовичи и сами хотѣли-бы составить приговоръ о выселеніи Гаврилы съ Уланаха, но не рѣшаются его выпроводить на самомъ дѣлѣ. Въ виду такого заявленія, К. Ф. распорядился запречь коня, взялъ съ собой одного рабочаго, и немедленно выѣхалъ самъ, въ надеждѣ настигнуть „команду“ на ночлегѣ.

Когда онъ отправился, дѣло было уже къ вечеру. Наступила ночь, наступило утро, наступилъ полдень слѣдующаго дня, а К. Ф. все не возвращался. Я встревожился и велѣлъ приготовить нарту, намѣреваясь отправиться вслѣдъ за уѣхавшимъ, но, пока шли сборы, К. Ф. наконецъ вернулся и самъ.

Оказалось, что на первомъ-же роздыхѣ по переѣздѣ черезъ Бѣлую Гаврило освѣдомился у Американца: не везутъ-ли съ собой плотники водки? и узнавъ, что водка въ запасѣ имѣется, предложилъ тутъ-же подкрѣпиться для начала пути. Остальные выпили по немногу, а Гаврило сразу-же упился и дѣйствительно,

встрѣтивъ по дорогѣ тунгусовъ, напалъ на нихъ и отнялъ тёлляхъ, такъ какъ тѣ не сопротивлялись, видя передъ собой цѣлую толпу якутовъ. Когда на ночлегѣ неожиданно появился К. Ф., Гаврило, все еще мертвецки пьяный, продолжалъ буйствовать и не хотѣлъ возвращаться, почему и пришлось его связать. Теперь этотъ герой имѣлъ очень сконфуженный видъ и смиренно просилъ, чтобы его развязали. К. Ф. позволилъ снять веревку, но приказалъ эксъ-капралу собирать свои пожитки, чтобы завтра-же, вмѣстѣ съ нами ѣхать на Алданъ, гдѣ ему будетъ данъ полный разсчетъ.

На слѣдующій день былъ какъ разъ канунъ Пасхи и намъ хотѣлось не ночуя доѣхать до Алдана, чтобы встрѣтить праздникъ какъ-бы дома. Въ сумерки добравшись до Этерджяха, мы напились чаю и покормили лошадей, а я тѣмъ временемъ измѣрилъ стараго Налима и его красиваго сына. Бѣднякамъ рѣшительно нечѣмъ было встрѣтить праздникъ. Старый Налимъ ничего у насъ не просилъ, но когда мы сами догадались предложить ему кое-что изъ съѣстного, то онъ обрадовался какъ ребенокъ и съ необыкновенно любовнымъ видомъ понесъ наше даяніе къ своей старухѣ, у которой то-же: „зубы нѣту, а кушай надо“. Якуты, хозяева юрты, были немного позажиточнѣй своего сосѣда. У нихъ передъ божницей горѣли восковыя свѣчи; взрослые и дѣти, всѣ въ юртѣ были одѣты въ старыя, но незадолго передъ этимъ вымытыя дабовыя рубашки; въ котелкѣ былъ уже заготовленъ разваренный коровій языкъ; было видно, что тутъ люди приготовились встрѣтить праздникъ со всею доступной для нихъ торжественностью. Мы оставили имъ въ благодарность за гостепріимство нѣсколько пшеничныхъ калачей и чашку водки и уже при звѣздахъ тронулись въ дальнѣйшій путь.

Погода, послѣ прекращенія метели, опять установилась холодная. Даже днемъ былъ изрядный морозъ, а теперь насъ зазнобило уже на десятой верстѣ по выѣздѣ.

Въ 22-хъ верстахъ, у крутого подъема, на который предстояло взбираться при поворотѣ въ сторону отъ рѣки, мы сошли съ нартъ и пробрели пѣшкомъ версты три до мѣста привала; однако и это не помогло, такъ-какъ лицо и руки все-таки мерзли. Пришлось набрать бурелому и развести громадный костеръ. Когда, послѣ долгихъ усилій, крупный сушникъ наконецъ разгорѣлся, пламя вспыхнуло какъ-то сразу и едва примѣтная въ ночномъ сумракѣ снѣжная поляна внезапно озарилась фантастическимъ свѣтомъ; въ яркомъ заревѣ отчетливо обрисовалась каждая вѣточка неподвижныхъ бѣлыхъ деревьевъ; внизу, подъ ихъ мраморными вѣтвями, тьма зардѣлась и въ ней выступили на видъ тонкіе, стройные стволы высокихъ лиственницъ; между ними, закругленныя и перепутанныя словно кружево, забѣлѣли изогнувшіяся подъ тяжестью снѣга верхушки легкой поросли. Скинувъ шубы, мы стояли и грѣлись у огня, съ сожалѣніемъ слѣдя за тѣмъ, какъ уничтожаются дрова, убываетъ пламя и его эффектный отблескъ постепенно тускнѣетъ, уступая мѣсто прежнему мраку.... Пора становилось ѣхать. Мы тронулись, и часа черезъ три были на Алданѣ.

Каковъ былъ въ эту ночь морозъ, видно изъ того, что водка, которую мы везли съ собою въ деревянной флягѣ, смерзлась въ кусокъ такъ, что ее пришлось оттаивать вплоть до разсвѣта.

На Алданѣ я встрѣтилъ Пасху и на слѣдующій-же день выѣхалъ обратно въ городъ.

Черезъ два съ половиной мѣсяца я опять собрался въ путь, но только не на сѣверо-востокъ, а на юго-юго-востокъ, въ такіе края, въ которыхъ раньше не бывалъ. Моимъ спутникомъ на этотъ разъ былъ псаломщикъ И. А. Поповъ. 16-го іюня, въ 7 часовъ вечера, мы выѣхали вверхъ по Ленѣ на пароходѣ „Якутъ“, а въ 7 ч. утра сошли на берегъ въ русскомъ селеніи Покровскомъ, верстахъ въ 90 отъ города. Тутъ насъ ожидала лодка и

двое якутовъ-гребцовъ, высланныхъ съ противоположной стороны рѣки братомъ И. А. Попова, священникомъ Кочекатской церкви. Теченіе въ этомъ мѣстѣ настолько сильно, что мы поднимались вдоль берега Лены верстъ на семь, чтобы перевалить черезъ главное русло, ширина котораго у Покровскаго не болѣе двухъ верстъ. Наши якуты работали изо всѣхъ силъ, усердно загребая коротенькими, неуклюжими веслами и при всякомъ взмахѣ обдавая насъ холодными брызгами. Кое-какъ одолѣвъ быстрину, они перевели духъ, когда насъ снесло къ нижнему (сѣверному) краю большого острова, за которымъ разстилается версты на три боковой рукавъ Лены, болѣе широкій, чѣмъ главное русло, но мелкій и тихій какъ заводь. Въ тальникахъ, покрывающихъ низменный правый берегъ Лены, издали совершенно незамѣтно маленькихъ протоковъ и заливчиковъ, но ихъ оказывается, какъ подъѣдешь поближе, такъ много, что, не зная мѣстности, никогда-бы и не выбраться изъ этого воднаго лабиринта. Часа четыре мы тихо двигались по соннымъ протокамъ, одинаково узкимъ, одинаково пустыннымъ, одинаково окаймленнымъ густыми стѣнами поникшихъ тальниковъ. Въ одномъ мѣстѣ мы спугнули двухъ лебедей, неподалеку оттуда—пару гуменниковъ, повсюду наша лодка своимъ появленіемъ вызывала переполохъ среди утокъ, плававшихъ тутъ большими стаями. Весь этотъ уголокъ казался настоящимъ раемъ для всякой водяной птицы, которая тутъ лѣтовала и хозяйничала на полной волѣ.

Медленно подвигаясь по этимъ лѣнивымъ и пустыннымъ водамъ, можно было думать, что находишься гдѣ-то далеко отъ человѣческаго жилья, но, приставъ къ берегу и поднявшись на небольшую возвышенность, я съ удивленіемъ увидѣлъ передъ собою равнину, сплошь усѣянную якутскими лѣтниками. И вправо и влѣво, всюду куда хваталъ глазъ, нестрѣли легкіе домики, разсыпанные безъ всякаго порядка: гдѣ въ одиночку, а гдѣ группами въ двѣ-три постройки. Довольно чахлый скотъ вольно бро-

дилъ между ними, пощипывая мелкую, пыльную траву. Кое-гдѣ на равнинѣ выдѣлялись своею густою зеленью болотистыя низины, мѣстами колосились обнесенныя оградами небольшія нивы; на пригоркахъ, точно одинокіе стражи, высились красивыя, развѣсистыя сосны и крупныя лиственницы; подальше отъ рѣки, у подножья горъ, виднѣлись березовыя рощи и лиственничные перелѣски, изъ за которыхъ синѣли дымки скрывавшихся за ними юртъ... Вся долина своей оживленностью, разнообразіемъ и мягкимъ колоритомъ общаго вида совсѣмъ не походила на якутскій улусъ;—скорѣе можно было подумать, что это дачная мѣстность въ окрестностяхъ города. Кочекатская церковь, куда мы направились съ пристани, стоитъ всего въ верстѣ отъ берега; виднѣясь издалека, она дополняетъ картину, придавая ей еще болѣе русскій видъ.

Передневавъ въ домѣ священника, мы отдохнули послѣ безсонной ночи и вечеромъ срядились съ якутомъ Николаемъ Лебедевымъ, согласившимся за 45 рублей добыть намъ къ слѣдующему утру пару верховыхъ лошадей и въ качествѣ проводника сопровождать насъ до рѣки Амги.

18-го іюня немного позже полудня мы тронулись изъ Кочекатцевъ и первыя пять верстъ шли берегомъ по землямъ якутовъ 2-го Женкунскаго наслега. Долина и тутъ сохраняла свой дачный характеръ. Всѣ мѣстные якуты, по словамъ Николая, проводятъ лѣто на берегу, гдѣ у нихъ имѣются засѣвы ячменя размѣромъ отъ 2 до 20 пудовъ, тогда-какъ къ зимѣ населеніе долины откочевываетъ на богатые лугами ленскіе острова, поближе къ запасамъ своего сѣна. Въ пяти верстахъ отъ церкви, пробираясь у самаго ската береговыхъ горъ, мы перешли въ бродъ небольшую рѣчку Тюгяття, протекающую въ глубокомъ и дикомъ ущельѣ, у подножья отвѣсныхъ утесовъ сѣроватаго и желтоватаго цвѣта. Гдѣ-то выше по теченію этой рѣчки якуты добываютъ известь, которую продаютъ крестьянамъ на побѣлку печей и стѣнъ. На своемъ пути мы кое-гдѣ встрѣчали небольшіе, бѣлые куски, очевидно еще не-

задолго до нашего проѣзда оброненные кѣмъ-то изъ жителей. Сейчасъ-же за рѣчкой дорога пошла въ гору. Какъ и всюду на скатахъ восточнаго берега, здѣсь начиналась область песковъ и сосны. Солнце палило, было душно, наши кони скоро взмокли и шли медленно, оставляя въ раскаленномъ пескѣ глубокіе слѣды. Подъемъ тянулся верстъ пять и вывелъ на плоскогорье, поросшее лиственичнымъ лѣсомъ. Миновавъ небольшую группу очень бѣдныхъ юртъ, мы вскорѣ-же вступили въ густой лѣсъ, перемежавшійся топкими болотами. Особенность мѣстности составляли озера, лежащія въ очень глубокихъ, воронкообразныхъ впадинахъ, похожихъ на провалы. Пашенъ здѣсь уже не было видно, но покосныя мѣста встрѣчались нерѣдко. Трава на нихъ была хороша и вообще, чѣмъ дальше мы подвигались на востокъ, тѣмъ сочнѣе становилась растительность; хотя мѣстность, по которой мы теперь ѣхали, лежитъ всего на 100 верстъ южнѣе отправного пункта охотскаго тракта, (на восточномъ берегу Лены, немного сѣвернѣе г. Якутска), но характеръ растительности здѣсь и тамъ оказался до того несходнымъ, что я не могъ не удивиться такому различію. Сравнительно крупная вѣличина здѣшней березы сразу-же бросалась въ глаза; лиственица и сосна по всему нашему пути до верховій рѣки Монды были на видъ гораздо рослѣй и вѣтвистѣй, чѣмъ на близкомъ сѣверѣ,—гдѣ нибудь въ окрестностяхъ Чурапчи, а пышность и темная окраска ихъ зелени придавала этимъ деревьямъ красоту и жизненность, которыхъ имъ такъ недостаетъ въ болѣе сѣверныхъ лѣсахъ. Мѣсто нашего перваго привала,—небольшая поляна въ 30 верстахъ отъ церкви,—запомнилось мнѣ особенной густотою лѣса и темнымъ оттѣнкомъ хвойнаго покрова. У ограды юрты, построенной однимъ женкунскимъ якутомъ въ этомъ уголкѣ, мы наскоро напились чаю подъ открытымъ небомъ и двинулись дальше. Наша дорога за 18 верстъ оттуда пересѣкла якутскій лѣтникъ—юрты три или четыре, а за 20 верстъ дальше подошла къ рѣкѣ Мондѣ, гдѣ у насъ было условлено встрѣтиться съ о. Іоанномъ.

Въ 2 часа ночи мы прибыли на урочище Чорулъ Толонъ и рѣшили заночевать въ просторномъ и чистенькомъ домикѣ, проживавшаго на этомъ урочищѣ якута Дмитрія Петрова.

Утромъ 19-го іюня проводникъ убѣдилъ насъ обождать жару, чтобы не морить коней, и мы тронулись въ дальнѣйшій путь только въ 4 ч. пополудни. Въ ожиданіи отъѣзда, бесѣдуя съ якутами, я узналъ, что жители нагорнаго края сѣютъ мало; самъ Егоръ „прыскаетъ“ [1]) только пуда два, да и то не совсѣмъ удачно, такъ-какъ хлѣбъ часто вымерзаетъ. Звѣриный промыселъ развитъ у женкунцевъ гораздо шире, чѣмъ у якутовъ центральныхъ наслеговъ Батурусскаго и Мегинскаго улусовъ; изъ примондинскихъ жителей почти всѣ ходятъ въ тайгу на добычу сохатыхъ, изрѣдка бьютъ и медвѣдей, но бѣлки не промышляютъ, такъ-какъ въ ближайшей округѣ ея не водится. Помимо этого, почти всѣ жители ведутъ мѣновую торговлю съ тунгусами, которые выходятъ сюда для пріобрѣтенія у якутовъ въ обмѣнъ на свою пушнину масла и муки; стоимость масла при такихъ сдѣлкахъ опредѣляется по послѣдней городской цѣнѣ (обыкновенно 10—12 р. пудъ), а стоимость пушнины принимается съ уцѣнкой „пяти копѣекъ на двугривенный“, т. е. на 25% ниже городской цѣны;—обмѣнъ, очевидно, небезвыгодный для якутовъ, но все-таки далеко недающій имъ тѣхъ барышей, которые они извлекаютъ изъ своихъ поѣздокъ на зимнія стоянки тунгусовъ. Опредѣляя расходы такихъ поѣздокъ по своему усмотрѣнію, якуты зимой доводятъ цѣну привознаго масла до предѣловъ возможнаго, такъ-какъ съ одной стороны передъ ними покупатели, которые, подобно Робинзону съ золотыми луидорами въ рукахъ, могли-бы умереть съ голоду на своихъ драгоцѣнныхъ собольихъ шкуркахъ, а съ другой,—продавцевъ, рискующихъ дальними поѣздками къ верховьямъ Амги и Алдана, не такъ ужь много, и всякій изъ нихъ, въ силу самаго положенія вещей, является монополистомъ. Примондинскіе якуты очень хорошо

[1]) Выраженіе, усвоенное якутами отъ мѣстныхъ русскихъ.

сознаютъ выгоды своего положенія и потому они далеко неблагосклонно относятся къ попыткамъ тунгусовъ войти въ непосредственныя сношенія съ русскими крестьянами того берега Лены и съ городскими купчиками. Для якутовъ установленіе такихъ сношеній составляло-бы прямой подрывъ и они борются за господство надъ своимъ „рынкомъ“ съ неменьшей энергіей, чѣмъ какой-нибудь англійскій или нѣмецкій капиталистъ, дѣйствующій подобнымъ-же образомъ по отношенію къ цѣлымъ странамъ съ многомилліоннымъ населеніемъ. Въ дальнѣйшемъ пути я слышалъ много разсказовъ о тѣхъ уловкахъ, къ которымъ прибѣгаютъ торговцы—якуты для разобщенія тунгусовъ съ внѣшнимъ міромъ; дальше на востокъ, гдѣ тунгусовъ больше, имъ чаще приходится сталкиваться съ якутами и тамъ отношенія обоихъ племенъ очень натянуты; но въ низовьяхъ Монды якуты составляютъ сплошное населеніе[1]), лишь немногіе изъ тунгусовъ заглядываютъ сами въ эти мѣста, и въ отзывахъ Петрова и его родственниковъ не замѣчалось того озлобленія, съ которымъ говорили о претензіяхъ тунгусовъ на самостоятельность нахрскіе[2]) якуты.

Другою темой нашихъ разговоровъ, во время пережиданія жары, служила рѣка Монда и ея окрестности. На Чорулъ-Толонѣ это небольшая рѣчка саженъ въ 5—6 ширины и глубиною аршина въ два, но русло ея составляетъ широкій ровъ значительной глубины, съ очень крутыми, глинистыми берегами, поросшими дикою чащей. Въ сильную воду рѣка подмываетъ большіе пласты берега и тѣ рушатся внизъ вмѣстѣ съ деревьями; засохшіе стволы съ обломанными, корявыми вѣтвями повсюду лежатъ на землѣ, свѣшиваются надъ водой и перетораживаютъ теченіе, напоминая своимъ видомъ какихъ-то сторукихъ богатырей, павшихъ со своей непрочной

[1]) На берегу Лены, въ 7-ми верстахъ отъ Кочекатской церкви, есть небольшой тунгузскій зимникъ на урочищѣ Толматокъ; но это—единственное стойбище, выдвинувшееся такъ далеко на западъ.

[2]) 1-й и 2-й Нахрскіе наслеги Восточно-Кангаласскаго улуса расположены на сѣверъ отъ рѣки Тёнгутти.

высоты. Сама рѣка въ эту сухую пору года казалась тихой и слабой: теченія было совсѣмъ незамѣтно, но краямъ довольно прозрачной воды красивой каймой зеленѣли широколистныя водяныя растенія, рѣчное дно было видно съ берега.... Однако, послѣ сильныхъ дождей, русло Монды, какъ говорятъ, наполняется почти до краевъ и тогда рѣка дѣлаетъ новыя опустошенія въ прибрежныхъ лѣсахъ. Верстахъ въ тридцати отъ Лены она низвергается съ крутого уступа и благодаря этому водопаду рыбы въ ней не водится. Долина Монды мѣстами расширяется, мѣстами становится уже, но въ общемъ она не широка,—какихъ-нибудь полверсты, едва-ли больше. Къ югу отъ рѣки, гдѣ мѣстность гористѣй, по темнымъ слухамъ должно находиться серебро и свинецъ; говорятъ, будто-бы люди встрѣчали какіе-то признаки ихъ присутствія, но я не знаю можно-ли вѣрить этимъ розсказнямъ. Единственный металлъ, который несомнѣнно добывается по близости, это—желѣзо, какъ говорятъ,—хорошаго качества. Мѣсто его добычи отстоитъ за 40 верстъ отъ Чорулъ-Толона и за 30 в. отъ Лены.

Въ 4 часа дня мы выѣхали съ Чорулъ-Толона и, сдѣлавъ 20 верстъ, прибыли на урочище Туранахъ, гдѣ впервые увидѣли тунгузскія урасы. Тутъ расположился на стоянку старикъ Иванъ Гермогеновъ съ однимъ изъ своихъ женатыхъ сыновей. На темно-зеленомъ фонѣ прирѣчнаго лѣса обѣ урасы красиво выдѣлялись своей бѣлизной; стадо оленей бродило передъ ними на лужайкѣ. Нѣсколько остромордыхъ собакъ, зачуявъ насъ издалека, разразились громкимъ лаемъ, и люди вышли намъ на встрѣчу и помогли развьючить коней.

Урасы и тутъ и повсюду далѣе по своему устройству оказались именно такими, какими ихъ описывали путешественники еще въ прошломъ столѣтіи: нѣсколько жердей толщиною съ руку десятилѣтняго мальчика слегка врыто въ землю и скрѣплено на верху такъ, что всѣ вмѣстѣ онѣ образуютъ конусъ, діаметромъ сажени въ двѣ и вышиною сажени въ полторы; разстояніе жердей у

земли—приблизительно аршинъ. Эта основа снаружи обложена широкимъ пластомъ толстой и тяжеловѣсной, красновато-коричневой лиственичной коры шириною въ аршинъ съ небольшимъ. Выше этого пласта оболочка урасы состоитъ изъ такихъ-же широкихъ пластовъ бересты[1]), навитыхъ по большей части нѣсколько спиралеобразно. Самая верхушка конуса остается не защищенной для свободнаго выхода дыма. Отверстіе для входа въ урасу очень низко и на ночь завѣшивается или отгибнымъ пластомъ бересты, или просто кускомъ грубаго холста.

Внутреннее убранство современной урасы, оставаясь въ сущности такимъ-же, какимъ оно было и раньше, имѣетъ въ себѣ кое-что заимствованное отъ русскихъ. Прежде всего:—прямо противъ входа, на высотѣ примѣрно двухъ аршинъ, во всякомъ жильѣ непремѣнно подвѣшена божница съ дешевыми образочками и массивными мѣдными крестами; затѣмъ, у зажиточныхъ людей направо отъ входа навѣшивается на веревочкѣ ситцевый пологъ, по большей части отдернутый; тамъ, гдѣ женатый сынъ живетъ вмѣстѣ съ отцемъ, имѣется и по два полога, такъ-какъ за ними находятся мѣста хозяйки и снохи,—какъ-бы спальни супруговъ. У бѣдняковъ такихъ пологовъ не бываетъ. Предметы русскаго издѣлья, которые можно встрѣтить въ любой урасѣ:—мѣдные котлы, эмалированныя тарелки (одна—двѣ на семью), чашки, блюдечки и стаканчики простѣйшаго фасона, одна—двѣ вилки,—да пожалуй и только. Большіе мѣдные чайники имѣются почти у всѣхъ кангаласцевъ, но есть и такіе бѣдняки, которые довольствуются простыми котлами. Самоваръ можно встрѣтить въ урасѣ не такъ часто, какъ въ юртѣ, но все-таки нельзя сказать, чтобы онъ составлялъ большую рѣдкость.

Въ остальномъ ураса не измѣнилась и все ея убранство состоитъ изъ ряда оленьихъ вьюковъ и сѣделъ, аккуратно уложен-

[1]) Каждый такой пластъ состоитъ изъ трехъ длинныхъ полосъ, сшитыхъ по краямъ; каждая полоса—изъ тщательно подшитыхъ отдѣльныхъ кусковъ.

ныхъ по окружности, у самыхъ жердей основы. Въ центрѣ круга' какъ разъ подъ отверстіемъ конуса, въ урасѣ всегда тлѣетъ нѣсколько мелкихъ полѣньевъ или обломковъ дерева. Подъ образами, на почетномъ мѣстѣ, лежитъ *кумаланъ*, т. е. коврикъ изъ лосиной кожи; иногда такіе-же кумаланы бываютъ разостланы и рядомъ, почти по всей окружности урасы, прямо подъ стѣнкою вьюковъ. Все свободное пространство между вьюками и костромъ усыпается мелкими лиственичными вѣтвями, сглаживающими неровности почвы и наполняющими воздухъ урасы пріятнымъ, смолистымъ запахомъ. Изъ деревянныхъ подѣлокъ въ урасѣ можно увидѣть только двѣ вещицы: столикъ, болѣе похожій на скамейку,— вершка въ 3 вышины, въ 6—7 вершковъ ширины, и длины вершковъ въ 10, и маленькій якутскій погребецъ для храненія чашекъ и другой посуды.

Вьюки, играющіе такую важную роль въ хозяйствѣ тунгуса, состоятъ изъ двухъ помѣщеній: внутренняго, берестянаго и внѣшняго, кожанаго; первое составляетъ собственно коробъ, а второе— футляръ этого короба. Всѣ вьюки по узкимъ бокамъ непремѣнно украшены мечевидными нашивками краснаго и чернаго цвѣта. Сѣдла также украшены узоромъ, въ которомъ болѣе или менѣе затѣйливо комбинируются красный и черный пунктиръ, мелкіе крестики и волнообразныя линіи. Съ наибольшимъ эффектомъ художественный вкусъ тунгусовъ проявляется въ украшеніи зимнихъ рукавицъ и кухлянокъ (мѣховыхъ рубахъ), на которыхъ цвѣта и узоры почти всегда подобраны чрезвычайно красиво. Лѣтняя одежда кангаласцевъ, наоборотъ, не сохранила въ себѣ ничего національнаго. Всѣ женщины, какихъ я видѣлъ, были одѣты въ широкія ситцевыя рубахи якутскаго покроя, преимущественно краснаго или бѣлаго цвѣта; бѣдныя носятъ совершенно такія-же рубахи изъ синей дабы. Мужчины повидимому отдаютъ предпочтеніе красному и зеленому цвѣту, но бѣдняки облекаются въ неизмѣнную синюю дабу, столь распространенную среди сибирскихъ инородцевъ. Покрой

ихъ рубахъ—общесибирскій, заимствованный черезъ якутовъ у русскихъ крестьянъ: широкая, длинная блуза съ подобранными, узкими нарукавниками. Длинныя косы, которыя носили всѣ кангаласцы во времена Миддендорфа, теперь окончательно вывелись; большинство мужчинъ подстригаетъ свои густые, жесткіе волосы почти въ кружокъ, а нѣкоторые оставляютъ ихъ рости свободно такъ, что черныя пряди ниспадаютъ по плечамъ, придавая смуглымъ, темно-глазымъ лицамъ этихъ людей что-то поэтически дикое и оригинальное.

Господствующимъ языкомъ у кангаласцевъ западнаго берега въ настоящее время является якутскій, а на восточномъ берегу родное нарѣчіе еще не исчезло въ домашнемъ быту тунгусовъ, но явно уступаетъ мѣсто болѣе богатому языку якутовъ. На вопросъ, съ которымъ я обращался ко многимъ старикамъ: почему у кангаласцевъ не сохранилось ихъ собственныхъ тунгузскихъ пѣсенъ и былинъ? мнѣ давали характерный отвѣтъ: „гдѣ тунгусъ скажетъ одно слово, тамъ якутъ скажетъ десять словъ“, т. е. указывали на бѣдность своего собственнаго языка, яко-бы не допускающаго выраженія болѣе сложныхъ понятій. Такое объясненіе, какъ мнѣ кажется, по существу своему невѣрно, такъ-какъ тамъ, гдѣ тунгусы крѣпче сохранили свою самобытность, у нихъ есть свои пѣсни, а манчжурское нарѣчіе, какъ извѣстно, могло развиться до степени литературнаго языка. Отсюда можно заключить, что лексическая и грамматическая бѣдность кангаласскаго нарѣчія вытекаетъ не изъ первоначальной бѣдности тунгузскаго языка, а изъ забвенія его богатствъ подъ вліяніемъ объякучиванія. Такъ и русскіе крестьяне Амгинской слободы или мой уланахскій пріятель Егоръ Олесовъ не могутъ съ полной свободой выражать своихъ мыслей иначе, какъ по якутски,—но это лишь потому, что сохранившихся въ ихъ памяти русскихъ словъ и оборотовъ достаточно только для простѣйшихъ торговыхъ сдѣлокъ или для объясненія съ начальствомъ.... Во всякомъ случаѣ въ настоящее время

дѣло стоитъ такъ, что, изъ сотни семей кангаласскихъ тунгусовъ, которыхъ я встрѣтилъ на своемъ пути, я могъ-бы указать не болѣе 20—30 семей, объяснявшихся въ своемъ домашнемъ быту по тунгузски чаще и охотнѣе, чѣмъ по якутски.

Имѣя представленіе о кангаласцахъ только по описаніямъ Миддендорфа, я былъ сильно разочарованъ въ своихъ ожиданіяхъ, встрѣтивъ на Туранахѣ якутскіе костюмы и слыша вокругъ себя якутскую рѣчь; но разговорившись съ Гермогеновымъ, я вскорѣ-же увидѣлъ, что мое разочарованіе черезчуръ преждевременно, такъ-какъ по общему складу своего быта кангаласцы праваго берега все-таки остаются настоящими тунгусами и среди нихъ лишь немногіе оставляютъ образъ жизни своихъ предковъ. Ужь не говоря объ урасахъ, которыя я теперь видѣлъ передъ собой, и о стадѣ оленей, бродившихъ вокругъ, самый пріемъ гостей со стороны хозяина оказался не похожъ на пріемъ русскихъ какимъ-нибудь якутскимъ тойономъ. Старикъ Гермогеновъ—человѣкъ зажиточный,—держалъ себя совершенно просто и не важничалъ, какъ наслежный „князецъ“; младшіе члены его семьи не лебезили и не попрошайничали; въ рѣчахъ всѣхъ этихъ людей не замѣчалось той вкрадчивости и цытливости, какая сквозитъ въ обращеніи якута съ мало знакомымъ русскимъ. Угощали насъ не сорой[1]) и не кѣрчагомъ[2]), а вяленными оленьими языками и губой сохатаго,—излюбленными блюдами тунгузскаго стола; кромѣ этихъ лакомствъ, въ лѣтнюю пору у тунгусовъ можно достать только измельченное въ труху сухое мясо да какую-нибудь чашку оленьяго молока. Благодаря безрыбности Монды, другой пищи я нигдѣ не находилъ вплоть до нашего выѣзда на рѣку Амгу.

Гермогеновъ сообщилъ намъ со словъ одного проѣзжаго якута, что о. Іоаннъ прибудетъ лишь на слѣдующій день, и мы съ псаломщикомъ должны были заночевать на Туранахѣ. Такое промедленіе

[1]) Сора (правильнѣе—суоратъ)—молочный продуктъ, сходный съ русскимъ варенцомъ.

[2]) Кѣрчагъ—взбитыя сливки.

оказалось вполнѣ своевременнымъ, такъ-какъ вскорѣ-же послѣ нашего прибытія пошелъ проливной дождь и разразилась гроза, чего можно было ожидать давно: всѣ эти дни въ воздухѣ невыносимо парило, на дальнемъ востокѣ синѣли тучи, и время отъ времени оттуда доносились отголоски сильнаго грома.

Дождь прекратился только въ полдень 20-го іюня и вскорѣ-же послѣ этого прибылъ о. Іоаннъ, а немного погодя и о. Алексѣй, кочекатскій священникъ, ѣхавшій съ востока, т. е. намъ на встрѣчу. О. Алексѣй возвращался домой послѣ лѣтняго объѣзда своихъ прихожанъ—примондинскихъ якутовъ. Мы поблагодарили его за высылку лодки въ Покровское и сообщили, какъ поживаютъ его домашніе. О. Алексѣй разсказалъ намъ нѣсколько эпизодовъ своей поѣздки и, пробесѣдовавъ часа два, сѣлъ на коня и выѣхалъ дальше по тому пути, который мы прошли наканунѣ. Мои спутники сейчасъ-же послѣ этого приступили къ чтенію правила, а вечеромъ исповѣдовали Гермогенова съ его семействомъ и еще нѣсколькихъ тунгусовъ, вышедшихъ на Туранахъ съ какого-то сосѣдняго стойбища. Утромъ слѣдующаго дня исповѣдники причащались, а я, послѣ окончанія требъ, измѣрилъ четверыхъ тунгусовъ и занесъ въ свою путевую книжку нѣкоторыя свѣдѣнія о раздѣленіи кангаласцевъ на роды. Главнымъ образомъ при этой бесѣдѣ, а частью изъ распросовъ въ дальнѣйшемъ пути, я могъ узнать по этому поводу слѣдующее:

Кангаласскіе тунгусы бродятъ на громадномъ пространствѣ, ограниченномъ съ востока рѣкой Алданомъ, а съ запада верховьями лѣвыхъ притоковъ Лены, небольшихъ рѣкъ Мархи (граница Якутскаго и Олекминскаго округовъ) и Чины. На сѣверѣ онѣ доходятъ до рѣкъ Монды, впадающей въ Лену, и Тёнгутти, впадающей въ Амгу, а по теченію Амги спускаются еще верстъ на двѣсти сѣвернѣй. На югѣ точной границы ихъ распространенія не существуетъ, такъ-какъ многіе изъ кангаласцевъ не только доходятъ до Амура, но въ исключительныхъ случаяхъ даже пе-

переправляются на ту сторону, откуда можно заключить, что нѣкоторые наблюдатели, путешествовавшіе по Амуру, встрѣчали и ихъ въ числѣ амурскихъ „орочоновъ".

Свое названіе кангаласское вѣдомство получило отъ русскихъ по имени того якутскаго улуса, съ землями котораго граничитъ территорія скитаній мѣстныхъ тунгусовъ. Племенное названіе, какимъ въ старину обозначали себя сами кангаласцы восточнаго берега,—*Ханиагынг*. Въ настоящее время это названіе сохранилось за однимъ тунгузскимъ родомъ Олекминскаго округа. Въ третьей главѣ предлагаемыхъ очерковъ приводились антропометрическія данныя, которыя говорятъ о близости кангаласскихъ тунгусовъ по ихъ типу къ тунгусамъ Олекминскаго округа; сходство названія, какъ мнѣ кажется, можетъ служить вѣскимъ подтвержденіемъ высказаннаго мною предположенія о кровной близости обѣихъ этихъ группъ. Сами кангаласцы съ увѣренностью утверждаютъ, что ихъ предки въ глубокой древности пришли въ Якутскій край съ Амура. Мало того: обитающій на южной сторонѣ Станового хребта буягирскій родъ тунгусовъ, по словамъ кангаласцевъ, не только одноименъ съ однимъ кангаласскимъ родомъ, носящимъ то-же названіе, но составляетъ съ этимъ послѣднимъ одну родовую группу, раздѣляемую лишь административной подчиненностью одной части этого рода якутскимъ властямъ, а другой амурскимъ.

Признавая себя аборигенами при-амгинскаго края, кангаласцы восточнаго берега различаютъ въ составѣ своего населенія два элемента: одинъ коренной, къ которому принадлежитъ почти весь буягирскій родъ и въ большей своей части беллетскій съ его подраздѣленіями; другой элементъ—пришлый, состоящій изъ потомковъ вилюйскихъ выходцевъ, оттѣсненныхъ съ Вилюя якутами въ эпоху ихъ борьбы съ русскими, а частью оттѣснявшихся и позже—во все продолженіе XVIII вѣка. Къ пришлому элементу принадлежитъ весь цѣликомъ родъ нюрьмаганскій, самое названіе котораго,—въ русскомъ переводѣ—нюрьбинскій,—происходитъ отъ

озера Нюрьба[1]), такъ-какъ въ окрестностяхъ этого озера жили когда-то предки теперешнихъ нюрьмаганцевъ. Часть вилюйскихъ выходцевъ дала начало теперешнему шелогонскому роду, а другая часть вошла въ составъ 2-го беллетскаго рода, образовавъ въ этомъ родѣ особое подраздѣленіе. Мелкія подраздѣленія существуютъ въ каждомъ тунгузскомъ „родѣ", соотвѣтствующемъ вслѣдствіи этого не столько якутскому роду,—мельчайшей единицѣ, на какую дѣлятся якуты,—сколько современному якутскому „наслегу",—единицѣ сложной, включающей въ себѣ нѣсколько родовъ. Подраздѣленіе, къ которому принадлежатъ Гермогеновы, числящіеся во 2-мъ беллетскомъ родѣ, сохраняетъ названіе Кёльтятъ по имени того вилюйскаго рода, къ которому принадлежали ихъ предки.

Сопоставляя эти сказанія со свѣдѣніями о разселеніи перечисленныхъ родовъ, не трудно видѣть, что вилюйскіе выходцы въ сравнительно недавнее время заселили западное побережье Лены или вѣрнѣе—верховья и побережья западныхъ притоковъ Лены, берущихъ начало неподалеку отъ границы Вилюйскаго округа. Нынѣ мѣста ихъ разселенія числятся въ чертѣ якутскихъ земель Западно-Кангаласскаго улуса. Лишь небольшая часть ихъ перешагнула черезъ Лену и слилась съ кореннымъ населеніемъ заленскаго края, т. е. съ буягирцами и съ беллетцами, близкими по своему происхожденію къ олекминскимъ хахагынцамъ (старинное—хачечарцамъ)[2]).

[1]) Нюрьба—мѣстность въ Вилюйскомъ округѣ; ранѣе тамъ существовало большое озеро, а нынѣ расположено селеніе объякутившихся крестьянъ.

[2]) Въ числѣ даурскихъ тунгусовъ *Паллассъ* упоминаетъ племя со страннымъ и совершенно не по тунгузски звучащимъ названіемъ *Почегорре*—(Potschegorre); у *Георги* это племя именуется *Пачегоръ*—(Padschegor); изъ позднѣйшихъ путешественниковъ, насколько мнѣ извѣстно, никто этого загадочнаго племени не встрѣчалъ, но *Гикишъ* въ составленномъ имъ по разнымъ источникамъ спискѣ тунгузскихъ племенъ, основываясь именно на указаніяхъ Палласа и Георги, вводитъ, какъ особую вѣтвь тунгусовъ, и племя Почегорре; съ другой стороны ни одинъ изъ названныхъ авторовъ не упоминаетъ о хачегарцахъ, а потому едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что имя Почегорре есть не что иное, какъ неправильно записанное *хачегаръ*.

Такимъ образомъ оказывается, что „кангаласцы“, „кангаласская орда“ не составляютъ особаго племени, какъ ошибочно думали прежніе авторы [1]). Кангаласское вѣдомство—образованіе чисто административное, соединившее въ одну группу тунгусовъ западнаго берега,—выходцевъ съ Вилюя, и тунгусовъ восточнаго берега—выходцевъ съ Амура. Такъ-какъ названіе Кельтётъ существуетъ и на Амурѣ [2]), а названіе Шелогонъ (иначе—Шологонъ, Сологонъ) слишкомъ близко напоминаетъ амурское Солонъ, то трудно сомнѣваться въ томъ, что предки вилюйскихъ тунгусовъ и сами въ глубокой древности двинулись къ сѣверу тоже съ Амура; но или они, какъ можно думать, другимъ путемъ, чѣмъ буятирцы и беллетцы [3]). Представляло-бы не малый интересъ выяснить путемъ антропометрическихъ измѣреній: существуютъ-ли соматическія различія между кангаласцами западнаго и восточнаго берега?,—но къ сожалѣнію, я встрѣчалъ при своей поѣздкѣ на востокъ почти исключительно представителей коренного элемента: беллетцевъ и буятирцевъ, и потому мои измѣренія характеризуютъ именно эту группу тунгусовъ. Съ точки зрѣнія гипотезы, высказанной въ предыдущей главѣ, вилюйскіе тунгусы, еще въ древности продвинувшись далеко на сѣверъ, должны были сильнѣе смѣшаться съ древне-сѣверной расой, а потому ихъ теперешніе по-

[1]) Тотъ-же *Гикишъ*, пользуясь манчжурскимъ словаремъ *Габеленца*, объясняетъ племенное названіе *якутскихъ* кангаласцевъ *манчжурскимъ* словомъ *Kangili*—тонкій, стройный; изъ предыдущаго можно видѣть, что это объясненіе не выдерживаетъ критики, такъ какъ во-первыхъ,—кангаласцы не составляютъ особаго племени, во-вторыхъ,—сами они не признаютъ своего теперешняго названія своимъ собственнымъ, и въ-третьихъ,—слово *кангалась*—слово якутское, повторяющееся въ названіяхъ очень многихъ древнихъ якутскихъ родовъ, наслеговъ и улусовъ. Русскіе съиздавна называли извѣстную часть тунгусовъ „кангаласскими тунгусами“ въ томъ-же смыслѣ, въ какомъ говорится о „польскихъ евреяхъ“, „русскихъ лопаряхъ“ и т. п.

[2]) *Паллассъ, Георги.*

[3]) Такъ-какъ рѣка Вилюй посредствомъ своихъ южныхъ притоковъ связана съ системой Ангары и верхней Лены, а не съ системой Амура. Русскіе, слѣдуя указаніямъ тунгусовъ, впервые явились въ Якутскій край не Леной, а именно Вилюемъ. Выходъ на Ангару и на верхнюю Лену легко доступенъ изъ западной части Забайкалья, которое и должно было явиться исходнымъ пунктомъ движенія тунгусовъ на Вилюй и на Енисей.

томки должны оказаться менѣе рослыми, чѣмъ измѣренные мною кангаласцы праваго берега....

По сообщенію о. Іоанна Попова и измѣреннаго мною кангаласскаго головы Адама Адамова, у кангаласцевъ западнаго берега существуетъ преданіе, сообразно которому въ послѣдней четверти прошлаго столѣтія изъ Вилюйскаго округа удалилось отъ притѣсненій со стороны якутовъ трое тунгусовъ; одинъ изъ нихъ, по имени Анабы,—предокъ Гермогеновыхъ, поселился у верховій Алдана, родоначальникъ 2-го Шелогонскаго рода поселился на верховьяхъ р. Синей, и предокъ нюрьмаганцевъ, по имени Куйя, поселился у р. Чины. Сынъ этого Куйи 25-ти лѣтъ отъ роду крестился и принялъ имя Семена; когда Семену было уже 70 лѣтъ отъ роду, у него, отъ 2-й жены, родился сынъ по имени Адамъ; Адамъ Семеновъ началъ вести осѣдлую жизнь, на верховьяхъ Чины онъ обстроился, спустилъ нѣсколько озеръ для образованія сѣнокосовъ и обзавелся скотомъ; его сынъ Адамъ Адамовъ продолжалъ работы по спуску озеръ и кромѣ этого началъ заниматься хлѣбопашествомъ. Въ настоящее время нюрьмаганцы, хотя и разводятъ оленей, но больше значенія придаютъ въ своемъ хозяйствѣ скотоводству. Мѣстомъ ихъ обитанія служатъ: побережье Чины и устья рѣкъ Талбы и Ботомы.

Тунгусы 2-го Шелогонскаго рода путемъ браковъ сильно перемѣшались съ якутами и совершенно объякутились по образу своей жизни. Въ 1854 г., нуждаясь въ сѣнокосахъ для разведенія рогатаго скота, они начали добиваться отъ окружной администраціи признанія за ними права на безвозмездное владѣніе землями, на которыхъ они сидѣли съ прошлаго столѣтія. Это право упорно оспаривалось у нихъ якутами, считавшими себя единственными господами всего края, но въ половинѣ 70-хъ годовъ споръ былъ разрѣшенъ властями въ пользу шелогонцевъ. Тогда староста якутовъ Мытатскаго наслега Стручковъ, опасаясь, что впослѣдствіи потребуютъ себѣ отвода земель и нюрьмаганцы, неожиданно обло-

жилъ ихъ кортомомъ за пользованіе ихними родовыми землями; до прихода Куйи и его родовичей эти земли совершенно пустовали и были впервые заселены и утилизированы хозяйственнымъ образомъ именно нюрьмаганцами, но Стручковъ и другіе якуты настаивали на томъ, что тунгусы, признанные когда-то народомъ „бродячимъ", не имѣютъ права селиться осѣдло и пользоваться какими-бы то ни было сѣнокосами въ предѣлахъ Западно-Кангаласскаго улуса, вся территорія котораго принадлежитъ имъ, якутамъ. Вначалѣ кортомная плата была не высока,—всего 3 руб. въ годъ [1]), но впослѣдствіи она возростала и къ концу 80-хъ годовъ дошла до 15-ти руб. въ годъ. Нюрьмаганцы принесли жалобу на дѣйствія Стручкова бывшему якутскому губернатору В. З. Коленко и тотъ освободилъ тунгусовъ отъ этого побора; но съ отъѣздомъ г. Коленко, какъ передавалъ мнѣ Адамъ Адамовъ, якуты возобновили свои вымогательства и нюрьмаганцы вновь оказались въ положеніи ихъ данниковъ.

По сказанію тунгусовъ буягирскаго рода, еще раньше появленія на Ленѣ тѣхъ выходцевъ изъ Вилюйскаго края, отъ которыхъ ведутъ свое начало шелогонцы, нюрьмаганцы и кѣльтятское колѣно 2-го беллетскаго рода, съ Вилюя прибылъ богатырь Хатысма,—личность вполнѣ легендарная. Время его существованія тунгусы относятъ къ эпохѣ Тыгына, а Тыгына они считаютъ современникомъ русскаго царя Петра, при которомъ будто-бы впервые появились на Ленѣ русскіе казаки съ воеводой Ермакомъ. Хатысма происходилъ изъ Нэммянскаго рода и имѣлъ на Вилюѣ брата, съ которымъ однажды отправился на промыселъ, причемъ оба разошлись въ разныя стороны, условившись встрѣтиться въ

[1]) Зная якутовъ, невозможно сомнѣваться въ томъ, что первоначальная цѣль этого обложенія состояла вовсе не въ извлеченіи денежной выгоды, а въ установленіи такого признака, на который впослѣдствіи можно было-бы сослаться передъ русскими властями, какъ на доказательства своихъ правъ на спорныя земли: „если тунгусы платили намъ кортомъ, то очевидно, что сами они признавали именно насъ собственниками земли"; такая уловка какъ нельзя болѣе въ духѣ якутовъ.

опредѣленномъ мѣстѣ; встрѣча однако-же не состоялась, такъ-какъ Хатысмà, заблудившись, вышелъ къ Ленѣ, гдѣ и встрѣтилъ буягирскаго родоначальника Эрпини. Подружившись съ Эрпини, Хатысмà принялъ участіе въ борьбѣ буягирцевъ съ Тыгыномъ, но, послѣ многихъ подвиговъ, оба героя должны были уступить якутамъ. Спасаясь отъ погони, и прыгая по горамъ, Хатысмà упалъ съ Кангаласскаго камня[1]) (другой варіантъ—съ утёса возвышающагося на правомъ берегу Лены противъ станціи Крестяхъ). Эрпини соскочилъ съ утеса благополучно, ушелъ въ Россію, тамъ получилъ доступъ къ царю Петру и принесъ ему жалобу на притѣсненія Тыгына. Вслѣдствіи этой жалобы царь послалъ въ Сибирь казаковъ, которыхъ Эрпини привелъ на Лену.

Въ этомъ запутанномъ преданіи не трудно видѣть отголосокъ достовѣрнаго факта, что русскіе нашли дорогу въ Якутскій край именно по указаніямъ тунгусовъ и что тунгусы, еще раньше этого, враждовали съ якутами. Помимо этого, буягирское сказаніе объ Эрпини и Хатысмà можетъ служить намекомъ на то, что обратное движеніе тунгусовъ съ сѣверо-запада на юго-востокъ впервые совершалось одновременно съ движеніемъ русскихъ на сѣверъ и что мѣстомъ встрѣчи сѣверянъ и коренныхъ обитателей Станового хребта—буягирцевъ и беллетцевъ—являлась южная часть теперешняго Якутскаго округа. Въ память своего двойственнаго происхожденія кангаласскіе буягирцы дѣлятся и нынѣ на два колѣна: колѣно потомковъ Эрпини, признаваемое старшимъ, и колѣно Хатысмà, какъ-бы менѣе благородное и древнее, благодаря чему старшина буягирскаго рода всегда избирается изъ колѣна Эрпини.

Часть коренного беллетскаго рода по преданію отдѣлилось отъ другихъ беллетцевъ сравнительно недавно,—лѣтъ сто тому назадъ, если не меньше,—не поладивъ съ родовичами при дѣлежѣ орлиныхъ перьевъ. Этотъ новообразовавшійся родъ, оффиціально именуемый 3-мъ беллетскимъ, самъ именуется Лонгорку.

[1]) Крутой и высокій прибрежный утесъ въ 30 верстахъ отъ г. Якутска.

Откуда ведутъ свое происхожденіе тунгусы никагирскаго рода, этого я не узналъ, такъ-какъ вышеприведенными разсказами ограничивается все то, что могли сообщить мнѣ кангаласцы о своемъ прошломъ.

Благодаря затянувшимся бесѣдамъ мы тронулись съ Туранаха только въ часъ дня и сдѣлали въ этотъ день всего 15 верстъ. Наша дорога шла красивой и привѣтливой долиной Монды мимо нѣсколькихъ якутскихъ лѣтниковъ, у оградъ которыхъ мы не разъ останавливались не сходя съ коней, и пили холодный кумысъ, такъ-такъ день выдался знойный. Благодаря такимъ остановкамъ короткій переѣздъ затянулся и только къ 3-мъ часамъ дня мы прибыли на урочище Ытыкъ, гдѣ въ двухъ урасахъ расположились на стоянку сыновья Ивана Гермогенова Степанъ и Петръ съ нѣсколькими близкими родственниками ихъ семейства. Тутъ опять послѣдовало чаеванье съ обоюдными угощеніями (мы захватили съ собою изъ города кое-какіе припасы), пошли разговоры объ охотѣ, о медвѣдяхъ, о невзгодѣ на оленей, о возрастающихъ съ каждымъ годомъ трудностяхъ выхода на Монду въ виду высокой платы, которую требуютъ якуты за право стоянки и пользованія хотя-бы самыми плохими пастбищами для оленей. Сѣтованія объ этомъ начались при первой-же нашей встрѣчѣ съ тунгусами на Туранахѣ и повторялись повсюду во все продолженіе пути. Выходъ на Монду для тунгусовъ безусловно необходимъ не только для пріобрѣтенія масла (о чемъ уже говорилось), но также и для выхода долиною Монды въ кочекатцы, а оттуда въ Покровское для закупки муки у русскихъ крестьянъ [1]). Не менѣе важенъ примондинскій край, какъ мѣсто встрѣчи тунгусовъ со священникомъ. Если-бы выходъ на Монду оказался закрытымъ для восточной части кангаласцевъ, то имъ пришлось-бы приглашать священника на свои зимники, къ верховьямъ Амги и Алдана, т. е. ежегодно высылать проводниковъ и оленей за тысячу слиш-

[1]) Такія поѣздки доступны только для болѣе зажиточной части тунгусовъ.

комъ верстъ; въ переводѣ на деньги это составляло-бы расходъ въ нѣсколько сотъ рублей,—затрата совершенно непосильная для полунищаго населенія. Понятно, что тунгусы, еще не забывшіе того, что весь этотъ край нѣкогда принадлежалъ имъ, съ большою горечью говорятъ о притязаніяхъ якутовъ. Съ другой стороны, сами якуты, въ оправданіе своихъ требованій высокой платы за кратковременный кортомъ какого-нибудь пустыря, ссылаются на потраву луговъ безпокойными тунгузскими оленями. По увѣренію якутскихъ писарей и старостъ вся мѣстность по теченію рѣкъ Монды и Тёнгутти Ясачными Комиссіями признана принадлежащей якутамъ и потому они, какъ собственники, могутъ и вовсе запретить тунгусамъ выходъ на эти рѣки. Вернувшись въ Якутскъ, я поинтересовался заглянуть въ имѣющуюся у меня карту Якутскаго округа, составленную по даннымъ Областной Чертежной; на картѣ этой обозначены границы всѣхъ якутскихъ улусовъ и наслеговъ, но тамъ граница Восточно-Кангаласскаго улуса по теченію рѣки Монды указана лишь за тридцать верстъ отъ устья рѣки; съ противоположной стороны, на востокѣ, территорія 2-го Нахрскаго наслега, по даннымъ Областной Чертежной, представляется въ видѣ узкой ленты, прилегающей къ рѣкѣ Амгѣ; отъ устья Тёнгутти до границы Нахрскаго наслега прямолинейное разстояніе составляетъ около 20-ти верстъ; верхнее теченіе рѣкъ Монды и Тёнгутти и обширное пространство, обозначенное на картѣ между ихъ истоками, т. е. въ общемъ—территорія имѣющая въ ширину не менѣе 150-ти верстъ,—та самая, по которой я теперь ѣхалъ,—по даннымъ Областной Чертежной, *вовсе не значится въ чертѣ якутскихъ земель!....* Интересно было-бы выяснить, въ чемъ тутъ дѣло: карты-ли Областной Чертежной существенно невѣрны (предположеніе по меньшей мѣрѣ странное, если не прямо невѣроятное), или-же разногласіе въ увѣреніяхъ якутовъ и въ данныхъ межевого вѣдомства объясняется просто тѣмъ, что якуты заселяли среднее и верхнее побережья рѣкъ

Монды и Тёнгутти исподволь, совершенно безъ вѣдома Ясачныхъ Комиссій; въ послѣднемъ случаѣ ихъ собственное владѣніе прилегающими мѣстностями не имѣетъ никакого юридическаго основанія, а слѣдовательно и требованіе съ тунгусовъ кортомной платы является съ ихъ стороны совершенно незаконнымъ вымогательствомъ. Желательно было-бы, чтобы мѣстная администрація выяснила этотъ вопросъ и положила конецъ постоянно обостряющимся отношеніямъ обоихъ туземныхъ племенъ....[1]).

Когда мои спутники обычнымъ порядкомъ приступили къ чтенію правилъ, я взялъ съ собою двухъ мальчишекъ и отправился съ ними бродить по окрестностямъ. Рѣка Монда въ этой мѣстности гораздо уже, чѣмъ на Чорулъ-Толонѣ, но ея русло и тутъ лежитъ довольно глубоко въ крутыхъ и лѣсистыхъ берегахъ. Мои крохотные проводники прекрасно знали окружающую мѣстность; они безошибочно отличали, какая корова принадлежитъ тому или другому изъ мѣстныхъ якутовъ, а со своими собственными оленями находились въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ и знали ихъ на перечетъ. Бойкость, развязность и словоохотливость тунгузскихъ дѣтей представляла поразительный контрастъ съ обычной флегматичностью маленькихъ якутятъ. Въ юртѣ, при появленіи незнакомаго русскаго, дѣти обыкновенно забиваются за камелекъ и держатъ себя на первыхъ порахъ робко и принужденно; въ урасахъ, наоборотъ,—мальчишки нисколько не робѣютъ передъ русскимъ, а со взрослыми изъ своихъ они обращаются совершенно запросто. Въ домашнемъ быту на дѣтяхъ лежитъ особая обязанность:—

[1]) Прилагаемый къ настоящему очерку маршрутъ кангаласской поѣздки составленъ по моимъ путевымъ запискамъ; общая фигура края, теченіе рѣкъ и границы улусовъ скопированы мною съ карты, приложенной къ труду г. Сѣрошевскаго *„Якуты“*, т. к. карта, принадлежащая мнѣ самому, охватываетъ лишь часть кангаласскаго улуса и притомъ вычерчена въ слишкомъ большомъ масштабѣ и имѣетъ нѣкоторыя особенности, обусловленныя ея спеціальнымъ назначеніемъ (указаніе площади крестьянскихъ надѣловъ). Границы наслеговъ и улусовъ на моей собственной картѣ вполнѣ совпадаютъ съ тѣми-же границами на картѣ г. Сѣрошевскаго; никакой разницы въ этомъ отношеніи оказаться не могло, т. к. и я и г. Сѣрошевскій пользовались при своихъ работахъ однимъ и тѣмъ-же основнымъ источникомъ—данными Областной Чертежной.

добываніе и расколка мелкаго сушника для костровъ. Девятилѣтняго мальчика начинаютъ подучивать стрѣльбѣ, а годамъ къ 14-ти подростокъ становится уже не на шутку помощникомъ отца. Одинъ тунгусенокъ, котораго я встрѣтилъ позже, разсказалъ мнѣ исторію своего воспитанія, подтвержденную и отцомъ разсказчика, видимо очень гордившимся успѣхами сына: маленькій Байбачанъ (Павликъ) началъ стрѣлять съ 9-ти лѣтъ и въ первую-же зиму убилъ куропатку; это событіе осталось въ памяти всей семьи, какъ настоящій праздникъ. На слѣдующую зиму Байбачанъ подстрѣлилъ уже 17 бѣлокъ и 5 горностаевъ. На третью зиму онъ „добылъ“ 110 бѣлокъ и съ этого времени считалъ себя заправскимъ охотникомъ. Мои спутники въ прогулкѣ по берегу Монды были еще слишкомъ малы для того, чтобы начать прохожденіе своего охотничьяго курса, но они уже мечтали объ этомъ времени и хорошо сознавали, что на нихъ смотрятъ, какъ на будущихъ добытчиковъ, которые сумѣютъ и сохатаго подстрѣлить и медвѣдя заколоть, если „старикъ“ полѣзетъ въ рукопашную.

Вернувшись съ прогулки, я продолжалъ разговоръ объ охотѣ уже со взрослыми. Оказалось, что древніе луки давнымъ давно исчезли изъ употребленія. Главнымъ орудіемъ промысла нынѣ является ружье, на половину самодѣльное и вполнѣ архаическое по устройству. Самый распространенный типъ—короствольная кремневая винтовка, но у нѣкоторыхъ тунгусовъ можно встрѣтить старыя солдатскія ружья такихъ образцовъ, которые давно вышли изъ употребленія. У одного богача на рѣкѣ Амгѣ я впослѣдствіи увидѣлъ и винчестеръ, служившій предметомъ общаго восторга и зависти. Владѣлецъ пріобрѣлъ его въ тайгѣ у какого-то русскаго за 100 рублей; въ городѣ Якутскѣ, на паузкахъ, такой винчестеръ можно было-бы купить рублей за 70. Порохъ и свинецъ кангаласцы добываютъ главнымъ образомъ у тѣхъ якутовъ, у которыхъ они съ давнихъ временъ состоятъ въ неоплатномъ долгу. Одна „пара“ т. е. фунтъ пороха и два фунта свинцу, вмѣсто ихъ

дѣйствительной стоимости—1 р. 15 коп., ставится благодѣтелемъ—якутомъ въ 2 р. 50 к.

Старинное копье и якутская пальма[1]) составляютъ холодное оружіе, имѣющееся и теперь у всякаго тунгуса. Лезвіе тунгузскаго копья не особенно длинно, заострено съ двухъ краевъ и насажено на древко длиною приблизительно въ 2 ар. 10 вершковъ. Копье служитъ тунгусу въ тотъ критическій моментъ, когда раненый медвѣдь встаетъ на дыбы и, вытянувъ лапы, напираетъ на человѣка; въ такой моментъ тунгусъ бросаетъ свою безполезную винтовку, наскоро отскакиваетъ на такое мѣсто, гдѣ почва покрѣпче, и тамъ пригибается на бокъ и ждетъ, не шелохнувшись, придерживая правой рукою древко копья у самой земли, а лѣвой—у середины; въ надлежащій мигъ, когда медвѣдь уже надъ нимъ, человѣкъ внезапно выпрямляется и этимъ движеніемъ съ силой вонзаетъ свое оружіе въ грудь врага. Самые ловкіе и самоувѣренные смѣльчаки отваживаются на пріемъ еще болѣе рискованный: они присаживаются на землю, подогнувъ правую ногу калачикомъ, а лѣвую нѣсколько отставивъ впередъ; вся тяжесть корпуса при такомъ положеніи налегаетъ на копье и сила удара, который наносится при внезапномъ выпадѣ впередъ, получается страшная,—но ужь тутъ, дѣйствительно, нужно такое проворство и зоркость, которыхъ не у тунгуса не найти.

Самый цѣнный звѣрь,—соболь,—ловится у верховій Алдана и Амги. Всѣ тамошнія „рѣчки“, т. е. лощины рѣкъ подѣлены между родовичами, но такой дѣлежъ, по понятіямъ тунгусовъ, не даетъ владѣльцу рѣчки полнаго права собственности на предоставленное ему мѣсто. Сами тунгусы объясняли мнѣ цѣль дѣлежа тѣмъ, „чтобы кто другой не наткнулся на стрѣлы“ (разставленныя владѣльцемъ лова). На распросы о томъ: передѣляются-ли ловы между ро-

[1]) Пальма состоитъ изъ массивнаго лезвія, съ одной стороны прямого и плоскаго, а съ другой—выгнутаго и заостреннаго. Это лезвіе, имѣющее около аршина длины, насажено на такое-же короткое древко; все оружіе въ цѣломъ имѣетъ форму огромнаго ножа; по нуждѣ онъ замѣняетъ: топоръ, копье, дротикъ, ножъ и пешню.

довичами и происходитъ-ли когда-нибудь урѣзка и прибавка прежнихъ лововъ?—я не получилъ вполнѣ опредѣленнаго и яснаго отвѣта. Повидимому въ принципѣ собственникомъ территоріи считается родъ и въ отдѣльныхъ случаяхъ допускается обмѣнъ или подравниванье лововъ въ пользу такого родовича, у котораго его старое мѣсто совершенно оскудѣло звѣремъ; но чаще одна и та-же рѣчка изъ года въ годъ остается въ пользованіи того-же владѣльца и даже переходитъ по наслѣдству. Принципіальная допустимость урѣзки лововъ у одного лица и прибавки другому, какъ кажется, изрѣдка подаетъ поводъ къ злоупотребленіямъ:—справедливо или нѣтъ, но нѣкоторые тунгусы съ усмѣшечкой говорили, что молъ конечно, если богачъ заявитъ, что у него на рѣчкѣ звѣрь совсѣмъ вывелся, то общество ему прибавитъ мѣста, тогда—какъ бѣдному человѣку добиться прибавки трудненько. Распредѣленіе рѣчекъ между родовичами въ болѣе или менѣе постоянное пользованіе вызывается уже однимъ тѣмъ, что въ зимнее время канталасцы,—по крайней мѣрѣ болѣе состоятельные,—бродятъ не такъ привольно, какъ лѣтомъ. Гермогеновы, напримѣръ, проводятъ зиму за 400 вер. на востокъ отъ Монды, въ мѣстности Джаамгы; Петръ Мартыновъ, (о которомъ рѣчь дальше),—лѣтуя на земляхъ, арендованныхъ у якутовъ 3-го Бологурскаго наслега, зимуетъ у верховій рѣки Билиръ, впадающей въ Алданъ верстъ на 200 ниже Учура и т. п. Соболь, убитый кѣмъ-либо на мѣстѣ завѣдомо принадлежащемъ другому лицу, считается собственностью владѣльца мѣста; въ доказательство правильности подобнаго взгляда мнѣ приводились такіе доводы: „человѣкъ этого соболя выслѣживалъ; онъ на него ставилъ стрѣлы, онъ его поджидалъ—надѣялся; другой человѣкъ этого самаго соболя встрѣтилъ случайно; онъ ему даромъ дался,—и было-бы несправедливо отдать звѣря случайному ловцу“. Кому какъ, а мнѣ приведенные доводы показались вполнѣ разумными, такъ-какъ самый актъ выстрѣла не требуетъ почти никакого труда,

тогда-какъ выслѣживанье и преслѣдованье звѣря часто вынуждаетъ ловца на самое крайнее напряженіе силъ.

Наибольшаго терпѣнія требуетъ выслѣживанье дикихъ оленей, отличающихся необыкновенной чуткостью; къ нимъ приходится подкрадываться такъ, чтобы не хрустнула ни одна вѣточка. Сохатый менѣе чутокъ, но за этимъ неутомимымъ звѣремъ охотникъ нерѣдко долженъ гнаться нѣсколько дней. Бываютъ случаи, что преслѣдованье продолжается недѣлю и даже долѣе; звѣрь и человѣкъ всѣ эти дни мечутся по горамъ и чащамъ, дѣлая самые короткіе роздыхи. Для того, чтобы вывезти убитаго звѣря на ближайшую дорогу нерѣдко бываетъ нужно вырубать въ густомъ лѣсу длинныя просѣки и впрягать въ нарту до десятка оленей. Туша сохатаго вѣситъ до 18 пудовъ, а за зиму въ удачный годъ тунгусъ успѣваетъ добыть отъ 10 до 20 головъ. Такъ-какъ мясо сохатаго составляетъ главную пищу кангаласцевъ, то значитъ въ благополучный годъ тунгузская семья издерживаетъ около 250 пудовъ, но при этомъ разсчетѣ необходимо имѣть въ виду, что древній обычай широкаго гостепріимства не вывелся у тунгусовъ до настоящаго времени; не только свой родовичъ, которому не повезло въ охотѣ, но и всякій захожій человѣкъ днюетъ и ночуетъ въ урасѣ добытчика. По наблюденіямъ о. Іоанна разсчетливые якуты до крайности злоупотребляютъ этой чертой тунгузскихъ нравовъ и пользуются временемъ выхода тунгусовъ на Монду, чтобы угощаться въ урасахъ по нѣсколько дней подрядъ. Я и самъ при своей поѣздкѣ повсюду видѣлъ у тунгусовъ толпы гостей изъ сосѣднихъ юртъ, но думалъ, что посѣщенія взаимны съ обѣихъ сторонъ; однако-же, по увѣренію о. Іоанна, взаимность оказывается въ этомъ случаѣ далеко не полной.

Сравнительно съ сохатымъ и соболемъ всѣ другія животныя имѣютъ для тунгуса гораздо меньше значенія. Въ западной части кангаласскаго вѣдомства добывается красная лисица (западнями и отравой), изрѣдка бусая, а чернобурой уже не встрѣчается. Бѣлки

одинъ стрѣлокъ за Амгой набиваетъ въ продолженіи мѣсяца штукъ 25—100. Медвѣдь составляетъ добычу случайную, на которую нельзя разсчитывать навѣрнякa.

Таежныя цѣны послѣднихъ лѣтъ по распросамъ въ разныхъ мѣстностяхъ стояли на такомъ уровнѣ: бѣлка 15—20 к., иногда 10—12 к.; лисица красная 3 р. 50 к., шкура сохатаго—3 руб. 50 коп., медвѣдь средняго достоинства отъ 10 до 30 рублей, соболь—отъ ничтожной цѣны (рыжія шкурки „вродѣ овражки“) до 60 рублей. Въ общемъ можно сказать, что мѣстная цѣна каждой шкурки во всякой моментъ оказывается ниже городской $^0/_0{}^0/_0$ на 30—40, а такъ-какъ таежныя цѣны городскихъ предметовъ (чай, сахаръ, соль, табакъ, свинецъ, порохъ, даба, ситецъ, посуда) выше городскихъ $^0/_0{}^0/_0$ на 30—100, а въ отдѣльныхъ случаяхъ и болѣе того, то легко догадаться, какъ выгодна для нахрскихъ и бологурскихъ тойоновъ мѣновая торговля съ кангаласскими тунгусами!

Въ большинствѣ случаевъ кангаласцы ходятъ на промыселъ въ одиночку и лишь иногда отправляются вдвоемъ. Съѣстные припасы везутся охотникомъ на салазкахъ. Мѣсячный припасъ на одного человѣка состоитъ: изъ 30-ти фунтовъ ячменной муки, 10-ти фунтовъ масла, небольшого количества мороженаго коровьяго молока и $^1/_2$ кирпича чая. Нечего и говорить, что всѣ эти продукты пріобрѣтаются тунгусами у якутовъ, и притомъ почти всегда—въ долгъ, т. е. по очень высокой оцѣнкѣ. То обстоятельство, что охотничій промыселъ въ его современной постановкѣ уже не можетъ обезпечивать охотника всѣмъ необходимымъ изъ продуктовъ самаго промысла, а требуетъ вспомогательныхъ средствъ, извлекаемыхъ извнѣ, само по себѣ лишаетъ тунгусовъ экономической независимости. Въ прежнее время тунгусъ самъ выдѣлывалъ для себя лукъ и стрѣлы и пропитывался всю зиму олениной и сохатиной, нынѣ же и пища и орудія промысла доставляются охотнику другимъ лицемъ, выдаются ему впередъ въ счетъ предстоящей уплаты за

мѣха, которые охотникъ долженъ доставить своему покрутчику. Такимъ образомъ фактически все тунгузское населеніе, за исключеніемъ очень немногихъ зажиточныхъ людей, сбывающихъ свою пушнину на Ленѣ, на Ниманѣ и на Келленгѣ, состоитъ въ вѣчной кабалѣ у нѣсколькихъ якутскихъ тойоновъ, успѣвшихъ нажить именно на пушномъ дѣлѣ значительныя состоянія.

Задолженность тунгусовъ была очень высока еще во времена Миддендорфа; въ настоящее время, насколько я могъ выяснить, сумма долговъ средней тунгузской семьи составляетъ рублей 300—500 или около того.

Что касается до второго традиціоннаго промысла тунгусовъ—оленеводства, то оно у кангаласцевъ развито очень слабо. Причинами этого служитъ съ одной стороны скудость моховищъ, а съ другой—частые падежи и поставка оленей на пріиски. Изъ хозяевъ, встрѣченныхъ мною на пути, едва-ли не самымъ богатымъ слылъ Иванъ Гермогеновъ, имѣвшій до 100 головъ; его сынъ Степанъ имѣлъ только 30 головъ, но и такое стадо считалось не дурнымъ, такъ-какъ у многихъ хозяевъ нѣтъ и того. Иванъ Гермогеновъ для обезпеченія своихъ сыновей предназначалъ каждому изъ нихъ, при самомъ рожденіи мальчика, по одной новорожденной оленицѣ со всѣмъ ея будущимъ приплодомъ; сынъ Ивана Алексѣй къ 22 годамъ, когда онъ началъ вести самостоятельную жизнь, получилъ такимъ образомъ стадо изъ 9-ти оленей и 5-ти важенокъ. Какъ кажется, такой способъ заблаговременнаго надѣленія среди кангаласцевъ не составляетъ рѣдкости.

Утромъ 22-го іюня о. Іоаннъ по просьбѣ тунгусовъ отслужилъ молебенъ объ избавленіи оленей отъ мора. Все стадо было для этого собрано въ кучу въ особомъ загонѣ близъ урасы. Прямое назначеніе такихъ загоновъ—защита оленей отъ полдневнаго жара. Высокія лиственницы съ зелеными вѣтвями устанавливаются для этого полукругомъ, въ наклонномъ положеніи; близъ нихъ разводится нѣсколько дымокуровъ и олени въ сильный зной или при

особенно зломъ комарѣ сами сбѣгаются подъ защиту тѣни и дыма. Передъ молебномъ нѣкоторыхъ животныхъ привязали къ пенькамъ и къ валявшимся на землѣ старымъ лѣсинамъ, другихъ придерживали коротенькими ремнями люди,—мужчины, женщины и дѣти,—и стадо покорно стояло во все время службы, лишь слегка пошевеливаясь и переминаясь съ ноги на ногу. Присоединившись къ молящимся, я присутствовалъ при своеобразномъ зрѣлищѣ, запавшемъ мнѣ въ память: на лѣсной лужайкѣ, близь берега тихой рѣки, полускрытой нависшими надъ ея гладью вѣтвями, передъ страннымъ, зеленымъ сооруженіемъ, похожимъ на какой-то первобытный алтарь, стоялъ въ облаченіи русскій священникъ, окруженный, словно густымъ кустарникомъ, вѣтвистыми рогами присмирѣвшихъ оленей. Весь народъ со стойбища столпился тутъ-же, въ одномъ кругу съ оленями, такъ что люди и животныя сливались какъ-бы въ одно стадо, вмѣстѣ искавшее защиты подъ покровомъ Высшей Силы. Лица у всѣхъ взрослыхъ были серьезны и внимательны; только у дѣтей, выглядывавшихъ изъ за вѣтвей загона, глаза горѣли живымъ любопытствомъ. Служба велась на двухъ языкахъ: „помилуй и скотовъ сихъ, яко Ты еси Податель Жизни!“,—возглашалъ священникъ по русски; „Аи Тойонъ абра, Аи-Тойонъ абра, Аи-Тойонъ абра!“[1]), прорывался сквозь плавный потокъ славянскихъ словъ якутскій речитативъ псаломщика. Смуглая толпа съ одинаковымъ вниманіемъ слушала понятные и непонятные возгласы, крестилась, и низко склоняла головы подъ синими волнами кадильнаго дыма....

Молебенъ, распросы и измѣренія задержали насъ до 3-хъ час. дня и только въ эту пору мы тронулись дальше—за 20 верстъ вверхъ по Мондѣ, на урочище Сатагай. На покатомъ скатѣ лощины, выходящей устьемъ въ долину Монды, версты за три отъ рѣки, мы еще издалека увидали три урасы и нѣсколько шалашей

[1]) Господи помилуй.

и шатровъ. Человѣкъ 30 тунгусовъ высыпало намъ на встрѣчу. Среди нихъ выдѣлялся одинъ старикъ съ лицемъ обезображеннымъ до такой степени, что на него страшно было смотрѣть: ни носа, ни губъ на этомъ лицѣ не было, одного глаза не было, одна щека представляла собой что-то невѣроятное, вся голова, если смотрѣть съ боку, казалась мертвой. Сначала я подумалъ, что это—послѣдствія сифилиса, и поздоровался съ обладателемъ этой отвратительной физіономіи, пересиливъ невольную брезгливость; но впослѣдствіи, узнавъ въ чемъ дѣло, я отнесся къ уроду совсѣмъ иначе. Оказалось, что давно, въ ту пору, когда этотъ старикъ былъ еще крѣпкимъ мужчиной, ему однажды не посчастливилось при встрѣчѣ съ медвѣдемъ;—звѣрь его изувѣчилъ, но почему-то не загрызъ, а ушелъ въ лѣсъ. Очнувшись на снѣгу съ однимъ глазомъ и лишь съ половиною лица, человѣкъ поползъ въ свою урасу, версты за двѣ отъ мѣста встрѣчи. Ползъ онъ до вечера, истекая кровью и часто лишаясь чувствъ. Примѣрно за полверсты отъ жилья его замѣтили и на рукахъ принесли подъ кровъ. Тунгусъ отлеживался послѣ этой встрѣчи два мѣсяца, но, едва вставъ на ноги, сейчасъ-же началъ поиски берлоги съ тѣмъ, чтобы во что-бы то ни стало еще разъ,—и непремѣнно одинъ на одинъ,—перевѣдаться со своимъ врагомъ и отомстить ему за увѣчье. Новая встрѣча оказалась для человѣка удачнѣй: звѣрь былъ убитъ,—и только тогда мой тунгусъ успокоился. Его дикая душа очевидно имѣла крѣпкій закалъ и я, узнавъ объ этой исторіи, началъ смотрѣть на старика съ большимъ уваженіемъ.

Другой старикъ, котораго мы тутъ встрѣтили, удивилъ уже не меня, а о. Іоанна. Священствуя въ походной церкви восемь лѣтъ, о. Іоаннъ еще ни разу не встрѣчалъ этого человѣка; изъ расспросовъ оказалось, что тотъ, „по бѣдности“ не выходилъ изъ тайги ни много ни мало—двѣнадцать лѣтъ!

Тутъ-же, на Сатагаѣ, мы съѣхались съ головою Кангаласскаго вѣдомства Адамомъ Адамовымъ, съ которымъ на слѣдующій день

я разговорился объ административномъ раздѣленіи кангаласцевъ и объ ихъ казенныхъ и общественныхъ платежахъ. По сообщенію головы, каждый родъ выбираетъ на трехлѣтіе родового старосту и кромѣ того одного или двухъ старшинъ, по числу тѣхъ мелкихъ подраздѣленій, на которыя дробится данный родъ; по большей части кангалассій родъ имѣетъ два подраздѣленія и староста является въ то-же время и старшиною своего колѣна, но во 2-мъ беллетскомъ родѣ по обычаю выбирается двое старшинъ, а въ никагирскомъ родѣ, по его малочисленности, нѣтъ даже и старосты. Родовыя собранія происходятъ во 2-мъ беллетскомъ родѣ въ іюнѣ мѣсяцѣ, въ 1-мъ беллетскомъ—въ декабрѣ, а въ остальныхъ родахъ—какъ случится. Мнѣніе отсутствующихъ сообщается собравшимся головой, который обыкновенно еще до собранія успѣваетъ повидать многихъ родовичей. Собирается на сходъ человѣкъ по 30, инода по 40. Предметомъ совѣщаній служатъ почти исключительно новые выбора. Споровъ и тяжебъ среди тунгусовъ не бываетъ, а мелкія недоразумѣнія разрѣшаются или полюбовно или совѣтомъ ближайшихъ родовичей, и только въ рѣдкихъ случаяхъ—постановленіемъ старшины.

Изъ казенныхъ платежей кангаласцы несутъ только ясакъ, разложенный казначействомъ по родамъ въ неодинаковомъ размѣрѣ. Такъ-какъ у головы имѣлись при себѣ окладные листы, то я, пользуясь этимъ надежнымъ источникомъ, могу привести такую таблицу платежей и недоимокъ на 1896 годъ:

См. таблицу на стр. 187-й.

Недоимка, какъ видно изъ этихъ данныхъ, *въ семь разъ* превышаетъ годовой окладъ плательщиковъ, а такъ-какъ размѣръ ясака нельзя назвать высокимъ, то фактъ задолженности тунгусовъ передъ казной самъ по себѣ свидѣтельствуетъ о ненормальности ихъ экономическаго положенія. При разговорахъ съ головой, со стариками и со священникомъ я всячески пытался выяс-

Названіе рода.	Число ревизскихъ душъ.	Число окладныхъ работниковъ.	Ясакъ.		Годовой окладъ.		Недоимка.	
			Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
1-й Шелогонскій . .	50	20	2	88	57	60	546	60
2-й Шелогонскій . .	45	21	2	88	60	48	150	54
Нюрьмаганскій . . .	91	36	1	37	49	32	199	64
Никагирскій	7	4	2	29	9	16	76	73
Буягирскій	163	80	1	47	117	60	920	98
1-й Беллетскій . .	174	76	1	78	135	28	1687	10
2-й Беллетскій . .	160	76	2	40	182	40	838	70
3-й Беллетскій . .	29	16	3	16	50	56	275	86
					662	40	4696	15

нить ближайшія причины такой неисправности въ уплатѣ, казалось-бы не особенно, отяготительнаго сбора и слышалъ въ отвѣтъ на свои запросы такія объясненія: вымѣнивая свою пушнину по большей части не на деньги, а на продукты и товары, рядовой тунгусъ рѣдко имѣетъ возможность внести хотя-бы самый скромный платежъ наличными деньгами; очень многіе изъ плательщиковъ, и именно—бѣднѣйшая часть, по долгу не выходятъ изъ дальней тайги; иной бѣлнякъ нарочно скрывается въ лѣса, черезъ мѣру задолжавъ какому-нибудь тойону; съ такихъ ушельцевъ, что называется: взятки—гладки. Это общее безденежье и разбродъ плательщиковъ составляютъ главную причину наростанія недоимокъ. Второстепенной причиной является безпорядочность въ самыхъ способахъ уплаты. Не имѣя прямыхъ сношеній съ полиціей, исправные родовичи препровождаютъ свой ясакъ въ казначейство не только съ головой или старостой своего рода, но также со старшинами, со священникомъ, наконецъ—съ якутскими старостами пограничныхъ наслеговъ и даже съ простыми якутами, которые подчасъ „заѣдаютъ“ препровождаемыя суммы. Если-бы Областное Казначейство обратило вниманіе на внутреннюю организацію тунгузскаго рода и насчиты-

вало окладъ не на родъ, а на его составную часть—колѣно, имѣющее, какъ я указывалъ выше, особую организацію и представляющее собой основную единицу тунгузскаго міра, то навѣрно оказалось-бы, что распредѣленіе недоимокъ между отдѣльными колѣнами одного и того-же рода очень неравномѣрно; сами тунгусы раскладываютъ сборы по колѣнамъ и, по видимому, не считаютъ себя отвѣтственными за недоимку со-родниковъ другого колѣна; кельтецы, напримѣръ,—правильно или нѣтъ—не знаю,—утверждали, будто они за свои 18 ревизскихъ душъ отплатились, и потому напоминанія казначейства о недоимкѣ, числящейся на 2 беллетскомъ родѣ, по ихъ мнѣнію, къ нимъ не относится. Въ конечномъ выводѣ изъ всѣхъ своихъ распросовъ я пришелъ къ тому заключенію, что упорядочить дѣло взысканія ясака при теперешнемъ положеніи этого племени едва-ли возможно; лѣсной бродяга, обладатель берестяной урасы и пары оленей, былъ и останется плохимъ плательщикомъ; только при переходѣ тунгусовъ къ осѣдлому образу жизни можно будетъ разсчитывать на правильное поступленіе начисляемыхъ на нихъ сборовъ[1]).

Общественный сборъ у кангаласцевъ существуетъ только одинъ: на временный наемъ какого-нибудь якутскаго грамотея, для составленія формальныхъ приговоровъ; на этотъ предметъ собирается по 25 коп. съ ясачной души. Повинность отбывается также одна—провозъ головы для посѣщенія лѣтнихъ собраній; до Лены голова добирается на своихъ оленяхъ, а на восточной сторонѣ ему даютъ оленей или коней, разлагая расходы по взаимному соглашенію,

[1]) Только что высказанное предположеніе подтверждается слѣдующимъ разсчетомъ: четыре рода, проживающихъ на западномъ берегу и занимающихся преимущественно скотоводствомъ (два Шелогонскихъ, Никагирскій и Нюрьмаганскій), задолжены (см. вышеприведенную таблицу) на сумму 973 р. 51 к., что даетъ на одну ревизскую душу 5 р. 04 к. недоимки; четыре-же рода, бродящихъ въ заленскомъ краѣ, задолжены на сумму 3722 р. 65 коп., что, по числу ихъ ревизскихъ душъ, опредѣляетъ среднюю душевую недоимку въ 7 р. 08 коп. Разлагая недоборъ по числу окладныхъ работниковъ, мы найдемъ для первой группы среднюю недоимку плательщика—12 р. 02 к. и для второй группы—15 р. 01 коп.

всѣ беллетцы и булгирцы, присутствовавшіе на собраніяхъ; при этомъ весь путь дѣлится на участки: отъ Лены до Сатагая, отъ Сатагая до р. Амги, по рѣкѣ Амгѣ отъ устья Улькана до урочища Марылахъ, и съ Марылаха прямымъ путемъ на Лену.

Злобой дня для собравшихся на Сатагаѣ тунгусовъ служила жалоба кандидата по головѣ Восточно-Кангаласскаго улуса Божедонова, требовавшаго отъ тунгусовъ за пользованіе мѣстами для стойбища ежегоднаго платежа по 50 коп. съ оленя. У присутствовавшаго на собраніи якутскаго писарька оказался и подлинникъ этой жалобы, написанной отъ лица всѣхъ якутовъ 1-го Женкунскаго наслега и поданной въ Окружную Полицію 4 августа 1895 г. Въ жалобѣ указывалось на то, что тунгусы Гермогенова живутъ на Мондѣ съ 1-го мая по 1-е октября и, имѣя до 300 оленей, травятъ и совершенно обезцѣниваютъ сѣнокосы; на самомъ-же дѣлѣ, какъ увѣряли меня и священникъ и всѣ присутствовавшіе якуты (ужъ не говоря о самихъ отвѣтчикахъ), тунгусы выходятъ на Монду лишь къ 15-му іюня и удаляются въ 20-тыхъ числахъ іюля,—значитъ остаются на Мондѣ немного болѣе одного мѣсяца, при чемъ якуты отводятъ подъ стойбища самыя бросовыя и бездоходныя мѣста; уплачивать каждое лѣто по 150 рублей за кратковременное пользованіе скудными выгонами тунгусы не соглашались,—да и на самомъ дѣлѣ такой платежъ былъ-бы ни съ чѣмъ не сообразенъ. Заинтересовавшись дѣломъ, я прошелъ по лощинѣ Сатагая версты на полторы вверхъ и всюду видѣлъ у себя передъ глазами мелкія кочки, вереск и крайне жидкую, осоковидную и хвощеватую траву; какъ выгонъ для рогатаго скота, такое мѣсто могло-бы служить только при полномъ отсутствіи другихъ пастбищъ, а слѣдовательно для самихъ якутовъ оно едва-ли представляетъ хоть какую-нибудь хозяйственную цѣнность,—тѣмъ болѣе, что ниже, въ долинѣ Монды, луга и выгоны хороши и обильны; для рѣдкаго якутскаго населенія этого порѣчья такія урочища, какъ Сатагай или Туранахъ, должны представляться дѣйствительно

бросовыми.... На жалобѣ Божедонова имѣлась резолюція исправника, поручавшаго мѣстному засѣдателю разслѣдовать это дѣло, а такъ-какъ засѣдатель обыкновенно живетъ въ Амгинской слободѣ и на Мондѣ не бываетъ, то оставалось неизвѣстнымъ, когда можетъ послѣдовать какое-нибудь рѣшеніе; якуты однако-же выражали полную увѣренность въ томъ, что полиція станетъ на ихъ сторону....

Продневавъ на Сатагаѣ болѣе сутокъ, мы вышли въ путь только въ 10 часовъ вечера, чтобы за ночь перевалить хребетъ, раздѣляющій систему Лены отъ системы Амги и выйти на Тёнгуттюр. Въ свѣтлую сѣверную ночь ѣхать по холодку бываетъ удобнѣе чѣмъ днемъ, когда солнце печетъ сквозь рѣдкую зелень хвойнаго лѣса и кони покрываются потомъ въ первый-же часъ пути. Съ Сатагая наша маленькая кавалькада увеличилась еще двумя спутниками, такъ-какъ голова и якутскій писарекъ отправились съ нами до Амги, гдѣ предстояло собраніе буягирцевъ.

Верстахъ въ пяти отъ тунгузскаго стойбища мы миновали оживленное урочище Ботулу, гдѣ нѣсколько якутскихъ юртъ разсыпано по долинѣ у берега довольно большого озера, и неподалеку оттуда перешли въ бродъ на правый берегъ Монцы. За мѣстомъ нашего перехода долина рѣки приняла совсѣмъ иной характеръ чѣмъ прежде: рѣчное русло какъ-то незамѣтно исчезло, края долины съузились и теперь мы ѣхали уже не рѣчнымъ берегомъ, а типичнымъ якутскимъ „юряхомъ“ [1]). Наши кони вязли въ тинѣ, а тамъ, гдѣ дорога проходила лѣскомъ, осторожно переступали по узкой тропинкѣ, перевитой густой сѣтью узловатыхъ лиственичныхъ кореньевъ. Въ 15-ти верстахъ отъ Ботулу лощина

[1]) *Юряхъ*—якутское слово; по русски оно обыкновенно переводится словомъ *рѣчка*, но такой переводъ не совсѣмъ точенъ, т. к. во многихъ юряхахъ нѣтъ ни капли воды; по большей части юряхъ—длинная, извилистая лощина, похожая на рѣчное русло; дно такой лощины чаще всего кочковато и болотисто; иногда болото перемежается небольшими озерами, которыя изрѣдка соединяются небольшимъ ручейкомъ. Склоны юряховъ по большей части невысоки и покрыты лѣсомъ. По юряхамъ пролегаютъ почти всѣ улусныя дороги.

Монды сходитъ на нѣтъ: ея края понижаются и лѣсокъ безъ всякаго перерыва тянется съ одного ската на другой. Тутъ мы повернули влѣво и вскорѣ-же стали подниматься на довольно крутую, каменистую горку. На деревьяхъ, покрывавшихъ вершину горы, зелень имѣла матовый оттѣнокъ отъ легкаго инея. Ночь была очень холодна и мы порядочно мерзли. Перевалъ горой тянется всего пять верстъ, а тамъ дорога уже спускается съ хребта въ долину Тёнгутти. Такимъ образомъ оказывается, что верховья Монды и Тёнгутти почти сплетаются, принимая начало съ противоположныхъ скатовъ очень узкаго водораздѣла. Вершину Монды я видѣлъ своими глазами, а истокъ Тёнгутти, какъ говорятъ, лежитъ на 10 верстъ выше мѣста нашего выхода; между тѣмъ на существующихъ картахъ истоки обѣихъ этихъ рѣкъ удалены одинъ отъ другого верстъ на полтораста, что совершенно невѣрно.

Долина Тёнгутти по своему виду рѣзко отличается отъ долины Монды. Ширина ея у верховья рѣки очень незначительна—саженъ 30—50; дно сильно кочковато и топко; повсюду подъ кочками и на боковыхъ скатахъ подъ корнями деревьевъ выступаютъ обнаженія каменныхъ породъ, преимущественно какого-то бѣлаго плитняка, образующаго по краямъ промоинъ какъ-бы искуственно сложенныя стѣнки. Иловатая почва составляетъ очень тонкій слой, покрывающій сплошной каменный грунтъ. Мѣстами этотъ грунтъ выступаетъ наружу въ видѣ глыбъ и скалъ, а мѣстами понижается и сверху затягивается зыбкой трясиной. Очень извилистое и узкое русло Тёнгутти змѣится по лощинѣ, придерживаясь ближе къ правому краю. Съ дороги самой рѣки не видно, но слѣдить за изгибами ея русла не трудно, такъ-какъ вдоль берега, съ обѣихъ сторонъ, узкими каемками тянутся таловыя заросли.

Верстахъ въ 15-ти отъ мѣста нашего выхода унылая и дикая лощина Тёнгутти приняла еще болѣе угрюмый видъ, такъ-какъ лѣвый край лощины, постепенно повышаясь и становясь круче, наконецъ превратился въ почти отвѣсную каменную стѣну вышиною

сажени въ четыре. Надъ этой стѣной зеленѣлъ закругленный подъемъ, покрытый рѣдкимъ лѣсомъ, такъ, что нижній край ската казался какъ-бы срѣзаннымъ. Узкая тропа, по которой мы пробирались, шла подъ самымъ камнемъ, изгибаясь вмѣстѣ съ извилинами и выступами стѣны. Наши кони съ непривычки пугались и шарахались въ сторону, когда за инымъ выступомъ приходилось наѣзжать на большую глыбу, сорвавшуюся сверху и завалившую путь. Косясь и дрожа, кони обходили страшный предметъ только при сильныхъ понуканіяхъ, загрузая при этомъ въ вязкой тинѣ и грудью прокладывая себѣ путь сквозь чащу болотнаго вереска. Медленно подвигаясь впередъ, къ утру мы совсѣмъ продрогли и съ нетерпѣніемъ ждали привала.

Ѣхать долиной Тёнгутти намъ пришлось 15 верстъ и, добравшись до урасы, мы съ псаломщикомъ чувствовали себя настолько усталыми отъ продолжительной тряски и безсонной ночи, что наскоро напились чаю и сейчасъ-же завалились спать. Священникъ отсталъ отъ насъ на половинѣ пути и пріѣхалъ значительно позже.

Проспавшись и отдохнувъ, я измѣрилъ обитателей урасы и вступилъ съ ними въ очень интересную бесѣду. Глава семьи—старикъ Илья казался на видъ сильно поджарымъ и тощимъ. Судя по обстановкѣ, Илья былъ очень бѣденъ, но самъ онъ глядѣлъ на свое теперешнее положеніе, какъ на благополучный исходъ послѣ бѣдствій, испытанныхъ незадолго передъ этимъ. Тяжкіе годы начались тѣмъ, что у старика сразу передохли всѣ олени; между тѣмъ запасъ съѣстного у семьи былъ не великъ и пришлось экономить каждый кусокъ, по снѣгу добираясь съ двумя дѣтьми до ближайшаго жилья. Жена старика,—статная и бойкая якутка лѣтъ сорока, съ пріятнымъ, почти русскимъ лицемъ и живыми, искристыми глазами,—вспоминая объ этой порѣ, набросилась на нашего проводника, якута Николая: „вѣдь вотъ: будь мы съ мужемъ якуты,—и что-бы съ нами было? пошли-бы мы на старости

лѣтъ въ батраки,—я въ одно мѣсто, а мой старикъ—въ другое; жили-бы врозь, другъ о другѣ ничего-бы и не знали. Дѣтей нашихъ богачи разобрали-бы себѣ въ пріемыши и держали-бы ихъ за-одно со скотомъ! Плакали-бы мы до конца дней.... Не стать-бы намъ людьми.... такъ-бы и погибли на вѣки!... А вотъ, какъ мы тунгусы,—то намъ наши помогли: кто бѣлку далъ на поправку, кто лисицу, по своимъ средствамъ всякій давалъ.... и собрали намъ на покупку трехъ коровъ; съ коровами мы хоть дѣтей прокормили". Расходившаяся баба засыпала нашего Николая укоризнами и съ гордостью повторяла ему нѣсколько разъ: „я теперь тунгуска, и не жалѣю объ этомъ, а радуюсь: хоть и въ урасѣ живу, да хозяйкой, а поди я за бѣднаго якута,—не миновать-бы мнѣ кабалы у какого-нибудь тойона!"

Купивъ на пожертвованія тунгусовъ три коровы, Илья окортомилъ одну ближнюю рѣчку у своего тестя-якута и три года бился изъ послѣднихъ силъ, чтобы не умереть съ голода. Въ своемъ путевомъ дневникѣ я по необходимости записывалъ живую рѣчь своихъ собесѣдниковъ самымъ лаконическимъ языкомъ и дальнѣйшее повѣствованіе старика о первой зимѣ и еще о двухъ годахъ голодовки, занимаетъ въ моей записной книжкѣ всего двѣ строчки: „за всю зиму упромыслилъ 60 зайцевъ и двѣ лисицы. Ослабъ[1]). Сильно бѣдствовалъ. Перебился. Нынѣ имѣетъ около двадцати оленей[2]). Поправился".... Почти такими словами передавалъ о трехлѣтнемъ періодѣ бѣдствій и самъ старикъ.

Объ одномъ эпизодѣ изъ этого періода стоитъ, однако, разсказать, такъ-какъ онъ ужъ очень характеренъ:

Семья голодала. Ѣсть было рѣшительно нечего. Вся надежда оставалась на удачный выстрѣлъ. Илья собрался съ силами и пошелъ промышлять. Женѣ онъ велѣлъ выѣхать къ вечеру на опредѣленное мѣсто. (Къ этому времени на деньги вырученныя отъ

[1]) Т. е. физически ослабъ отъ голода.

[2]) Большихъ и малыхъ.

продажи коровъ вновь были заведены олени). Въ сумерки коротkаго зимняго дня, не заставъ своей бабы на условленномъ мѣстѣ, старикъ въ сердцахъ пошелъ ей на встрѣчу и, завидѣвъ нарту всего на полъ-пути, еще издали сталъ браниться: „ты, баба, что-же это копаешься? лѣнь тебѣ было поскорѣй снарядиться!—я усталъ, замерзъ, изголодался.... весь день ходилъ и далъ мнѣ Богъ удачу: убилъ оленя!“ Баба слушала и только посмѣивалась, а когда мужъ подошелъ поближе, она крикнула ему сама: „ты—мужчина, и хвастаешься, что въ кои-то вѣки убилъ оленя, а я—женщина, да упромыслила звѣря почище:—лося убила! Теперь будемъ сыты на долго!“ Старикъ не вѣрилъ, но оказалось, что и на самомъ дѣлѣ вышелъ такой случай. Собравшись спозаранку, т. е. свернувъ урасу и уложивъ вьюки, женщина еще утромъ выѣхала по намѣченному пути. Въ нартѣ кромѣ вьюковъ, помѣщался ребенокъ и лежало старое ружье, заряженное „бѣличьимъ зарядомъ“, т. е. маленькой пулькой при небольшемъ количествѣ пороха.... Проѣхала женщина всего нѣсколько верстъ и вдругъ увидѣла почти на пути изувѣченнаго лося. Одна нога у него была повреждена и звѣрь безсильно барахтался въ снѣгу, стараясь подняться. Съ голода у бабы откуда ни взялась отвага и сноровка: схватила она ружье, прицѣлилась и выстрѣлила на удачу.... Но бѣличій зарядъ для лося оказался ни почемъ: раненый звѣрь нашелъ силы вскочить на ноги и яростно бросился на нарту. Женщина обмерла отъ страха за ребенка и, сама себя не помня, выхватила изъ нарты лежавшій подъ рукой коротенькой топоръ и стала отбиваться. „Благо, что звѣрь—хромой,—передавала она подробности этого случая,—кинется на меня, да и упадетъ, встанетъ,—опять кинется, а я бью его топоромъ, куда ни попало: и по головѣ, и по спинѣ,—куда только не рубила!.... да силы у меня нѣтъ и страхъ меня беретъ. Сколько мы бились,—не знаю, только долго это шло; мнѣ казалось: ужъ и до мѣста можно-бы доѣхать: я-бы ужъ рада была, чтобъ онъ ушелъ, только-бы оста-

вилъ, а онъ лезетъ и лезетъ прямо на нарту.... Ужъ не знаю, какъ это случилось,—только съ одного удара вижу: упалъ и легъ,—убила!... Вотъ была мнѣ тогда радость! И сыты, думаю, будемъ, да и надъ мужемъ смѣшно: все онъ насъ кормилъ, а теперь ужъ *я* добытчикомъ стала.... Много мы тогда смѣялись!"

Веселая якутка съ удовольствіемъ вспоминала этотъ случай, особенно потѣшаясь надъ тѣмъ, какъ мужъ подходилъ къ ней и ругался.

Въ урасѣ Ильи мы оставались до 8-ми часовъ вечера, а въ эту пору, опять по холодку, выѣхали дальше. Дорога шла все время берегомъ Тёнгутти то по лугамъ, то по болотамъ, то по каменистымъ пригоркамъ, вдававшимся мысочками въ долину рѣки. Проѣхавъ 15 верстъ мы миновали якутскій лѣтникъ, а верстъ за 15—20 дальше этого лѣтника заночевали у одного якута, жившаго на самомъ берегу Тёнгутти. Тутъ священникъ всегда дѣлалъ роздыхъ, такъ-какъ дальнѣйшій путь до рѣки Амги идетъ уже не торной дорогой, а какой-то охотничьей тропой, по которой всадникамъ случается проходить два-три раза въ годъ. Меня предупреждали, что эта часть пути очень утомительна и совѣтовали отдохнуть хорошенько и собраться съ силами.

25-го іюня мы встали въ 7 часовъ утра и перешли на правый берегъ Тёнгутти сейчасъ-же за юртой, въ которой ночевали. За пять верстъ дальше, какъ мнѣ говорили, рѣчка уходитъ подъ землю и вновь выступаетъ наружу уже въ 10-ти верстахъ отъ юрты, сохраняя общее направленіе на юго-востокъ. Наша дорога отъ пункта перехода черезъ рѣку повернула прямо на югъ. Узкая, страшно корневатая тропа, извиваясь среди густого лѣса, шла въ гору, на перерѣзъ прирѣчнаго хребта. Намъ пришлось спѣшиться, чтобы не слишкомъ отягощать коней, которымъ и такъ было не легко. Перевалъ черезъ этотъ хребетъ не продолжителенъ;—по опредѣленію якутовъ, всего три версты,—а за высшею точкой перевала сейчасъ-же начинается спускъ въ лощину Аянъ-Юряхъ,

богатую прекрасными сѣнокосами. Несмотря на сухое лѣто, травы въ этой лощинѣ были настолько густы, что я не удивился при видѣ нѣсколькихъ, въ ту пору совершенно пустыхъ, якутскихъ зимниковъ, уныло чернѣвшихъ тамъ и сямъ среди волнистой зелени. По ту сторону Аянъ-Юряха тянется хребетъ, черезъ который намъ опять пришлось идти на перерѣзъ, чтобы верстъ за семь далѣе спуститься въ лощину Бясь-Юрячъ, откуда начиналась самая худшая часть пути. Крутымъ подъемомъ мы вновь поднялись въ гору и пошли лѣсистой вершиной высокаго хребта, уже третьяго на нашемъ пути. Стройныя, вѣтвистыя лиственницы довольно значительной толщины въ этомъ горномъ лѣсу стояли на разстояніи 7—8 саженъ одна отъ другой; ихъ стволы въ своей нижней части были совершенно гладки; первыя вѣтви начинались на высотѣ 3—4 саженъ отъ земли, но все пространство между мачтообразными стволами представляло собой сплошную чащу тонкаго, стеблевиднаго березняка и ольховника. Своими верхушками эта чаща доходила какъ разъ до навѣса лиственичныхъ вѣтвей. Тропинка, по которой мы подвигались вытянувшись гуськомъ, была едва замѣтна подъ густою сѣтью переплетающихся вѣтокъ и поникшихъ дугою тонкихъ стволовъ. Для того, чтобы пролагать себѣ путь сквозь эту густую заросль, каждому изъ насъ пришлось намотать поводъ на носокъ сѣдла и все время обѣими руками приподнимать и разводить гибкія сучья. Вниманіе при этомъ чрезвычайно утомляется и,—какъ ни остерегайся,—а на каждомъ шагу тебя назойливо хлещетъ по лицу, подцѣпляетъ за волоса или царапаетъ по рукамъ. Мѣстами туго набитыя переметныя сумы застреваютъ между деревьями; протискиваясь впередъ, при такомъ происшествіи упираешься руками въ стволы и движеніемъ колѣнъ понукаешь коня; тотъ дѣлаетъ усиліе и кое-какъ высвобождается,—но ногамъ всадника при этомъ порядочно достается. Послѣ трехъ-четырехъ верстъ подобнаго пути мы всѣ спѣшивались и версту-другую шли по кореньямъ, ведя коней въ поводу; но и пѣшій

путь то-же не легокъ, такъ-такъ свободной рукой все-таки приходится постоянно отгибать склонившіяся надъ тропинкой вѣтви. 10 верстъ мы не шли, а пробирались такимъ образомъ по горѣ и наконецъ выбрались на открытое мѣсто, спустившись въ широкую и топкую лощину Саныяхтахъ. Тамъ мы не безъ труда розыскали тропу посреди однообразныхъ кочекъ и ржавыхъ лужицъ, опять, уже въ четвертый разъ, поднялись въ гору и,—какъ будто-бы вернувшись назадъ,—вторично стали протискиваться на югъ сквозь такую-же чащу, какъ и раньше. Девятиверстный переходъ по четвертому хребту показался намъ безконечнымъ. Мы всѣ,—люди привычные къ таежнымъ путямъ,—чувствовали себя совершенно изнуренными; но при спускѣ съ горы еще нельзя было остановиться на роздыхъ, такъ-какъ въ верховьѣ лощины Бордахъ, на которую мы теперь вышли, не было ни капли воды. Только въ $4^1/_2$ часа по полудни, т. е. послѣ девяти съ половиной часовъ безостановочнаго пути, о. Іоаннъ указалъ мѣсто, гдѣ, какъ ему помнилось, долженъ находиться вблизи небольшой водоемъ. Тутъ мы и сдѣлали привалъ, котораго такъ долго не могли дождаться.

Лощина Бордахъ, по-якутски называется рѣчкой (юряхъ), но въ мѣстѣ нашего выхода еще нельзя было замѣтить никакихъ признаковъ русла. Дно лощины представляло собою кочковатую низину, поросшую верескомъ, и мы не безъ труда нашли небольшую ложбинку, наполненную очень чистой и пріятной на вкусъ водой. Видъ этой ложбинки былъ чрезвычайно оригиналенъ: вся она имѣла саженъ 6 въ длину и аршина полтора въ ширину; глубина ея не превышала аршина. Края ложбины были совершенно прямы, какъ-бы срѣзаны; сверху, съ тонкаго слоя иловатой почвы, къ водѣ свѣшивались болотныя травы, а подъ налетомъ ила виднѣлись пласты бѣлаго плитняка, образовавшаго собою какъ-бы искусственную кладку. Правильная, корытообразная фигура промоины и ровныя стѣнки плитняка, отчетливо сквозившаго черезъ воду, производили иллюзію какого-то искусственнаго соору-

женія. Приблизившись, я увидѣлъ, что въ этомъ маленькомъ и совершенно замкнутомъ водоемѣ плаваютъ стаи какой-то проворной мелкой рыбешки. Сначала я не могъ догадаться: какъ она могла туда попасть?,—но тунгусы мнѣ объяснили, что въ вешнюю пору вода рѣки Амги, заливая устье Бордаха, поднимается вверхъ по лощинѣ и смѣшивается съ водою горныхъ потоковъ, стекающихъ внизъ по Бордаху; амгинская рыба въ эту пору заходитъ далеко вверхъ, благодаря чему въ нѣкоторые года рыбу можно встрѣчать и въ такихъ мелкихъ лужицахъ, какъ нашъ сегодняшній водоемъ. Изъ дальнѣйшихъ распросовъ выяснилось, что рѣчка Бордахъ (начинающаяся нѣсколькими верстами ниже мѣста нашего привала), ежегодно увеличивается въ своей длинѣ, наростая въ верховьѣ, такъ-какъ послѣ каждаго половодья мѣстами образуются новыя промоины, а старыя удлинняются и кое-гдѣ, сблизившись краями, образуютъ зачатки постояннаго русла.

Двухъ-часовой роздыхъ совершенно возстановилъ наши силы и слѣдующія 15 верстъ мы сдѣлали на рысяхъ такъ, что въ 7 часовъ вечера уже вышли на Амгу близь устья небольшой рѣчки Ульканъ. Рѣка Амга въ этомъ мѣстѣ, на мой глазомѣръ, имѣетъ ширину саженъ въ 50[1]), если не меньше; правый берегъ рѣки гористъ и покрытъ лѣсомъ, а лѣвый въ пунктѣ нашего выхода представлялъ собою возвышенную плоскость съ разсѣянными кое-гдѣ среди зелени якутскими зимниками. Ближайшая жилая юрта находилася въ одной верстѣ отъ насъ, посѣвернѣй, подъ выступомъ, которымъ заканчивается лѣвый край лощины Бордахъ. Подъ этимъ выступомъ, по сообщенію о. Іоанна, пробиваются два ключа, одинъ совершенно чистый, а другой—мутный, съ водою издающей сильный сѣрнистый запахъ и негодной для питья. Жители юрты увидѣли нашу кавалькаду и подошли къ намъ; отъ нихъ мы узнали, что якуты въ этомъ году запретили буягирцамъ расположиться на стойбище на лѣвомъ берегу Амги и указали

[1]) Надо замѣтить, что въ этомъ году вода была очень мелка.

имъ мѣсто на правомъ берегу, за 15 верстъ дальше на югъ. Такъ-какъ по словамъ нашихъ собесѣдниковъ, наискось отъ стойбища, на нашемъ берегу, мы найдемъ жилую юрту, то мы, подумавъ, рѣшили отправиться туда, чтобы утромъ переѣхать къ тунгусамъ.

Надвинулись сумерки. Послѣ трехъ-четырехъ верстъ хорошаго пути по мягкому грунту мы достигли края открытой береговой полосы и спустились внизъ, на обмелѣвшую часть рѣчного русла. Справа отъ насъ сумрачно нависали крутые утесы, высотою саженъ до 12-ти, темнѣли причудливые силуэты башнеобразныхъ выступовъ и неправильной грядою тянулись красныя стѣны прибрежныхъ горъ. На ихъ вершинахъ зазубренной каймой чернѣли лѣса. Слѣва, почти у нашихъ ногъ, разстилалась потемнѣвшая гладь рѣки. Для прохода оставалось свободнымъ небольшое пространство между кручами и водой. Все оно было сплошь загромождено хаотическими массами уродливыхъ глыбъ, широкихъ лещадей и мелкой гальки. Мы шли пѣшкомъ по острымъ камнямъ и вели въ поводу своихъ неподкованныхъ лошадей, неохотно и робко шагавшихъ по такой жесткой и звонкой дорогѣ. Стукъ нѣсколькихъ десятковъ копытъ гулко раздавался въ ночной тишинѣ, напоминая своимъ дробнымъ перебоемъ трескотню перестрѣлки. Когда совсѣмъ стемнѣло и въ небѣ засіяли рѣдкія лѣтнія звѣзды, наша процессія, растянувшаяся почти на версту, приняла какой-то таинственный видъ: всѣ шли молча, склонивъ головы и сосредоточенно разсматривая путь; только грохотъ копытъ звучалъ неумолкаемо и по нему можно было догадаться, какъ далеко ушли передовые спутники, кто изъ нихъ отсталъ и кто пріостановился.... Въ полночь, въ глубокой темнотѣ, мы опять поднялись на открытый берегъ и вскорѣ дошли до юрты.

Въ полдень 26-го іюня насъ перевезли на другой берегъ, на стойбище буягирцевъ, гдѣ мы провели болѣе сутокъ. Тутъ мнѣ въ первый разъ довелось присутствовать при оригинальной сценѣ

вѣнчанья подъ открытымъ небомъ. Женихъ и невѣста не обнаруживали при этомъ особенно благоговѣйнаго настроенія и стояли въ своихъ золоченыхъ вѣнцахъ съ совершенно деревяннымъ видомъ; ихъ равнодушію нельзя было удивляться, такъ-какъ фактически они уже три года какъ были мужемъ и женой. Таковъ и вообще тунгузскій обычай: человѣкъ сватаетъ невѣсту, когда соберется съ силами внести за нее калымъ, а вѣнчается—когда доведется. За невѣсту—якутку калымъ вносится непремѣнно деньгами и притомъ въ довольно высокомъ размѣрѣ: рублей 100—150, за тунгуску—оленями, смотря по достатку. Одинъ изъ Гермогеновыхъ (привожу это какъ примѣръ) отдалъ за жену 17 оленей и двоихъ закололъ на угощеніе; кромѣ того онъ привезъ тестю $1^1/_2$ ведра водки, составляющей безусловно необходимую принадлежность брачнаго пиршества, гдѣ-бы оно ни происходило, хотя-бы въ самой глуши тайги. Въ приданое за женой мой знакомецъ взялъ 8 оленей, въ числѣ которыхъ одинъ былъ ѣздовой, одинъ—производитель и 6 важенокъ. Такъ-какъ указанный бракъ по своимъ условіямъ не составлялъ исключенія, то можно думать, что и вообще размѣръ приданаго у кангаласцевъ бываетъ приблизительно вдвое меньше соотвѣтственнаго калыма.

Изъ примѣчаній къ моимъ антропометрическимъ таблицамъ сразуже можно видѣть, какъ часто тунгусы женятся на якуткахъ. Обратные случаи бываютъ гораздо рѣже, такъ-какъ тунгуски не умѣютъ ходить за скотомъ и вообще не обычны къ якутскому хозяйственному порядку. Однако-же, расоваго отвращенія къ тунгускамъ якуты не питаютъ и на дѣвушкахъ изъ объякутѣлыхъ семействъ женятся охотно. Въ старину высокомѣріе якутовъ дѣлало такіе браки болѣе рѣдкими и среди кангаласцевъ сохранилось слѣдующее курьезное преданіе: нѣкогда тунгусы высватали дочку у Тыгына и дали за нее калымъ своими оленями; однако, по неумѣнію якутовъ ходить за этими животными, все стадо отъ

тыгыновыхъ пастуховъ вскорѣ-же убѣжало и якуты послѣ этого случая рѣшили никогда не выдавать своихъ дочерей за тунгусовъ....

Къ настоящему времени отразившіяся въ этомъ преданіи различіе культуры и обособленность расъ сильно посгладились. По теченію р. Амги якутское населеніе несомнѣнно смѣшалось по крови съ тунгусами, а частью и съ русскими, и типъ обоихъ этихъ племенъ остался не безъ вліянія на общемъ типѣ здѣшнихъ якутовъ. Легкость заключенія и расторженія внѣбрачныхъ связей часто не позволяетъ прослѣдить всѣ случаи метисаціи какого-нибудь туземнаго семейства, хотя-бы въ трехъ поколѣніяхъ; нерѣдко оффиціальное обозначеніе иного лица „якутомъ“ или „тунгусомъ“ ведется не по отцу, а по матери этого лица. Для примѣра разскажу хотя-бы такой случай: на одномъ стойбищѣ вижу я молодого человѣка—стройнаго, краситаго, съ инородческимъ типомъ лица, но съ большими глазами и тонкимъ, прямымъ носомъ; изъ за этого молодого человѣка спорятъ якуты и тунгусы: и тѣ и другіе считаютъ его своимъ; справляюсь о его происхожденіи и узнаю, что лѣтъ 50 тому назадъ по Амгѣ ходили и громили инородцевъ шайки „казаковъ“ (очевидно—бѣглыхъ охотскихъ каторжниковъ, дѣйствительно соединявшихся въ большія разбойничьи шайки); одинъ изъ этихъ „казаковъ“ похитилъ тунгуску, прижилъ отъ нея дочь и послѣ этого прогналъ женщину домой; придя въ возрастъ, дочь русскаго сожительствовала съ якутомъ и спорный юноша ея сынъ; по спискамъ онъ числится тунгусомъ, но живетъ среди якутовъ и весь отцовскій родъ считаетъ его своимъ.... Въ приведенномъ случаѣ русскій бродяга прогналъ похищенную тунгуску, такъ-какъ никогда не считалъ ее своей женой; но часто бываетъ, что мужъ-инородецъ прогоняетъ женщину, съ которой, по мѣстнымъ понятіямъ, онъ состоялъ въ правильномъ бракѣ. Такой случай встрѣтился мнѣ впослѣдствіи при ночлегѣ на устьѣ р. Нохорой: дочь нашей хозяйки, особа лѣтъ 16-ти, три года была „замужемъ“ за однимъ якутомъ, но когда у нея развилась неизлѣчимая болѣзнь,

лишившая ее способности къ работѣ (какое-то гнойное образованіе на ногѣ), мужъ преспокойно привезъ ее къ матери и отказался вѣнчаться, не пожалѣвъ своего небольшого калыма.... Подобные случаи показываютъ, что въ этой глухой части Якутскаго округа бракъ и донынѣ остается въ глазахъ инородцевъ чисто гражданскою сдѣлкой, а обрядъ вѣнчанья является въ ихъ глазахъ лишь формальностью, требуемой русскими властями. О. Іоаннъ, вѣнчая инородцевъ, обращался къ молодымъ съ теплымъ увѣщаніемъ и наставлялъ ихъ въ правилахъ христіанской жизни, но другіе священники, какъ кажется, ограничиваются однимъ исполненіемъ обряда и потому нельзя ожидать, чтобы понятія мѣстныхъ инородцевъ о семейныхъ отношеніяхъ могли существенно измѣниться въ духѣ христіанскихъ идей. Изъ цикла этихъ идей въ общее сознаніе туземнаго населенія вошло только одно понятіе, это—обоюдность желанія, какъ необходимое условіе брака. На одной стоянкѣ мнѣ самому пришлось быть очевидцемъ такой любопытной сценки: родители-якуты попросили священника обвѣнчать ихъ дочь съ присутствовавшимъ тутъ-же молодымъ человѣкомъ; о. Іоаннъ надѣлъ облаченіе, псаломщикъ приготовилъ вѣнцы, женихъ и невѣста стали рядышкомъ честь-честью; по началу все шло хорошо, но когда наступилъ моментъ опроса, дѣвушка съ невозмутимо покойнымъ видомъ заявила „нѣтъ, не хочу“; о. Іоаннъ попросилъ ее объяснить, въ чемъ дѣло, и та, все съ тѣмъ-же непоколебимымъ, почти равнодушнымъ видомъ, разсказала, что родители давно вынуждали ее итти замужъ за этого человѣка, а она всегда имъ говорила, что не пойдетъ; старики очевидно разсчитывали на то, что она въ послѣдній моментъ струситъ и покорится, но этого не будетъ, такъ-какъ ей хорошо извѣстно, что противъ воли ее не обвѣнчаютъ.... Родители и женихъ сконфуженно примолкли, а дѣвушка отошла въ свой уголъ юрты и сѣла на лавку какъ ни въ чемъ не бывало.... По словамъ священника, такіе случаи въ его практикѣ повторяются почти каждый годъ.

Добравшись до Амги, мы надѣялись отправиться дальше на большомъ плоту, но въ этомъ году такой способъ путешествія оказался невозможнымъ, такъ-какъ вода была слишкомъ мелка. Ровная линія крупнаго валежника, указывавшая весеній уровень рѣки, сѣрѣла по берегамъ сажени на четыре выше теперешнихъ водъ. Средняя глубина Амги на главномъ стержнѣ составляла на глазъ аршина два съ половиной, мѣстами сажень—полторы, и лишь кое-гдѣ—сажени двѣ или больше. Такъ-какъ обыкновенный здѣшній плотъ сидитъ въ водѣ на полъ-аршина, то итти можно было-бы свободно, если-бы не было на рѣкѣ довольно широкихъ перекатовъ; но бѣда въ томъ, что перекатовъ на Амгѣ не мало, и на нѣкоторыхъ изъ нихъ рѣка настолько обмелѣла, что даже въ веткѣ[1]), при всей незначительности ея осадки, проходъ оказывается не легокъ: надо лавировать вправо и влѣво, изыскивая путь среди большихъ и малыхъ камней, на которые не долго напороться.

Съ буягирскаго стойбища мы выѣхали 27-го іюня въ 7 часовъ вечера и ѣхали всю ночь до 7 часовъ утра, сдѣлавъ за это время 40 верстъ. Въ двухъ мѣстахъ мы останавливались, чтобы дать роздыхъ гребцамъ, отлить изъ ветокъ просачивавшуюся воду, и хоть нѣсколько размяться самимъ. На первыхъ порахъ положеніе сѣдока, путешествующаго въ этомъ утломъ сооруженіи, кажется очень удобнымъ: каждый изъ насъ (т. е. я, священникъ и псаломщикъ) имѣлъ свою ветку и своего гребца; гребецъ сидѣлъ позади и ловко орудовалъ двулопастнымъ перекиднымъ весельцемъ; его

[1]) Для устройства ветки дѣлается очень легкій остовъ изъ таловыхъ вѣтвей; длина остова—аршинъ 7; въ средней части борта отстоятъ аршина на полтора, а по краямъ полукруглыя ребра постепенно укорачиваются и суживаются такъ, что съ обѣихъ сторонъ ветка заканчивается острыми, шиловидными носиками, торчащими надъ водой. Основа обшивается пластомъ бересты, послѣ чего всѣ пазы заливаются смолой. По всему дну вѣтки настилаются тоненькія, лучинообразныя дощечки, налегающія не на бересту, а на внутреній изгибъ таловыхъ реберъ; на эти то дощечки и приходится садиться и класть вещи, т. к. береста не могла-бы выдержать тяжести груза.

ноги упирались въ аккуратно сложенную горку пожитковъ, служившихъ стѣнкой для самаго путешественника; опустившись сидѣньемъ на разостланной въ передней части ветки войлокъ или кумаланъ [1]), путешественникъ прислоняется спиною къ горкѣ пожитковъ, а ноги вытягиваетъ впередъ; но такъ-какъ всѣ ветки по краямъ сильно сужены, то приходится или сгибать колѣна или класть ступни на тонкіе борта носовой части, т. е. сидѣть по американски,—что очень комфортабельно на первыхъ порахъ, но до крайности утомительно при долгомъ пути. Въ добавокъ вертлявость и шаткость ветки требуетъ отъ путника величайшей осторожности въ движеніяхъ. Два сѣдока (я и тунгусъ) и мой дорожный скарбъ, вѣсившій пуда 2—3, т. е. тяжесть пудовъ въ 12, составляла самый большой грузъ, какой могла поднять наша берестянка, и потому ея края возвышались надъ водой не болѣе, какъ вершка на полтора. При такой осадкѣ суденышка сидѣть приходилось смирно и послѣ двухъ—трехъ часовъ пути у каждаго изъ насъ являлась потребность выйти на берегъ и поразмяться въ ходьбѣ и въ набираніи сушника для неизбѣжнаго костра. Къ полночи стало очень холодно: рѣка окуталась густымъ туманомъ и мы подвигались впередъ, не видя береговъ, въ какой-то пронизывающей, сѣрой мглѣ.

Двухчасовой роздыхъ въ якутской юртѣ возстановилъ наши силы. Хозяинъ этой юрты, якутъ, жилъ очень опрятно, почти на русскій ладъ, и сѣялъ 10 пудовъ ячменя. По его словамъ на лѣвомъ берегу Амги земледѣліе не встрѣчаетъ никакихъ препятствій ни въ климатическихъ, ни въ почвенныхъ условіяхъ этого края; якутскія жилища тянутся по этому берегу верстъ на сто за Улканъ и всюду по линіи разселенія якутовъ запашки вполнѣ возможны.

Въ 9 часовъ утра мы выѣхали дальше, къ устью лощины Оннёю, лежащей на 20 верстъ сѣвернѣе. Южный край этой лощины замыкается утесомъ Суруктахъ-Хая (Письменная гора); заслуживаю-

[1]) Небольшой коврикъ изъ лосиной шкуры.

щимъ упоминанія, такъ-какъ на немъ сохранился остатокъ какихъ-то старинныхъ начертаній. О томъ, что въ Якутской области встрѣчаются на скалахъ какія-то начертанія, я слышалъ уже давно. Бывшій якутскій губернаторъ К. Н. Свѣтлицкій видѣлъ ихъ при своемъ плаваніи по р. Маѣ въ 1886 году. Впослѣдствіи Я. В. Стефановичъ далъ описаніе этихъ майскихъ рисунковъ въ отчетѣ о своемъ путешествіи[1]). Крестьянскій староста г. Припузовъ передавалъ мнѣ, что утесы по р. Синей въ старину во многихъ мѣстахъ были покрыты изображеніями звѣрей и другими фигурами, начертанными на такой высотѣ, что теперешніе жители недоумѣваютъ, какъ люди могли туда взобраться. По словамъ г. Припузова выщербливанье камней постепенно уничтожаетъ эти рисунки, хотя нѣкоторые изъ нихъ еще не исчезли и въ настоящее время. Недалеко отъ устья Бордаха о. Іоаннъ указалъ мнѣ на одной прибрежной глыбѣ два звѣздообразныхъ значка, начертанные на высотѣ двухъ аршинъ надъ землей, но эти значки, какъ я думаю, сдѣланы очень недавно и не имѣютъ особеннаго значенія, такъ-какъ исчерченная глыба находится въ довольно укромномъ мѣстѣ и высота значковъ надъ землей слишкомъ незначительна. Писаницы и символическія фигуры, уцѣлѣвшія отъ старины, въ Якутской области, такъ-же какъ и въ енисейскомъ краѣ, обыкновенно начертывались на крутыхъ откосахъ, высоко надъ водой. На утесѣ Суруктахъ-Хая начертанія состояли изъ двухъ кольцевидныхъ фигуръ, одной краснаго цвѣта, а другой чернаго. Фигуры эти были расположены на высотѣ саженъ трехъ—четырехъ надъ верхнимъ краемъ террасы, образовавшейся у подножья утеса изъ осколковъ, падавшихъ сверху. Высота этой террасы приблизительно одна сажень. Высота всего утеса саженъ восемь. Оба кольца были расположены по одной горизонтальной линіи, но въ настоящее время камень съ чернымъ кольцомъ выщербился и на скалѣ остается изображеніе одного краснаго кольца. Время начертанія этихъ

[1]) „Отъ Якутска до Аяна“ стр. 64.

фигуръ современнымъ жителямъ неизвѣстно. Другихъ изображеній нѣтъ ни на одномъ изъ многочисленныхъ утесовъ, мимо которыхъ мы плыли, но выше по Амгѣ, какъ говорятъ, начертанія различнаго вида уцѣлѣли не въ одномъ мѣстѣ.

Распрашивая у спутниковъ, нѣтъ-ли гдѣ-нибудь на скалахъ знаковъ и изображеній, я узналъ отъ головы, что въ верховьяхъ рѣки Мархи, протекающей близъ границы Якутскаго и Олекминскаго округа, въ глухой чащѣ, на какомъ-то горномъ перевалѣ лежитъ большой камень съ изображеніемъ „лося и быка, встрѣтившихся“, т. е. съ изображеніемъ двухъ головъ названныхъ животныхъ, обращенныхъ одна къ другой. Надъ этими фигурами, „какъ вывѣска Областного Правленія“,—по выраженію Адамова,—виднѣется прямолинейный рядъ какихъ-то непонятныхъ значковъ. Тунгусы, проѣзжая мимо этого камня, приносятъ ему жертвы, но преданій о томъ, кѣмъ и по какому поводу сдѣланы на камнѣ таинственныя начертанія у жителей края не сохранилось.

Въ настоящее время тунгусы даютъ другъ другу свѣдѣнія о своихъ разъѣздахъ посредствомъ особой системы условныхъ знаковъ: отправляясь въ дальній путь, тунгусъ втыкаетъ въ снѣгъ палку съ легкимъ наклономъ по направленію своего пути; при намѣреніи расположиться на стоянку гдѣ-нибудь невдалекѣ, наклонъ палки усиливается; при поворотѣ въ сторону отъ извѣстнаго пути, прежній путь перегораживается палкой, а на новомъ втыкается другая палка. Если въ семьѣ странствующаго кто-нибудь боленъ, то на деревѣ дѣлается затесъ, на которомъ изображается углемъ человѣкъ, лежащій на боку или навзничъ; въ случаѣ смерти кого-нибудь изъ семейныхъ, человѣкъ изображается лежащимъ ничкомъ. Иногда, вмѣсто рисунка, соотвѣственное изображеніе вырѣзывается изъ бересты и вѣшается на деревѣ. Такъ, желая предупредить другихъ охотниковъ о томъ, что-бы они привязывали къ нартамъ своихъ собакъ, такъ-какъ въ окрестностяхъ разбросана отрава на лисицу

тунгусъ вырѣзываетъ изъ бересты и подвѣшиваетъ на видномъ мѣстѣ фигуру собаки и. т. п....

Помимо присутствія начертаній, утесъ Суруктахъ-Хая замѣчателенъ тѣмъ, что напротивъ него лежитъ самый южный пунктъ, до котораго простираются жилища якутовъ на правомъ берегу р. Амги. Начиная съ этого пункта, лѣтники встрѣчались намъ очень часто. Тамъ, гдѣ горы сколько-нибудь отступали отъ берега, виднѣлось по нѣсколько домиковъ, расположенныхъ неподалеку одинъ отъ другого, въ перемежку съ небольшими нивами. Почти всѣ здѣшніе лѣтники просторны и содержатся довольно опрятно. По способу постройки они представляютъ такъ называемый „русскій домъ“ или „амбаръ,“ т. е. имѣютъ форму не шатрообразную, какъ юрта, а почти кубическую, какъ домикъ сибирскаго крестьянина. Средній уровень благосостоянія пріамгинскихъ якутовъ, какъ мнѣ показалось, нѣсколько выше, чѣмъ тотъ жалкій уровень, которымъ довольствуются якуты сѣверныхъ наслеговъ: тутъ я чаще встрѣчалъ самовары, хорошій ситецъ на рубашкахъ мужчинъ и женщинъ, общій отпечатокъ относительнаго довольства на лицахъ людей и на всей обстановкѣ ихъ жилищъ. Кромѣ того, въ пріамгинскомъ населеніи чаще, чѣмъ на сѣверѣ, можно встрѣтить якута съ болѣе или менѣе ясно выраженными признаками русскаго типа; особенно запомнился мнѣ одинъ бологурецъ: рослый мужчина съ коричневымъ лицомъ, съ черными, жесткими волосами и въ то-же время съ высокимъ, превосходно развитымъ лбомъ чистокровнаго арійца и съ окладистой, длинной бородой. Среди тунгусовъ къ сѣверу отъ Суруктахъ-Хая я также встрѣтилъ двухъ блондиновъ и одного мальчика съ совершенно русскими чертами лица. Всѣ эти признаки,—культурные и соматическіе,—проникаютъ въ инородческое населеніе края главнымъ образомъ вслѣдствіе смѣшенія съ крестьянами Амгинской слободы, до которой намъ оставалось по теченію рѣки еще верстъ 200.

Со стойбища въ лощинѣ Оннёю (подъ утесомъ Суруктахъ-Хая),

мы выѣхали 28-го числа въ 11 часовъ вечера и больше уже не видѣли на своемъ пути ни одной урасы. Всѣ тунгусы, встрѣтившіеся намъ дальше, или имѣли свои лѣтники на земляхъ, арендованныхъ у нахрцевъ, или жили у якутовъ въ качествѣ „джукаковъ“[1]). Первый примѣръ такого сожительства повстрѣчался намъ на ближайшемъ привалѣ, въ 20 верстахъ отъ Оннёю, на урочищѣ Хамыстахъ. Полдюжины домиковъ вытянулось тамъ въ одну линію на протяженіи полуторы версты. Пережидая туманъ, мы напились на Хамыстахѣ чая и выѣхали дальше въ 4 ч. утра.

Переѣздъ 29-го іюня хорошо мнѣ запомнился благодаря эффектной красотѣ прибрежныхъ горъ. Крутые, столбообразные утесы подступаютъ къ рѣкѣ въ пяти верстахъ за Хамыстахомъ и тянутся съ небольшими промежутками почти на всемъ протяженіи дневного пути. Самые высокіе изъ нихъ, какъ мнѣ показалось, достигаютъ высоты саженъ въ 20 и висятъ надъ водой совершенно отвѣсно, другіе имѣютъ очень причудливыя формы или изрыты большими и малыми пещерами, образовавшимися очевидно отъ дѣйствія воды. На нѣкоторыхъ скалахъ можно съ удобствомъ изучать постепенное образованіе такихъ пещеръ, такъ-какъ рядомъ виднѣются и маленькія щербинки, и жерла побольше, и такія-же жерла съ устьемъ настолько широкимъ, что ихъ уже можно назвать небольшими пещерами. Нѣкоторыя изъ пещеръ очевидно соединяются сквозными проходами съ поверхностью горъ, такъ-какъ ихъ жерла почти наполнены наносомъ мелкаго щебня; низвергаясь оттуда внизъ, каменные потоки образуютъ на нижнемъ скатѣ утесовъ какъ-бы полотнища, разостланныя отъ устья пещеры до поверхности воды. Издалека они походятъ на чудовищные языки, жадно высунутые изъ каменной пасти. На многихъ утесахъ, на самыхъ различныхъ уровняхъ высоты, здѣсь видны громадныя, совершенно черныя пятна, имѣющія расплывчатую форму чернильныхъ кляксъ; иногда подъ такими кляксами замѣтны черныя струйки, какъ будто-бы

[1]) Джукакъ—якутское слово, значащее—квартирантъ.

красящая жидкость, брызнувъ когда-то изъ скалы, стекала затѣмъ внизъ небольшимъ ручейками. Однако-же, при самомъ тщательномъ осмотрѣ, я всюду находилъ, что краска въѣлась въ самый камень; никакихъ слѣдовъ застывшаго красящаго вещества на глазъ нельзя было обнаружить въ этихъ кляксахъ и только на горѣ Хорончука-Хая замѣтныя на ея откоскахъ черныя пятна и полосы, по сообщенію нашихъ гребцовъ, состоятъ изъ смолистаго вещества, которое мѣстные жители зимою сбиваютъ съ высоты ружейными пулями и употребляютъ какъ лѣкарство противъ кашля. Видѣть это вещество вблизи мнѣ не удалось.

Въ 13-ти верстахъ отъ Хамыстаха, проѣзжая лѣвой стороною рѣки подъ невысокимъ навѣсомъ плоскаго берега, мы были поражены сильнымъ сѣрнистымъ запахомъ, доносившимся до насъ съ берега. Гребцы намъ объяснили, что тутъ, недалеко въ сторонѣ, есть маленькое озерко или скорѣе—естественно образовавшаяся сажелка, въ которую изъ земли пробивается темная, „почти синяя“ вода, издающая этотъ характерный запахъ.

Съ однимъ изъ утесовъ, мимо которыхъ мы проѣзжали, связано фантастическое преданіе или тусклый остатокъ исчезающей легенды, смыслъ которой возстановить теперь уже трудно: по словамъ тунгусовъ, въ небольшомъ углубленіи, виднѣющемся на вершинѣ одной скалы, нѣкогда свила себѣ гнѣздо колоссальная птица невиданной породы; птица имѣла дѣтенышей и похищала якутскій скотъ; ни застрѣлить, ни поймать ее не было никакой возможности, и люди кончили тѣмъ, что разложили внизу громадный костеръ и выкурили чудовище дымомъ.... Другой утесъ отмѣченъ въ памяти тунгусовъ благодаря событію менѣе сказочнаго характера. Съ его вершины нѣсколько лѣтъ тому назадъ свалился большой медвѣдь; нѣсколько ниже по рѣкѣ есть утесъ, съ котораго однажды свалился лось; вообще случаи паденія животныхъ съ порѣчныхъ кручъ, какъ видно, не составляютъ рѣдкости.

Верстахъ въ 25-ти отъ Хамыстаха рѣка уклоняется круто на

западъ, а затѣмъ опять поворачиваетъ на востокъ, и образуетъ луку длиною верстъ въ 30—40. Ширина этой луки всего четыре версты, и въ лѣсу, покрывающемъ гору, на перерѣзъ луки проложена тропа, которой часто пользуются путники для того, чтобы избавить себя отъ скуки длиннаго переѣзда водой. Мы, однако-же, предпочли ѣхать, такъ-какъ сидѣть часовъ восемь на пустынномъ берегу въ ожиданіи нашихъ ветокъ было-бы то-же не особенно весело. Миновавъ на своемъ пути устье р. Тамха̀, въ вершинѣ которой осѣло густое якутское населеніе, мы продолжали свое плаванье до двухъ часовъ ночи и пристали на ночлегъ въ одной юртѣ близь устья р. Нохорой.

Въ полдень 30-го іюня мы тронулись дальше въ нашихъ легкихъ веткахъ по теченію Амги. Ея русло въ этомъ мѣстѣ значительно шире, чѣмъ подъ Ульканомъ, но дно все такъ-же каменисто и вода, несмотря на бо̀льшую глубину, такъ-же прозрачна; только цвѣтъ ея въ наиболѣе глубокихъ мѣстахъ кажется болѣе темнымъ и сильно зеленоватымъ. Красивые утесы, какъ и вчера, развлекали насъ своимъ причудливымъ видомъ. Благодаря разнообразію ихъ формъ, каждый плесъ имѣлъ свою особую физіономію и мы ѣхали безъ скуки посреди этихъ декоративныхъ стѣнъ, не расплываясь далеко другъ отъ друга и дѣлясь впечатлѣніями.

Въ 15 верстахъ отъ устья рѣки Нохорой мнѣ указали утесъ Эмеяхсынъ-Хая (Старухина гора), обязанный своимъ названіемъ преданію, будто-бы въ его нѣдрахъ обитала какая-то „Безсмертная Старуха“, иногда являвшаяся людямъ. Десятью верстами дальше, съ правой стороны, мы миновали устье рѣчки Бэллеми, о которой мнѣ сообщали, что нѣсколько выше своего устья она совершенно непроходима: „ни въ веткѣ водой, ни конным, ни пѣшимъ по берегу человѣку не пройти“. Дикія скалы загромождаютъ берега этой рѣки на протяженіи 20 верстъ, но выше въ Бэллеми впадаетъ много мелкихъ рѣчекъ, богатыхъ прекрасными сѣнокосами.

Всѣ эти сѣнокосы, какъ водится, принадлежатъ якутамъ двухъ нахрскихъ наслеговъ. За 22 версты отъ устья Бэллеми намъ пришлось остановиться у ручья, выпавшаго въ Амгу съ лѣвой стороны. Тутъ на берегу насъ поджидали люди, усиленно приглашавшіе о. Іоанна съѣздить версты за три въ сторону, чтобы отслужить молебенъ. О. Іоаннъ сѣлъ на коня и отправился по зову якутовъ вмѣстѣ съ псаломщикомъ, а я остался на берегу, выжидая возвращенія своихъ спутниковъ. Тѣ вернулись къ 9 часамъ вечера и разсказали, что въ 3 верстахъ отъ берега они видѣли цѣлый поселокъ юртъ въ 20; жители поселка—якуты 1-го Нахра; народъ, повидимому, зажиточный, такъ-какъ въ окрестностяхъ поселка видны большія нивы, бродитъ много скота и лошадей. Для о. Іоанна, несмотря на его знаніе края, существованіе этого поселка являлось совершенно новымъ открытіемъ: онъ никакъ не предполагалъ, чтобы въ здѣшней глуши могъ скрываться пунктъ съ такимъ густымъ населеніемъ.

Проѣхавъ оттуда еще три часа, въ самую полночь мы прибыли въ конечный пунктъ тунгузскихъ поселеній—урочище Марылахъ, близъ котораго живетъ осѣдло старшина одного изъ колѣнъ 2-го беллетскаго рода Павелъ Мартыновъ. Въ колѣнѣ Мартынова 25 семей; изъ нихъ 13 ведутъ бродячую жизнь, а 12—лѣтъ 25 (самъ Павелъ—уже 29 лѣтъ) какъ обстроились на земляхъ, арендованныхъ у якутовъ, и занимаются по примѣру послѣднихъ земледѣліемъ и скотоводствомъ. Домикъ самаго Мартынова представляетъ собой вполнѣ благоустроенное жилье, состоящее изъ трехъ четырехъ-угольныхъ срубовъ, примкнутыхъ одинъ къ другому. Первое помѣщеніе отъ входа не имѣетъ досчатаго пола; оно предназначается для стряпни и для работниковъ; второе помѣщеніе,—съ поломъ и довольно большими окнами,—содержится очень опрятно и служитъ какъ-бы столовой и пріемной; третье помѣщеніе—это чистенькій амбарчикъ или большая клѣть, замѣняющая собой въ одно и то-же время кладовую и спальню хозяевъ.

Если на всемъ протяженіи нашего пути, начиная съ Туранаха, мы не встрѣтили ни одной урасы, въ которой намъ не приходилось-бы слышать горькихъ сѣтованій на безземельность и притѣсненія со стороны якутовъ, то здѣсь, на Марылахѣ, земельный вопросъ представлялъ для тунгусовъ, если не вопросъ жизни или смерти, то во всякомъ случаѣ—вопросъ о благосостояніи или о внезапномъ и полномъ разореніи.

Дѣло въ томъ, что многіе изъ здѣшнихъ тунгусовъ или вовсе не имѣютъ оленей или имѣютъ ихъ въ самомъ ограниченномъ количествѣ (напримѣръ: двѣ родственныхъ семьи, ведущія общее хозяйство,—четырехъ оленей). Отъ звѣроловства иные изъ мартыновскихъ тунгусовъ настолько отстали, что заниматься этимъ промысломъ, какъ единственнымъ средствомъ пропитанія, они рѣшительно не могутъ, такъ-какъ ихъ молодежь съ дѣтства свыклась съ пріемами якутскаго скотоводства и земледѣлія,—только съ этимъ. Четверо наиболѣе бѣдныхъ хозяевъ этой группы, обходясь безъ оленей, все-таки имѣютъ по одной коровѣ, трое хозяевъ имѣютъ по 2 коровы; трое имѣютъ каждый головъ по 10—20 и еще трое—головъ по 30—40; между тѣмъ олени имѣются только у четверыхъ хозяевъ и я думаю, что одной этой справки достаточно для того, чтобы видѣть, въ какой степени всѣ эти люди объякутились по образу своей жизни и по складу своего хозяйственнаго быта. Ясно, что внезапное изгнаніе съ плодородныхъ береговъ Амги назадъ,—въ горы, откуда они вышли четверть вѣка тому назадъ, навсегда погубило-бы ихъ попытки обзавестись своимъ хозяйствомъ и осѣсть на землѣ въ качествѣ скотоводовъ и земледѣльцевъ... А между тѣмъ такое изгнаніе угрожало всѣмъ мартыновскимъ тунгусамъ чуть-ли не со дня на день. Все ихъ хозяйственное благополучіе основано буквально на пескѣ—на клочкахъ бумаги, представляющей собою нацарапанный полуграмотнымъ якутскимъ писаремъ договоръ объ арендѣ. Умышленная или неумышленная темнота выраженій, въ которыхъ составлены эти